

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

САРА ДЖИО



Среди тысячи лиц

*Посвящается любви,
минувшей и настоящей,
но главным образом той,
что длится вечно.*



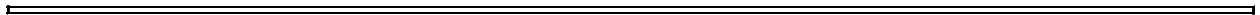
Annotation

Кайли и Райан любят друг друга той чистой и спокойной любовью, которой многие могут только позавидовать. Но однажды на выходе из ресторана Кайли замечает бездомного мужчину. С ужасом она узнает в нем Кэйда, некогда успешного продюсера, которого очень любила, покуда он не оставил ее, так и не соизволив объясниться. Неужели это действительно он? Друг Кэйда, Джеймс, отрицает подобную возможность, а жених Кайли с каждым днем тревожится все больше – слишком уж сильно она увлеклась своими странными фантазиями...

- [Сара Джо](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [От автора](#)
- [Слова благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)



Сара Джо Среди тысячи лиц

Sarah Jio
ALWAYS

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

* * *

*Посвящается любви, минувшей и настоящей, но
главным образом той, что длится вечно*

*Имейте смелость довериться любви еще раз, снова
и снова.*

Майя Энджелу

Глава 1

15 ноября 2008 года

– О нет! Ну почему я *всегда* так делаю? – сказала я своему жениху Райану, когда мы вошли в ресторан.

– Что делаешь, детка?

– Забываю сумочку в машине.

Мы только что оставили машину на парковке. Когда мы выглянули в окно, парковщик как раз занимался белым «БМВ» Райана.

– Сейчас я за ней схожу, забывчивая ты моя. – Он чмокнул меня в щеку. – А ты садись за столик. Я вернусь через минуту.

Четыре года назад мы встретились на нашем первом свидании во французском ресторане «Ле Марше» на Четвертой авеню, где столик надо было бронировать за пять месяцев. Каким-то образом Райану удалось организовать его для нас. Точно так же он заполучил его и этим вечером. Судя по всему, моему жениху под силу двигать горы.

– Я хочу, чтобы сегодня у нас был идеальный вечер, – заявил он, выкладывая мне новость о забронированном столике. Райан взял меня за руку так, словно никогда не собирался отпускать ее. Бриллиант, куда более внушительного размера, чем мне бы хотелось, сверкнул на моем безымянном пальце. Мы собирались пожениться в июле в Фэрмонте.

– У вас забронирован столик? – спросил администратор, когда я раздевалась в гардеробе.

– Да, – ответила я. – На двоих, фамилия Уинстон.

Трудно поверить, но через несколько месяцев я стану миссис Райан Уинстон. Вот-вот я возьму фамилию Райана. Он этого хотел, да и я, пожалуй, не откажусь. У нас будет семья *Уинстонов*, доверенных лиц Гейтсов и Нордстромов. Это известная фамилия, и принадлежать к ней – это честь.

Но я всегда была Кайли Крэйн. *Кей-Кей*, хотя на самом деле меня никто так не называл класса с шестого. И все же непросто вот так взять и отказаться от своей фамилии. Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза, пытаюсь прогнать воспоминание, пробивавшееся в моем сознании.

– Прошу вас, следуйте за мной, – сказал администратор и повел меня к уединенному столику у окна. Я посмотрела через стекло на улицу и отметила, что капли дождя превращают уличные фонари в драгоценные камни. Сиэтл может быть старым серым джентльменом, но он все равно

продолжает сверкать под покровом облаков. Я нервно подтянула повыше правый рукав платья, как делала это всегда, когда мне приходилось общаться с людьми из высшего общества, к которому принадлежал и Райан. Ему не слишком нравится татуировка на моем плече. Пожалуй, я и сама от нее не в восторге. Рисунок, наколотый десять лет назад, слишком дерзко напоминал о прошлом, которое не стало будущим, о мечтах, растворившихся в воздухе. Я не смогла воплотить их в реальность, и все же слово *Toujours*, означающее в переводе с французского «всегда», оставалось начертанным на моей коже. Я потеряла плечо, желая, чтобы в моей руке оказался волшебный ластик.

Я села за столик, положила на скатерть мобильный телефон и стала рассматривать проходящие мимо ресторана пары, прятавшиеся от дождя под капюшонами или зонтом. Женщина лет двадцати с небольшим вцепилась в своего приятеля или мужа, и они расхохотались, осторожно обходя грязную лужу. Эта сцена перенесла меня в те дни, когда я, двадцатидвухлетняя, и Трэйси переехали в Сиэтл. В те времена мы смотрели на жизнь широко открытыми глазами и были идеалистками. Мы верили в любовь и в хеппи-энд.

Забавно, как все обернулось.

Я поймала свое отражение в оконном стекле. Мои каштановые волосы до плеч распушились, видно, зря я потратила столько времени, выпрямляя «утюжком» свои густые, от природы волнистые пряди. И зачем я этим занималась? Разве Райан не повторял мне, что ему нравятся мои кудри и зеленые глаза? И веснушки на носу? Я улыбнулась. Теперь моя жизнь была наполненной. Я работала в «Сиэтл Геральд», собиралась перестраивать деревянный дом в ремесленном стиле в Уоллингфорде, тот самый, который я купила вместе с... Райаном, разумеется.

Я улыбнулась, когда он вошел в ресторан с моей сумочкой.

– На улице просто потоп, – сказал Райан, протягивая мне черную сумочку от «Майкл Корс», которую он подарил мне на прошлое Рождество, и провел рукой по мокрым волосам. Красивый – только так можно описать его внешность. Классическая красота. Первое впечатление Трэйси, которым она шепотом поделилась со мной в туалете ресторана в тот вечер, когда я представила их друг другу, прозвучало так: оживший диснеевский принц. Райан таким и был. Высокий, мускулистый с густыми темными волосами. Дайте ему щит и белого коня, и перед вами окажется точная копия принца из мультфильма, который поразил Золушку в самое сердце. Мне повезло.

Райан потянулся через стол и накрыл мою руку своей.

– Я позвонил заранее, чтобы убедиться, что у них есть твое любимое бордо. Помни, наш идеальный вечер только начинается.

Когда он поднес мою руку к своим губам, я улыбнулась.

– Каждая деталь имеет значение, – добавил он с милой улыбкой. – Последнее время ты была несколько отстраненной, и сегодня я хочу сделать для тебя все, чтобы тебе понравилось.

Я покрутила на пальце помолвочное кольцо и кивнула. Райан всегда умел «читать» меня, возможно, даже лучше, чем я сама себя понимала.

– С того момента, как я стала делать репортажи о бизнесе в Сиэтле, работа превратилась в настоящий ад, – ответила я. – А теперь нужно обязательно закончить серию статей о площади Пионеров.

Первую из трех опубликовали как раз сегодня. Я не сомневалась, что Райан ее прочитал, но мы договорились не обсуждать все вопросы, в которых наши профессиональные интересы расходятся. Он умный человек и достаточно проницательный, чтобы понимать: стоит ему заговорить о моей статье, как вечер будет непоправимо испорчен, еще не успев начаться.

Райан обошел наше правило и перевел разговор на мнения тех людей, которых не было вместе с нами за этим удобным столиком на двоих.

– Знаешь, многие мои коллеги думают, что следовало бы взорвать дома в этом радиусе из шести кварталов.

Я покачала головой.

– Это ты говоришь или твоя команда по управлению рисками?

– Сложно игнорировать тот факт, что там одни наркоманы, пьяницы и бродяги. Там и пары футов невозможно пройти, чтобы не наступить в человеческие экскременты.

– Что ж, – сказала я, размышляя, перевесит ли удовольствие от доказательства моей правоты романтические планы Райана на этот вечер, – этим людям требуется помощь. Но этим занимается только миссия «Евангелие надежды». В моем понимании жизнеспособность благотворительной организации состоит в том, чтобы хоть как-то облегчить жизнь нуждающихся. Ты не можешь обвинять меня в том, что я хочу, чтобы организация работала.

Подошел сомелье и, откупорив заранее выбранную Райаном бутылку красного вина, разлил вино по бокалам.

– Милая, – нежно произнес Райан, когда я сделала первый глоток, – у тебя самое большое сердце, других таких людей я не знаю. Как я мог бы винить тебя за что бы то ни было?

Я подумала о своих статьях и о том, сколько усилий я приложила к тому, чтобы не позволить эмоциям взять верх над непредвзятой позицией

репортера. В первой половине этого дня я взяла интервью у руководителя Миссии, корпулентной дамы по имени Мелисса. Она заглядывала мне в глаза и практически умоляла меня защитить их организацию от тех самых девелоперов, с которыми работал Райан. Застройщики горели желанием построить дорогие многоквартирные дома, заодно согнав с насиженного места сотни бездомных бродяг.

Согласна, площадь Пионеров и ее окрестности – это не самое приятное место в Сиэтле. Снос существующих домов и новое строительство могло бы вдохнуть свежую жизнь в эти улицы. Но Райан нарисовал слишком мрачную картину места, которое я любила много лет назад и люблю до сих пор. Любой равнодушный к судьбам других людей человек поймет, что новая застройка этих кварталов приведет не только к закрытию миссии «Евангелие надежды», но и к уничтожению тысяч дешевых квартир и двух приютов для бездомных. Таким образом, интересы девелоперов, многим из которых Райан помогал осуществлять финансовые вложения, противоречили интересам города Сиэтла.

– Думаю, мне просто нравится это место, именно такое, как сейчас, – сказала я. – В этих кварталах ощущается старый Сиэтл. Понимаю, у него неприглядный вид. Но там живут много людей.

– Кажется, и ты там когда-то жила?

На этот вопрос я предпочла бы не отвечать, поэтому я принялась раскладывать на коленях салфетку.

– Нет, – наконец ответила я, – но я была знакома с тем, кто там жил.

Я не призналась в том, что долгие годы интерес к этому человеку не оставлял меня в покое, временами разъедаая меня, словно раковая опухоль. Я мучила Google, но Кэйд, казалось, не только ушел от меня, но и исчез с поверхности земли. Но теперь эта история осталась в прошлом.

Райан подозрительно поднял бровь.

– И кто же этот человек?

– Никто, – пробормотала я, отчаянно желая сменить тему. Мне настолько же сильно не хотелось говорить о моей прошлой любви, как не хотелось слушать о личной жизни Райана, особенно о женщине, с которой он встречался до меня. Ее звали Ванесса, она была красавицей с Юга. Их с Райаном отцы, оба благородного происхождения, были лучшими друзьями и магнатами в мире недвижимости со связями на Восточном и Западном побережьях. Именно она должна была стать миссис Райан Уинстон – ко всеобщей радости – до того, как в его жизнь вошла я и разрушила эти коллективные планы. Представьте только выражение их лиц: «Мама, папа, это Кайли. Я люблю ее. И у нее татуировка!»

Когда в самом начале наших отношений я попыталась обсуждать ситуацию с Райаном, он ответил прямо:

– Ты же знаешь, что нам с Ванессой суждено было стать лучшими друзьями. Мы выросли вместе.

– Но она все еще тебя любит, – заметила я, и мое сердце пропустило удар.

Райан покачал головой.

– Нет, она меня не любит.

– Райан, я женщина, и я вижу, как она на тебя смотрела в Западной Виргинии.

Она приезжала со своей семьей в Гринбрайер на ежегодный праздник, в котором Райан, его семья и их друзья традиционно принимали участие, как делали это их предки. Мужчины играли в гольф, женщины общались за ланчем. Я сумела пережить эту пытку только благодаря сочувствию одного официанта, который плеснул в мой сладкий чай немного бурбона.

Призрак – так Трэйси называет юношеские влюбленности. Им нельзя позволить задерживаться.

Я посмотрела на своего жениха, выпрямившегося в кресле. Да, мы пришли в мир из разных мест и смотрим на него по-разному. Но Райан захотел быть со мной, а я не хотела отказываться от него. Наше прошлое закончилось. Райан стал моим настоящим. Я была благодарна за то, что наши некогда отдельные пути соединились и этим вечером привели нас сюда вместе. Мы теперь вместе навсегда. Навечно.

– Я так тебя люблю, – прошептала я, скользя рукой по белой скатерти и дотрагиваясь до его пальцев.

– И я тебя люблю, – ответил он с таким чувством, что я, клянусь, ощутила эти слова всей душой.

А дождь между тем стучал в окно. Полная луна выглянула в небольшой просвет между тучами, отчаянно пытаюсь вырваться из-за облачного занавеса. Суперлуние, сказала Трэйси. Врач, не чуравшаяся мистики, она то и дело говорила о каком-то астрологическом явлении, которое, судя по всему, происходило этим вечером. И хотя меня астрология совершенно не интересовала, я все-таки ждала и любила ее ежедневные сообщения. Почему-то я испытывала особый прилив сил, когда меня аккуратно направляла моя лучшая подруга.

И теперь я гадала, не объясняет ли метафизика нетерпение Райана. Я задумалась об этом, отпивая вино и смакуя его во рту, одновременно бархатистое и пряное. Я услышала характерное потрескивание внутри бокала, и в голове мгновенно всплыло болезненное воспоминание. Как и

всегда, я прогнала его прочь, далеко-далеко, где ему было самое место. Я давно перестала чувствовать боль в сердце, с которой я так долго жила.

Пусть я не поставила точку, но вкусила мудрость. Тот, кому хотя бы раз разбивали сердце или всего лишь ранили его, знают, что в фактах присутствует окончательность. Он ушел. И я поняла, что, если человек хочет уйти, вы его отпускаете.

Райан снова наполнил вином мой бокал и начал рассказывать, как прошел его день. Я узнала о том, что один из его коллег уснул во время совещания, на котором присутствовал президент компании. Все могло кончиться печально, если бы Райан не включил будильник на своем мобильном и не разбудил коллегу. У меня даже глаза защипало от его доброты, а лицо расплылось в улыбке.

– Я счастлива, – неожиданно произнесла я. Слова сорвались с моих губ или, возможно, вырвались из самого сердца. Я не смогла их удержать. – Ты делаешь меня такой счастливой.

Райан подмигнул мне и помахал рукой, подзывая официантку. Через секунду она уже стояла возле нашего столика.

– Принесите мне, пожалуйста, негрони.

– Сию минуту, сэр. – Официантка направилась к бару.

Мы ели лосося с картофелем, поджаренным на утином жире, и креветки.

– Островаты, на мой взгляд, – оценил Райан, откусывая кусочек. – А ты что скажешь?

Райан разбирался в еде, это было необходимо для жениха девушки-гурмана, и все же в отличие от меня он не любил острое. Невозможно поверить, но я едва не обеспечила ему ожог языка третьей степени, когда в первый раз приготовила ему завтрак. Соус «Табаско», которым я приправила омлет, оказался не слишком удачной идеей. Я усвоила урок.

– Может быть, закажешь что-то другое? – предложила я, но Райан ответил, что он счастлив видеть, как я наслаждаюсь едой. Мы заговорили о свадьбе. Если в разговоре возникала неожиданная пауза, когда кто-то из нас обдумывал ключевую деталь, наши взгляды устремлялись в разные уголки ресторана. Мы дополняли друг друга. Это было комфортно и мило, как и вообще жизнь с Райаном, нынешняя и будущая. Я допила еще один бокал вина, все более расслабляясь.

Райан оплатил счет, и мы направились к выходу.

– Почему бы тебе не подождать здесь, пока я заберу машину? – спросил он, когда я застегивала черное шерстяное пальто и забирала остатки торта. Это был подарок шеф-повара, который наша официантка

аккуратно упаковала в контейнер.

Дождь перестал, но стало очень холодно.

– Ты такой заботливый, – ласково улыбнулась я. – Спасибо, милый.

Я смотрела ему вслед, когда он шел по тротуару в своем идеально сшитом костюме. Мне повезло, я знала это. Такой мужчина, такой красавец. Он успешный и забавный, смотрит только на меня. Райан – само совершенство. Я сделала глубокий вздох и кивнула.

Я видела в окно, как возле ресторана бородатый бездомный подошел к паре, ожидавшей свой автомобиль. Паре это явно не понравилось, они отвернулись от него и отступили в сторону. Мужчина пожал плечами и уселся по-турецки на тротуар.

Администратор покачал головой.

– Прошу прощения за это, – извинился он. – Как только они начинают околачиваться здесь, от них очень трудно избавиться.

– Возможно, он голоден, – предположила я. – Не осталось ли у вас на кухне что-нибудь для него?

Мужчина покачал головой.

– При всем моем уважении, мисс, мы не кухня для бездомных. И потом, они обычно просят деньги. На наркотики, вероятно.

Я не зря собирала материал для статей и знала, что это распространенное мнение. Но бездомные не всегда были наркоманами. Есть сотни других причин, по которым люди оказываются на улице. Но об этом мне лучше рассказать в газете, а не во время неожиданного разговора.

Я вышла на тротуар и бросила осторожный взгляд на бездомного. Он был болезненно худым, одежда буквально висела на нем. Я вспомнила о пакете с куском торта, оставшегося от нашего ужина, и подошла к нему поближе. Если бы я могла предложить ему что-то посущественнее... Но в выпечке есть яйца.

– Прошу прощения, – обратилась я к нему. Он как будто меня не услышал, поэтому я повторила чуть громче: – Прошу прощения, у меня тут немного еды. Может быть... возьмете?

Бездомный поднял на меня глаза, и, когда наши взгляды встретились, его лицо показалось мне невероятно знакомым, но я не могла вспомнить, откуда я его знаю. Я выпустила из рук пакет, и он упал у моих ног на мокрый после дождя тротуар. Мой мозг лихорадочно работал, и на меня нахлынули воспоминания, как будто вырвавшись из перевернутого ящика с документами. Если мужчина меня и узнал, то его глаза этого не показали. Нас осветили фары, и я услышала, как остановилась машина. Обернувшись, я увидела подъехавшего Райана. В эту секунду мужчина

протянул костлявую руку к пакету и вытащил контейнер с едой. Он посмотрел на него, а потом нерешительно открыл. Я заметила его голодный взгляд. Пальцы бездомного схватили кусок торта, он запихнул его в рот, и крошки повисли на бороде.

Райан опустил окно.

– Кайли, все в порядке?

Я кивнула и отступила назад, потом, как будто замороженная, подошла к машине и села.

Я не сказала Райану, что со мной не все в порядке.

Я не сказала Райану, что знаю этого человека.

Я не сказала ему, что этого мужчину зовут *Кэйд* и когда-то он был любовью моей жизни.

Глава 2

19 апреля 1996 года

– Ты веришь в существование родственных душ? – спросила меня Трэйси, лежавшая с книгой в руках на футоне в квартире, которую мы вместе снимали в Сиэтле. Увидев в первый раз стену из неотделанных кирпичей и окна от пола до потолка, мы мгновенно влюбились в это пространство, хотя оно было меньше моей спальни в родительском доме. Двум людям не следует жить в студии размером с коробку для обуви. Но двум выпускницам колледжа, захотевшим жить в самом крутом здании на Первой авеню с видом на бухту Эллиотт, пришлось с этим смириться. К счастью, Трэйси не храпела.

– Нет, – ответила я подруге, глядя, как ловко двигается ее запястье, когда она собирает длинные темные волосы в изящный конский хвост. Она была красива естественной красотой: высокие скулы, гибкая фигура и врожденное чувство стиля. Трэйси могла бы заработать кучу денег в качестве модели, вот только она скорее выколола бы себе глаза, чем стала позировать перед камерой.

В Чикаго мы были соседками по комнате в общежитии колледжа. После выпуска мы долго вместе разглядывали карту Соединенных Штатов и сошлись на Сиэтле. Неделей позже мы утрамбовали все наши пожитки в багажник старенькой «Субару» со сломанной магнитолой, принадлежавшей отцу Трэйси, и отправились на другой конец страны в самый дождливый ее город. Мы часами пели, чтобы не уснуть за рулем, и никогда не попадали в ноты. В том же месяце я получила место младшего репортера в газете «Сиэтл Геральд». Трэйси целыми днями занималась, готовясь написать экзаменационный тест для поступления в медицинскую школу. Кажется, наши мечты начинали осуществляться.

– Если проводить дома каждый вечер, то у тебя ничего не получится, моя дорогая, – объявила Трэйси, откладывая книгу и подталкивая очки на носу чуть повыше.

Я налила себе кофе из той кофемашины, которую бабушка купила мне перед отъездом в колледж, и плюхнулась в потрепанное кресло яйцевидной формы из ИКЕА, стоявшее у окна. Мы обе были ходячей рекламой ИКЕА.

– Ты читала свой гороскоп? – спросила Трэйси.

– Тебе отлично известно, что я в это не верю.

– Что ж, тогда я прочту его вместо тебя.

Трэйси взяла с кофейного столика газету, перевернула несколько страниц, а потом примерно с минуту читала про себя.

– Ага, тебя ждет новая любовь, – сообщила она наконец и кивнула. – Но тут сказано: «Ты должна открыться ей, пойти навстречу. Не оставайся дома, сделай что-нибудь спонтанное и неожиданное. Никогда не знаешь, кого ты можешь встретить».

Я округлила глаза.

– Пойдем сегодня вечером с нами! – воскликнула Трэйси.

Она встречалась с парнем по имени Марк, будущим хирургом, учившимся в ординатуре в больнице при университете Вашингтона. Он был высоким, с редящими волосами и громким смехом. Как только у них одновременно выдавался свободный вечер, что случалось не слишком часто, Марк водил Трэйси на концерты или спектакли, приглашал на прогулку вокруг озера Грин. Порой я думала о том, что и мне нужен такой Марк, и была не против, чтобы кто-то водил меня в театр, на фермерский рынок или в филармонию.

– Марк купил билеты на концерт Mazzy Star^[1] в клубе «Крокодил».

– Согласившись на твое предложение, я попаду на свидание вслепую? – поинтересовалась я, подняв левую бровь.

– Ну и что, – Трэйси лукаво улыбнулась, – его друг Эрик тоже там будет.

Я наблюдала за паромом, медленно выходящим из залива.

– Не знаю, – наконец ответила я.

– Тебе стоит пойти с нами хотя бы только потому, что ты любишь Mazzy Star.

– Я действительно люблю Mazzy Star, – усмехнулась я.

Трэйси кивнула.

– Вот и хорошо. Значит, решено.

* * *

Дождь только начался, когда Трэйси, Марк и я оказались под навесом у входа в клуб, где татуированная женщина с короткой челкой и кольцом в носу проверила наши билеты. Внутри было темно, из динамиков над головой неслась музыка, которую я не узнала. В воздухе плавал табачный дым, и каждый третий вокруг нас был в ботинках «Док Мартенс». Я любила Сиэтл.

– Эрик подойдет с минуты на минуту, – сказал Марк. – Девушки,

принести вам что-нибудь выпить?

– Мне водку с содовой, – ответила Трэйси.

– И мне то же самое, – сказала я, и Марк послушно направился к бару. Трэйси толкнула меня локтем в бок.

– Марк говорит, что Эрик – один из самых лучших ординаторов в больнице.

Я пожала плечами.

Моя подруга улыбнулась:

– Просто повеселись. Кто знает, вдруг он тебе в самом деле понравится. И потом...

Вдруг кто-то налетел на меня, и я сделала шаг назад. Это оказался парень с профессиональным фотоаппаратом. Когда вспышка погасла, он опустил его.

– Прости, пожалуйста, – с улыбкой извинился «фотограф». – Я не видел, что ты тут стоишь.

Он был чуть старше меня: темные волосы, синие глаза, на подбородке пробивается щетина. Его сапоги и выцветшая клетчатая рубашка намекали на его причастность к музыкальной сцене, и все же в нем было нечто совершенно уникальное. По его улыбке я не могла сказать, уверен ли он в себе или просто нахален. Возможно, то и другое сразу.

– Здорово выглядит сцена при этом освещении, правда? – Он поднял фотоаппарат и сделал несколько снимков. – У Хоуп один из самых завораживающих голосов, – продолжал парень. – Но она, знаешь ли, скромница. В ней нет ничего от тех певиц, которые считают, что у них божий дар.

Я сощурила глаза:

– Ты так говоришь, словно знаешь ее.

– Знаю. – Он улыбался только мне.

Определенно, наглец.

– Я заключил с ней контракт для моей фирмы пять лет назад, – продолжал он. – Всего лишь сольный альбом, но мне нравится думать, что это стало для нее хорошим стартом.

– Твоей фирмы?

Парень подмигнул мне:

– Я кручусь в музыкальном бизнесе. Ты наверняка слышала промпесню Хоуп, чистое волшебство. – Он слегка постучал себя по груди. – Ее просто чувствуешь, и все.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно спросила я, заинтригованная.

Он приблизился ко мне.

– Хорошая музыка *трогает*, она даже *меняет* тебя.

Он взял меня за руку и прижал ее к моей груди, отчего по моей коже побежали мурашки.

– Вот здесь ее ощущаешь. Талантливый артист может создавать музыку, которая касается самого сердца.

Он отпустил мою руку, но я продолжала прижимать ее к груди.

– В любом случае я всегда ищу именно таких артистов.

Вернулся Марк с напитками, и я наконец-то опустила руку.

– Я Кэйд, – назвал себя парень.

Мы смотрели друг другу в глаза. Потом он протянул руку, и мне показалось, что, кроме нас, в клубе больше никого нет. Я вяло пожала ее:

– Кайли Крэйн.

– Кей-Кей, – улыбнулся он.

Марк откашлялся, и только тут я заметила, что рядом с ним стоит высокий кудрявый темноволосый парень в белой рубашке, заправленной в джинсы, оказавшихся на дюйм короче, чем следовало бы.

– Кайли, познакомься, это Эрик.

– Что ж, – с улыбкой сказал Кэйд и подчеркнуто поклонился, – рад был с тобой познакомиться. Наслаждайся шоу.

Я чувствовала, что Эрик смотрит на меня.

– Марк сказал мне, что ты журналистка, – с готовностью начал он разговор.

– Ага, – подтвердила я, отпивая глоток из стакана. Коктейль оказался крепким и пах резиной. Я даже вздрогнула, когда напиток спустился в пищевод. – Я пишу репортажи для «Сиэтл Геральд», но моя любимая тема – это еда.

Я невольно проследила взглядом за Кэйдом и заметила, как он положил руку на плечо привлекательной блондинки.

– А ты чем занимаешься? – спросила я, усилием воли заставляя себя посмотреть в лицо Эрику. – На чем ты специализируешься в хирургии?

– На ступнях, – ответил он.

Я было рассмеялась, но мгновенно замолчала, когда увидела, что выражение лица Эрика не изменилось. Не появилось даже намека на улыбку.

– То есть... ты не шутишь, нет? Ты действительно специализируешься на... – я остановилась, чтобы взять себя в руки, – ...на ступнях?

– Да, – серьезно ответил друг Марка. – Я, возможно, пристрастен, но я считаю, что пальцы ног, щиколотки, пятки – это самые удивительные части тела. Разве ты со мной не согласна?

– Ну, – я изо всех сил сдерживалась, чтобы не расхохотаться, – не то чтобы я много думала... э... о ступнях. Но я полагаю, что они... гм... да, действительно просто потрясающие. С их помощью мы оказываемся там, где нам нужно.

Эрик опустил взгляд на мои ступни, но в этот момент на сцену вышла «разогревающая» группа и заиграла песню, которую я не узнала. Толпа разразилась аплодисментами. После двух песен хирург-ортопед наклонился ко мне.

– Возможно, мои слова покажутся тебе слишком смелыми, – сказал Эрик с улыбкой, – но я готов держать пари, что у тебя очень красивые ступни. – Он приподнял бровь. – Я бы хотел их когда-нибудь увидеть.

Я едва не поперхнулась коктейлем.

– Пожалуй, мне нужен еще один коктейль, – констатировала я, отодвигаясь от Эрика.

– Позволь мне принести тебе выпить, – предложил ортопед.

– Нет-нет, – быстро отказалась я. – Там огромная очередь. Я лучше сама.

Эрик кивнул, глотнул пива из банки, которую бережно держал в руке, и повернулся к Марку, чтобы что-то сказать ему. В этот момент я готова была убить Марка, да и Трэйси заодно. Пробравшись через толпу к бару, я снова заказала водку с содовой, на этот раз двойную.

– И мне то же самое, – произнес Кэйд, неожиданно возникший рядом со мной.

Я нервно улыбнулась ему и повернулась к сцене.

– Ну и как проходит твое свидание?

– Это *не* свидание, – запротестовала я.

– Да ладно тебе! Это ваше первое свидание, на вас обоих это было написано, – с удивленной улыбкой произнес Кэйд.

– Хорошо, – уступила я, – но ты должен знать, что я на такое не подписывалась, и все получилось неудачно.

– Поэтому ты сбежала в бар.

– Сбежала.

– Чем этот парень занимается?

– Он врач. Специализируется... – я сделала паузу и улыбнулась, – ...на ступнях.

– Не может быть!

– Может. Он попросил разрешения взглянуть на мои.

– Печально.

– Вот именно.

Бармен принес нам две водки с содовой, и, прежде чем я успела открыть рот, Кэйд попросил его записать выпивку на его счет.

– Послушай, – он сделал глоток, – у меня появилась идея.

– Какая? – с любопытством поинтересовалась я.

– Может быть, ты позволишь мне испортить твоё свидание?

Я удивленно посмотрела на него.

– То есть твоё не-свидание. – Кэйд улыбнулся. – Хочешь сбежать за кулисы?

– За кулисы?

– Точно. Сможешь посмотреть остальную часть шоу с самого лучшего места и избежать общения с мистером Короткие Штаны.

– Но его джинсы в самом деле коротковаты, разве нет?

– Определенно. Вполне вероятно, что в некоторых странах за это сажают в тюрьму, – добавил Кэйд.

Я засмеялась.

– Так ты идешь за кулисы?

Я осторожно ему улыбнулась.

– Почему бы и нет? – решила я.

Кэйд взял меня за руку и повел через толпу к темной двери, сливавшейся с черными стенами. Мы прошли по длинному коридору и нашли местечко на диване сбоку от сцены.

– Неплохо, да?

Вскоре на сцене появилась группа Mazzy Star и начала концерт с песни Fade into You^[2].

– Я люблю эту песню, – сказала я.

– Я тоже, – откликнулся Кэйд.

Его руки двигались в такт музыке, как будто он играл на воображаемом инструменте.

– Тамбурины были отличной идеей, – прошептал он.

– Не могу представить эту группу без них, – согласилась я, – это их звук.

Кэйд кивнул и поднял руку как раз в тот момент, когда вступило фортепьяно, как будто именно он пробудил его к жизни.

– В этом месте изумительный переход.

– Ты, наверное, музыкант? – поинтересовалась я.

Он покачал головой.

– Нет, я не знаю ни одной ноты. Я просто люблю музыку. – Кэйд похлопал себя по груди, кажется, это был для него привычный жест. – Я ее чувствую. – И после минутной паузы добавил: – Вот здесь.

Мне следовало бы смотреть на группу, но я не могла отвести от него взгляд.

– Послушай вот эту строчку, – негромко сказал он. – «Я хочу, чтобы моя рука оставалась в тебе». Какие прекрасные слова. Каждый раз меня пробивает.

Я кивнула:

– Эту песню я открыла для себя в колледже. Проигрывала ее снова и снова.

– Что она для тебя значит?

Я ответила не сразу, чувствуя странную легкость после второго коктейля. Я закрыла глаза, вспомнив на короткий миг мои наивные представления о любви.

– Думаю, она о желании полного единения с тем, кого любишь. Когда ты в соседней комнате, а уже скучаешь или сидишь рядом и ощущаешь непреодолимое желание...

– Быть еще ближе, – закончили мы в один голос.

Я улыбнулась и отвернулась. Взгляд Кэйда вернулся на сцену. Он взял мою руку, и я подчинилась.

Глава 3

15 ноября 2008 года

Мое сердце бешено билось, пока я слушала гудки в телефонной трубке. Я посмотрела на кухонные часы: 23.34. «Трэйси, пожалуйста, проснись. Проснись. Проснись».

– Алло? – Ее голос звучал сонно и недовольно.

– Слава богу, что ты сняла трубку, – прошептала я.

– Кайли! – Она говорила раздраженно и как-то механически. – Будет лучше, если дело действительно важное. Я дежурила всю неделю и *только* закрыла глаза.

– Прости, – сказала я.

– А почему ты шепчешь?

– Не хочу разбудить Райана. Ты мне не поверишь, когда я скажу, кого встретила сегодня.

Трэйси зевнула:

– Сдаюсь.

– Послушай, я видела *Кэйда*.

– Того самого Кэйда?

– Да, того самого.

– Ты уверена?

Я услышала, как что-то скрипнуло наверху лестницы, на цыпочках вышла из кухни и заглянула за угол, чтобы проверить, не проснулся ли Райан. Нет, он по-прежнему спал. На площадке был всего лишь Эдди, мой старый черный лабрадор. Ему уже исполнилось одиннадцать лет, но в душе он все еще оставался щенком.

– Да, я уверена, – шепотом ответила я. – Но, Трэйси, он был в ужасном состоянии. Он даже... не узнал меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Я увидела его на улице возле ресторана. Кэйд... – Я замолчала, не в силах произнести это слово. – Кэйд... бездомный.

– Я не понимаю, – сказала Трэйси.

– Я едва узнала его с этой бородой, – продолжала я. – Одет в грязные лохмотья. Я не знала, что сделать или сказать. Столько лет прошло... А потом, ты ведь помнишь: Кэйд просто исчез. Я думала, что он уехал в Австралию, или *женился*, или что-то еще. – Я готова была расплакаться. – Но он явно попал в серьезную переделку. Трэйси, я думаю, что с ним

произошло что-то ужасное.

– Вот это да, – протянула моя подруга. – Райан в курсе?

– Нет. Пока нет. Я была так ошеломлена. Я просто... не смогла ему сказать.

– И что ты собираешься делать?

– Я должна помочь Кэйд, – прошептала я и покачала головой, осознавая весь ужас ситуации.

– Но как, Кайли? А что, если он наркоман? Что, если он опасен? Что, если...

Я покачала головой.

– Нет, – сказала я, – Кэйд не может быть опасен.

С минуту Трэйси молчала.

– Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

– Да. – Я смахнула слезу со щеки. – Ты могла бы?

– Я пойду, – ответила Трэйси.

– Я любила его, – прошептала я. – Я так сильно его любила...

– Я знаю это, дорогая. Я помню. Я помню все.

Когда я проснулась, в окно лился утренний свет. Я перевернулась и зарылась лицом в подушку.

– С добрым утром! – нежно приветствовал меня Райан из ванной. Его бедра прикрывало полотенце, на мускулистой груди поблескивали капли воды.

– Какой час? – сонно поинтересовалась я.

– Девять тридцать, – ответил он. – Давненько ты так долго не спала. Я рад. Тебе нужно было отдохнуть.

Я потянулась, и в это мгновение туман рассеялся, и я вспомнила события прошедшего вечера. Я снова увидела Кэйда возле ресторана. Я нервно села в постели, а Райан тем временем натянул джинсы и футболку и уселся рядом со мной.

– Каковы наши планы на сегодня, будущая миссис Уинстон?

Я сморщила нос.

– Райан, ты же знаешь, что я еще окончательно не решила взять твою фамилию.

На его лицо промелькнуло обиженное выражение, но он быстро взял себя в руки.

– Я понимаю, что это серьезный выбор. Я горжусь тобой и хочу, чтобы у нас была одна фамилия. Ведь мы выбрали друг друга.

– Когда ты говоришь мне такие слова, разве я могу отказаться? – Меня

завораживала романтичность Райана. – Обещаю, что не буду медлить с решением.

Райан погладил меня по шее.

– Как насчет завтрака?

– Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как твое общество в ленивое воскресное утро, – ответила я. – Но у меня слишком много проблем, чтобы расслабиться. От меня ждут вторую статью из серии, а я еще даже не начинала собирать материал. Взгляд на проблему с точки зрения бизнеса – это для меня новое, и я не могу позволить себе совершить серьезную ошибку.

Полуправда – это не ложь. Я действительно планировала взять интервью у девелоперов, нацелившихся на реконструкцию площади Пионеров.

– Ладно, – согласился Райан. – Тебе что-нибудь принести?

– Не-а, – отказалась я. – Честно говоря, я слишком много съела вчера за ужином. И потом, мне нужно будет встретиться с Трэйси, а она обязательно заставит меня выпить с ней кофе, я уверена в этом.

Райан кивнул, поцеловал меня в лоб и направился к двери. Когда звук его шагов стих и я услышала, как закрылась входная дверь, быстро взяв телефон, я набрала номер Трэйси:

– Можешь заехать за мной?

Она застонала.

– Можно мне поспать хотя бы еще часик?

– Нет, – сказала я с той настойчивостью, которая возможна только между лучшими подругами. – Ты нужна мне, Трэйси.

– Хорошо. – Трэйси с наслаждением зевнула. – Дай мне время одеться и выпить хотя бы чашечку кофе. Буду у тебя через полчаса.

– Спасибо.

– Кайли, ты явно не в себе.

– Не в себе, – честно призналась я. – Моя жизнь только что перевернулась вверх дном.

Я налила себе огромную чашку кофе из френч-пресса, уныло вернулась в гостиную и уселась на диван. Эдди устроился рядом со мной и положил голову мне на колени, как делал это щенком много лет тому назад. Точно так же он вел себя с Кэйдом. Услышав скрип двери, я подняла голову.

– Кайли!

– Входи, – откликнулась я. – Слава богу, ты здесь.

Трэйси не стала терять время:

– Расскажи мне все.

– Хорошо. – Я поставила кружку на столик. – Как я тебе говорила, я была в «Ле Марше» с Райаном. Когда мы вышли, я увидела на улице Кэйда.

Трэйси кивнула:

– Еще раз спрашиваю: ты уверена, что это был он?

– На сто процентов. Во всяком случае, я так думаю.

– Прошло много времени, Кайли. Может быть, этот человек просто похож на Кэйда? Или ты просто думала о нем, поэтому приняла за него кого-то другого? Каждый день мимо нас проносятся тысячи лиц. Быть может, ты увидела его черты в лице этого бездомного? Знаешь, так бывает. Психологи сталкиваются с подобными вещами.

– Не знаю, – вздохнула я.

– Ну сама подумай: как могло получиться, что он прожил все эти годы у нас под носом и об этом никто не знал? – продолжала Трэйси.

– Я понимаю, что это кажется нереальным, – согласилась я. – Но я видела его глаза. Их я никогда не забуду.

Трэйси кивнула:

– Что ж, едем в город и посмотрим, что мы можем сделать.

– А что мы можем сделать?

– Постараемся ему помочь, подключим социальные службы, сделаем все необходимое.

Я кивнула, думая обо всех тех знакомствах, которыми я обзавелась, пока писала статью о площади Пионеров. И все же часть моего существа была как будто парализована.

– Трэйси, я даже не представляю, с чего начать.

– В первую очередь мы поговорим с ним, – решила Трэйси. – Послушаем, что он скажет. Посмотрим, хочет ли он, чтобы мы ему помогли.

– А если не захочет?

– Мы должны считаться с его выбором. Мы можем только предложить.

Я закрыла лицо руками:

– Что, по-твоему, с ним случилось?

Трэйси пожала плечами:

– Трудно сказать, почему люди становятся бездомными. Я всего лишь скромный пульмонолог. Но считается, что первым в списке причин подобного поведения стоит психическое заболевание.

Я покачала головой.

– У Кэйда были проблемы, но психически он был здоров.

– Тогда причина могла быть другой. – Трэйси говорила тоном врача-

клинициста, который я редко слышала.

– Например?

– Вероятностей множество. Он мог стать жертвой несчастного случая, после которого потерял память. Некоторые люди так и не восстанавливаются.

– То есть ты полагаешь, что у него нет шансов?

– Нет-нет, – торопливо возразила Трэйси. – Я ничего подобного не говорю. Мы не сможем правильно оценить его состояние без подробного обследования, без томографии мозга. И, говоря откровенно, я не уверена, что ты действительно видела Кэйда.

Я откашлялась, не в силах принять ее сомнения.

– А если он выздоровеет... – Я замолчала, пытаюсь определить тяжесть ситуации. Все эти годы я считала, что он просто взял и уехал. И вот теперь он может вернуться в мою жизнь. – Трэйси... я же *выхожу замуж*.

– Знаю, дорогая. – Лицо подружки смягчилось. – Тебе, должно быть, очень непросто. Но давай не будем делать преждевременные выводы. Пока волноваться не о чем. Мы его найдем. Если это Кэйд, тогда ты и будешь думать, что делать дальше. – Она сжала мои пальцы. – Прошло много времени. Мы и сами с тобой сильно изменились.

Некоторое время я обдумывала ее слова. Эдди лизнул мою руку и получил награду за нежность: я почесала его любимое местечко за правым ухом.

– Возможно, ты права, – ответила я и обвела взглядом красивый дом, который я делила с моим женихом. На каминной полке стояли милые безделушки, которые мы купили во время наших путешествий. На стенах висели картины, которые Райан заказал у любимого художника. За столом в нашей столовой собирались друзья. Моя жизнь теперь казалась безупречной. Как я могу позволить моему прошлому запятнать тщательно созданное настоящее, ради которого я столько трудилась? Внутренне я съежилась.

– Если говорить о прошлой жизни... – задумчиво произнесла Трэйси, перелистывая журнал, посвященный ремонту и обустройству дома, где я загнула уголки страниц, чтобы показать Райану понравившиеся места. – Знаешь, на кого я недавно наткнулась в продуктовом магазине?

– На кого?

– На девушку из команды болельщиц в моей школе, – ответила она. – Крисси Герхарт. – Трэйси восхищенно покачала головой. – Она живет в Сиэтле вместе с мужем и двумя детьми. И, должна признаться, мне греет душу тот факт, что самая хорошенькая девушка в школе официально

покинула ярмарку невест. Крисси Герхарт. Мечта всех мальчишек.

– Почему, интересно, все всегда помнят имена и фамилии девушек-болельщиц? – хмыкнула я.

– Ты права, – ответила Трэйси. – Я не смогла бы тебе назвать имена тех девочек, с которыми сидела вместе за ланчем весь девятый класс. Но *Крисси Герхарт* я вспомнила мгновенно.

– Шина Томсон, – добавила я. – Самая красивая девочка с помпонами в старшей школе Рузвельта.

– Странно, как прошлое напоминает о себе. – Трэйси встала, бросила журнал на кофейный столик, где лежала стопка журналов для невест. Я все время говорила себе, что найду время, чтобы просмотреть их. Моя подруга застегнула пальто и глубоко вздохнула. – Ты готова встретиться с настоящим?

Я кивнула, потерлась носом о нос Эдди и тоже встала.

– Думаю, да.

Глава 4

18 мая 1996 года

Мы с Трэйси перебросили сумки с бельем для стирки через плечо, вышли из квартиры и отправились в прачечную «Садись и крути». Разумеется, поблизости были и другие прачечные самообслуживания, но больше ни одной на Четвертой авеню, где можно было бы попить кофейку, пока вещи сохли в машине.

– Ты только посмотри на это, – воскликнула Трэйси, когда мы свернули на улицу, обсаженную вишневыми деревьями, усыпанными розовыми цветами.

– Какая красота! – ахнула я.

– Точно, только я не об этом.

Она указала на ветку ближайшего к нам дерева. Над нашими головами реяла красная лента, привязанная к верхней ветке.

– Как думаешь, откуда она здесь?

Я пожала плечами.

– Может быть, это что-то вроде тех желтых лент, которые люди привязывают к деревьям в память о воевавших солдатах, – продолжала Трэйси. – Но это как будто лента в знак давно потерянной любви.

– Трэйси, не смей меня.

– Нет, в самом деле, – не успокаивалась она. – Держу пари, что так оно есть. Что-то вроде: повяжи красную ленту на ветку дерева в память об истинной любви.

Я округлила глаза. Мы вошли в прачечную, где пахло стиральным порошком и кофе. Мы с Трэйси нашли столик в уголке и пару свободных стиральных машин. Трэйси вынула из сумки учебник анатомии. Не самое приятное чтение, но это необходимо, если собираешься сдавать тест на поступление в медицинскую школу. Я опустилась в оранжевое кресло и сделала глоток латте с орехами макадамии из гигантской оранжевой чашки. Только в Сиэтле такое смелое сочетание прачечной самообслуживания и кафе могло быть настолько привлекательным.

– По-моему, тот парень из группы Soundgarden^[3], – прошептала Трэйси.

Я беззастенчиво оглянулась через плечо и увидела бородатого Кима Тайила, который пил пиво в компании такого же брутального мужчины.

– Марку очень нравится Soundgarden, – мечтательно произнесла

Трэйси. – А я толком их не знаю. Но, пожалуй, мне тоже нравится. Но я просто упаду в обморок, если увижу здесь еще и Эдди Веддера^[4].

Я отпила еще один глоток.

– Если я когда-нибудь заведу пса, то назову его Эдди.

Трэйси улыбнулась:

– Нет, вы только посмотрите на нее! Еще и года нет, как поселилась в Сиэтле, а уже готова назвать воображаемую собаку в честь самого популярного в городе рок-музыканта!

– Его будут звать Эдди. – Я кивнула. – Золотистый ретривер... Нет, черный лабрадор.

Я подняла свою корзину с бельем для стирки, и на пол упали трусики с заметной дырой.

– Боже, мне пора идти за покупками, – вздохнула я.

Глаза Трэйси неожиданно расширились.

– А вот теперь не оглядывайся, – сказала она, отодвигая учебник в сторону и упорно глядя в свой латте. – Кажется, сюда только что вошел тот парень с концерта Mazzy Star.

Мое сердце заколотилось. Хотя я и нацарапала свой номер телефона на салфетке в тот вечер в клубе «Крокодил», но за целый месяц Кэйд мне так и не позвонил. *Он потерял мой номер? Или он понравился мне больше, чем я ему? Или это был всего лишь эпизод жизни в Сиэтле?* Я ни в чем не была уверена.

– Тебе стоило бы подойти к нему и заговорить, – шепотом посоветовала Трэйси.

– Ни за что, – отрезала я, делая вид, что мне все равно. На самом же деле я все время надеялась случайно встретиться с ним и даже заглянула в клуб как-то вечером после работы, чтобы проверить, не окажется ли он там.

– Подожди, – все так же шепотом продолжала Трэйси, прикрываясь книгой, которую она якобы читала. – Он только что посмотрел в нашу сторону.

– В самом деле? – Я сразу осознала, что на мне самая старая футболка и ни капельки макияжа. Самый неподходящий момент для новой встречи с Кэйдом.

Я быстро пригладила челку и пожалела о том, что не воспользовалась хотя бы тушью.

– Кайли?

– О, привет! – сказала я, когда наши глаза встретились. – Кэйд, верно?

Трэйси едва не поперхнулась латте.

– Верно, – ответил он. – Рад тебя видеть.

Его глаза лучились добротой и смотрели уверенно.

– Я тоже рада, – сказала я и опустила взгляд на корзину с бельем. Меня охватила паника, когда я увидела дырявые трусики на самом верху кучи.

– Самое лучшее место в Сиэтле для стирки белья. – Кэйд улыбнулся. *Он их видел. Он точно их видел.*

– Можете представить, что Курт Кобейн стирал здесь свои боксеры перед тем, как стал знаменитым? – спросила Трэйси. Прошло около двух лет после трагической смерти местной знаменитости, но весь Сиэтл продолжал оплакивать Кобейна.

– Ну... – Кэйд выдержал приличествующую случаю паузу, – я его действительно здесь видел.

Трэйси закашлялась.

– Не может быть!

Кэйд кивнул и указал на то место, где в углу доживал свой век анемичный на вид фикус.

– Курт стоял вон там, рядом с огромной кучей белья, и опускал в музыкальный автомат четвертак. Это было еще до того, как Nirvana^[5] отыграла свой первый концерт. – Он пожал плечами. – С тех пор Кобейн сильно изменился. Слава высосала из него всю радость, и он об этом знал. Печально, хотя такое случается со многими артистами.

Рыжеволосая, унылая на вид девушка лет двадцати подошла к нашему столику, и я не успела ответить.

– Прошу прощения, – обратилась она к нам с Трэйси с нервной улыбкой, прежде чем повернуться к Кэйду. – Вы действительно... тот самый Кэйд Макаллистер из «Стихия Рекордс»?

– Да, – подтвердил он с быстрой улыбкой.

– Вау, – экзальтированно воскликнула девушка. – Я ваша фанатка. Настоящая фанатка. Я люблю все ваши группы. То есть из-за вашей фирмы я все еще жива. Музыка, которую вы выпускаете, помогла мне пережить непростые времена. Понимаете, да? В общем, вау! Как здорово вас встретить!

– Спасибо, – непринужденно ответил Кэйд, и у меня возникло стойкое ощущение, что такое случается постоянно.

– Меня зовут Дженна, – продолжала девушка, прикладывая руку к груди. – Спасибо вам. – Она снова посмотрела на меня. – Простите, но я не могла не подойти и не поздороваться. Я уже ухожу, и вы можете вернуться к вашему разговору.

Когда она отошла, наши с Кэйдом взгляды встретились.

– Судя по всему, ты большая шишка.

Он пожал плечами:

– Я всего лишь счастливчик, который занимается тем, что ему нравится. А чем ты увлекаешься, Кайли? Я уверен, что не стиркой.

Кэйд подмигнул мне и посмотрел на мою корзину с бельем.

– Кайли отдаст последний доллар за редчайший козий сыр на рынке Пайк-плейс, – сказала Трэйси.

– Пригласишь меня как-нибудь на ужин?

Трэйси сделала вид, что с головой ушла в учебник, но если бы над ее головой возникло облачко, как в комиксе, оно было бы полно восклицательных знаков.

– Ну... – Я никак не могла подобрать нужные слова.

– Прости, я, наверное, слишком тороплю события.

Я улыбнулась:

– Возможно, чуть-чуть.

– А что, если, – продолжал Кэйд, – сначала я приглашу на ужин тебя? Если ты хорошо проведешь время, тогда ты как-нибудь пригласишь меня на ужин к тебе домой. Договорились?

Я робко улыбнулась, затягивая с ответом:

– Договорились.

– Отлично.

Кэйд повернулся к двери и помахал только что вошедшему парню с бородой и «рукавом» из татуировок, потом снова посмотрел на меня:

– Кстати, о стирке: в тот вечер, когда мы познакомились, ты записала твой номер телефона на салфетке. Я положил ее в карман и по трагической случайности случайно постирал те самые джинсы. Можешь записать мне его еще раз? – Он улыбнулся.

– Конечно, – с улыбкой ответила я. Порывшись в сумке, я достала ручку.

Кэйд подставил ладонь.

– На этот раз запиши его вот здесь, так надежнее.

– О'кей, – рассмеялась я, взяла его ладонь и написала на ней свое имя и номер телефона. – Теперь постарайся их не смыть.

– Обещаю. – Кэйд подмигнул мне.

Когда он ушел, Трэйси поймала мой взгляд.

– Знаешь, что я думаю?

– Что?

– Ты потеряешь голову из-за этого парня, – сказала она, качая головой.

Я не сказала ей, что я ее уже потеряла.

Вечером того же дня я аккуратно вымешивала тесто для кофейного кекса с корицей.

– Моя бабушка обычно говорила, что корицей пахнет в счастливых домах, – с улыбкой сказала я Трэйси. – Мне всегда нравился этот запах.

– Корица? – откликнулась Трэйси, подняв голову от кофейного столика, на котором были разложены учебники и тетради.

– Ага. У бабушки на этот счет была своя теория: чем больше корицы употребляет женщина, тем больше в ее жизни любви.

Я добавила масло в миску и лизнула край деревянной ложки.

– Забавно, да?

Трэйси кивнула:

– Мир наших дедушек и бабушек был намного романтичнее. Представляешь, мои поженились через две недели после знакомства. Через две недели!

Я улыбнулась:

– А мои бабушка и дедушка встретились во время войны на танцах. Дедушка пригласил бабушку на танец, и у них случилась любовь под музыку Гленна Миллера.

Трэйси театрально прижала руку к сердцу.

– Moonlight Serenade^[6], – произнесла она с восторгом, и тут зазвонил телефон. Трэйси сняла трубку, а я поставила форму с кексом в духовку.

– Алло? – Пауза, потом Трэйси улыбнулась. – Да, она дома. Минутку.

Она указала на телефон и одними губами произнесла:

– Это он!

Мое сердце едва не выскочило из груди, пока я вытирала руки полотенцем и бежала к телефону.

– Алло? – Я пыталась выровнять дыхание и говорить спокойно. Но получился писк.

– Привет, это Кэйд.

Его голос по телефону казался ниже. Мне это понравилось, и у меня в животе запорхали бабочки.

– Привет, – ответила я.

– Здорово, что мы сегодня случайно встретились, – продолжал он. – Я тут подумал, может быть, мы могли бы поужинать вместе в субботу? Если ты не занята.

– С удовольствием.

– Была когда-нибудь в «Диком имбире»?

– Нет, но мой редактор от него в восторге. Я как раз собиралась

проверить, каково там на самом деле.

– Отлично, – обрадовался Кэйд. – Давай встретимся там в семь?

Трэйси отчаянно замахала мне, но я проигнорировала ее жесты.

– Конечно, – ответила я, встречаясь взглядом с подругой.

– Спроси, какой у него знак, – прошептала Трэйси.

– Нет, – одними губами ответила я.

– Серьезно, спроси, это для меня. Я должна знать.

– Трэйси! – шепотом возмутилась я.

– Ну пожалуйста, – попросила она улыбаясь.

– Гм. – Я продолжила разговор с Кэйдом. – Моя лучшая подруга сошла с ума и желает узнать, какой у тебя знак.

– Мой *знак*? – Он фыркнул.

Я сурово посмотрела на Трэйси, сожалея, что пошла у нее на поводу.

– Она любит астрологию. А я нет. Но я люблю ее.

Кэйд снова засмеялся:

– Ничего об этом не знаю, но я в курсе, что я Телец.

– Он Телец, – сказала я, и Трэйси одобрительно кивнула.

– Передай ей, что я был бы рад получить от нее мой гороскоп, – добавил Кэйд.

Я улыбнулась:

– Поверь мне, не стоит ее поощрять.

– Хорошо, – расхохотался он. – Увидимся в субботу.

– До встречи. – Я повесила трубку и снова улыбнулась.

Трэйси восторженно взвизгнула, когда я рухнула на диван рядом с ней.

– Кое-кто идет на свидание!

Я не могла сдержать улыбку:

– Я иду.

– И он *Телец*, – мечтательно добавила она.

Я пожала плечами.

– Это хорошо, Кайли, очень хорошо. Тельцам везет в любви. Ими управляет Венера, планета красоты и удовольствия. – Губы Трэйси дрогнули в улыбке. – Приготовь ему одно из твоих коронных блюд, и ты в шоколаде.

– Все так просто, да? – хмыкнула я.

– Я так думаю. – Она стряхнула муку с моей блузки. – Я говорила тебе, что это начало чего-то очень большого.

Бухту Эллиотт пересекал паром, уходя в ночь, и я подумала, что, возможно, только возможно, она права.

Глава 5

16 ноября 2008 года

Мы ехали по шоссе I-5, капли дождя разбивались о ветровое стекло машины Трэйси. Дворники скользили вниз и вверх, двигаясь в такт ударам моего сердца.

– Я помню твое первое свидание с ним, – с некоторой ностальгией сказала Трэйси.

– В самом деле? – Я повернулась к ней.

– Ты так волновалась, перемерила кучу нарядов, пока собиралась.

– «Дикий имбирь». – Мозг торопливо выплескивал воспоминания. – Мы с ним ходили в «Дикий имбирь».

– Я уже была готова позвонить в полицию: ты, такая домоседка, явилась домой только в два часа ночи! У меня едва не случился сердечный приступ.

Трэйси свернула на Джеймс-стрит и проехала вниз по Четвертой авеню.

– Мы можем припарковаться здесь, а потом немного пройдем пешком. Посмотрим, не будет ли он снова стоять возле ресторана.

– Хорошо, – нервно ответила я.

Когда мы проходили мимо кафе, Трэйси остановилась.

– Сначала кофе.

– Стоило бы начать выпускать футболки с такой надписью, – хмыкнула я.

– Я бы такую купила, – призналась Трэйси.

Я вошла следом за ней в кафе, и мы обе заказали двойной американо, но в последнюю минуту Трэйси попросила сделать ей тройной.

– Помнишь латте, которые мы пили раньше? – со смехом спросила она.

– Столько сахара! По-моему, я пила латте с орехами макадами по крайней мере целый год.

– А я не могла обойтись без поджаренного зефира, – добавила подруга. – Помнишь?

Я кивнула.

Ее глаза засияли.

– И ели тирамису. – Трэйси расхохоталась. – О чем мы только думали?

Я тоже засмеялась, но мой смех был пустым, отвлеченным. Смех,

наполненный сожалениями и тоской по тому, как все было раньше. Бутылочки с сиропом остались в далеком прошлом, как и две двадцатидвухлетние девушки с широко открытыми глазами.

Потягивая кофе без сахара, мы начали поиски. Мой взгляд метался из стороны в сторону, пока мы шли по Четвертой, а затем по Третьей авеню. По пути я вглядывалась в каждый проулок, заглядывала в каждый мусорный бак, в каждую щель. Дождь усилился, я натянула капюшон куртки, а Трэйси нырнула под навес.

– «Ле Марше» чуть дальше по улице, – сказала я. – Сейчас ресторан закрыт, но, возможно, Кэйд снова пришел туда.

Трэйси кивнула и пошла следом за мной.

– Думаю, что вероятнее всего встретить его там.

Мы молча прошли еще два квартала, и я выбросила стакан из-под кофе в урну. Говорить я не могла. Да и думать как следует тоже не могла. Я могла лишь переставлять ноги, сердце гулко стучало.

Я издалека увидела зеленый навес «Ле Марше». Я устремила туда и не заметила автомобиль, приближавшийся справа. Водитель раздраженно посигналил, пока я озиралась по сторонам.

В ресторане было темно. Я заглянула в окно, потом внимательно оглядела улицу.

– Его здесь нет, – с отчаянием сказала я.

Трэйси достала телефон и ушла под навес, чтобы ответить на звонок. Я прошла несколько шагов, чтобы заглянуть в проулок за рестораном. Там было пусто, если не считать мусорного бака и картонной коробки.

Мы постояли несколько минут, потом я предложила пройти до Пятой авеню.

– Там есть приют для бездомных, – сказала я, вспомнив статью, которую написала в прошлом году. В ней шла речь об известном шеф-поваре, который объединил усилия с благотворителем и начал готовить еду для бездомных. Об этом никто не знал, пока это начинание не превратилось в компанию «Фуд Нетворк спешиа́л». Благодаря усилиям этих людей сэндвичи с обжаренным на гриле сыром заменили на сэндвичи с лососем и салатом из эндивия с грецкими орехами в сахаре. Мне хотелось бы думать, что именно моя статья, а не один-единственный репортаж по телевидению привела к тому, что эта инициатива стала событием года в области благотворительности.

– Мы могли бы посмотреть, не... – Мой голос прервался. Я все еще не могла поверить в то, в каком плачевном состоянии оказался Кэйд. В то, что я могу войти в приют и увидеть там его лежащим на пропитанной мочой

койке.

Трэйси похлопала меня по руке:

– Не бойся, соберись.

Я кивнула, и мы направились к кирпичному зданию. Черная краска на двери облупилась. Беззубая женщина с грязными седыми волосами стояла на тротуаре и пила из бутылки, завернутой в коричневый крафтовый пакет.

– Вы копы? – спросила она низким хриплым голосом, отступая на шаг назад.

– Нет, – ответила Трэйси, – мы не копы.

Женщина кивнула и снова поднесла бутылку к губам. Я заметила незажившую рану на ее левой руке, она нагноилась и покраснела. Я внутренне содрогнулась. Трэйси взялась за дверную ручку.

– Может быть, нам повезет, – шепнула она мне.

Я прошла следом за подругой в вестибюль, где за столом сидел мужчина средних лет с козлиной бородкой и редкими волосами. Пахло немытым телом, мокрым ковролином, застоялым дымом сигарет, а еще печалью и разбитыми мечтами.

– Привет! – поздоровался мужчина и поднял на нас глаза. Его лицо было мне знакомо, и я мгновенно вспомнила его жизнерадостный тенор. Он, должно быть, тоже вспомнил меня. – Вы ведь репортер из «Сиэтл Геральд»?

– Да. Я Кайли Крэйн. – После нашего интервью прошло не меньше года. – Прошу прощения, но вам придется напомнить мне ваше имя.

– Эйб Фаррелл. – Он протянул руку для пожатия. – Догадываюсь, что вы двое не ищете комнату для ночлега.

Мужчина засмеялся своей шутке, но мы с Трэйси были слишком растеряны, чтобы оценить его остроту. Мы просто смотрели на него.

– Чем могу вам помочь?

– Мы ищем одного человека, – быстро заговорила я, делая шаг вперед. – Мужчину.

– Имя знаете?

Я посмотрела на Трэйси, потом снова на Эйба:

– Да, его зовут Кэйд Макаллистер.

Эйб покачал головой:

– Не думаю, что у нас есть кто-то с таким именем, но с нашей клиентурой никогда ничего нельзя знать наверняка. Некоторые из них просто не помнят своего имени.

Я кивнула:

– В нем около шести футов. Худой. И у него борода. Вчера на нем была

куртка цвета хаки и сапоги.

Я снова видела его сидящим на тротуаре, и эта картина раз за разом прокручивалась в моей голове. Мне становилось не по себе, когда я думала о его глазах, таких печальных и потерянных.

– У него рваные джинсы, – я показала на свои голени, – вот на этих местах.

– Простите, мисс. – Мужчина снова улыбнулся. – Это описание подходит почти к каждому мужчине в нашем приюте.

Я обреченно вздохнула.

Он пожал плечами.

– Если бы вы показали мне фото, то тогда я, возможно, смог бы вам помочь.

Я достала бумажник и вытащила оттуда выцветший снимок. На нем были мы с Кэйдом в Биг-Суре^[7], невероятно живописном месте рядом с автострадой 1. Я улыбнулась про себя, вспоминая ту поездку в мельчайших подробностях. Мы взяли напрокат автомобиль с откидным верхом, и я повязала голову бежевым шарфом на манер Грейс Келли. К тому моменту, когда мы добрались до маленькой смотровой площадки, мы оба стали зелеными – так нас укачало в дороге. Слишком много было поворотов. Но на фотографии этого не было заметно.

– Вот Кэйд, – сказала я, протягивая снимок Эйбу. Тот прищурился, потом пожал плечами.

– Боюсь, здесь нет никого похожего, – объявил он через некоторое время. – Но если хотите, я могу провести вас по приюту, чтобы вы сами посмотрели.

– Спасибо. – Я бросила взгляд на Трэйси, потом снова посмотрела на Эйба. – Я была бы вам очень признательна.

С некоторой опаской мы пошли следом за ним по короткому коридору и вошли в большую комнату, где вдоль стен стояли двухъярусные кровати. Трое мужчин сидели за столом в центре и увлеченно играли в карты. Еще несколько человек спали или делали вид, что спали, на своих койках. Один бродяга сидел в углу и что-то бормотал себе под нос. Кэйда среди них не было.

– Нет, – со вздохом сказала я, – его здесь нет.

– Жаль, – посочувствовал Эйб. – А этот мужчин, он ваш... бойфренд?

Я покачала головой.

– Нет-нет, – я покрутила свое помолвочное кольцо, – он всего лишь старый друг.

– Что же, вашему старому другу повезло, что такая женщина, как вы,

его ищет. – Эйб улыбнулся. – Надеюсь, вы его найдете.

– Я тоже надеюсь.

Он уже повернулся к двери, когда я остановила его.

– Подождите, – сказала я, стягивая куртку и поднимая рукав футболки на правой руке. – У него точно такая же татуировка. Она вам не кажется знакомой?

– Нет. Боюсь, я не видел подобных татуировок в последнее время.

И тут я заметила, что один из играющих в карты, который был старше остальных и носил длинную седую бороду, поднял голову и смотрит на меня.

– Ладно. – Я удрученно сунула руку в рукав куртки. Бородач встал из-за стола и направился к нам.

– Прошу прощения, – сказал он, держа в правой руке карты. Я увидела туз пик и сразу вспомнила, как учила Кэйда играть в «Тридцать одно», любимую карточную игру моих бабушки и дедушки. Кэйд выиграл.

– Эта татуировка, – продолжал старик, – она похожа на татуировку... Митчелла.

Я удивленно покачала головой:

– Митчелла?

– Ага. Станный такой. Не разговаривает. Он то приходит, то уходит. Но большую часть времени он проводит на Четвертой возле модного французского ресторана, который называется...

– «Ле Марше»? – с готовностью подсказала я.

– Точно, он.

Мои глаза расширились:

– Вы уверены, что узнаете татуировку?

Я снова сняла куртку, чтобы показать ее.

– Да, мэм, – подтвердил бродяга, вглядываясь пристальнее.

– Пожалуйста, скажите мне, почему вы называете его Митчеллом.

Мужчина пожал плечами:

– Черт его знает. На армейской куртке, в которой он всегда ходит, написано это имя. Думаю, все решили, что его так зовут. Может, оно и так, а может, и нет. – Старик хмыкнул. – Вот меня зовут Фрэнк, но все зовут меня Бешеный Пес.

– Что ж, спасибо вам.

Он кивнул и направился обратно к столу. Я подумала о Кэйде: он носит армейскую куртку с напечатанной на груди фамилией «Митчелл». *Как такое могло случиться?*

– Простите мое любопытство, – спохватился Бешеный Пес, снова

поворачиваясь ко мне, – но как вышло, что у такой, как вы, и у такого, как он, одинаковые татуировки?

На мои глаза навернулись слезы. Я глубоко вздохнула, стараясь унять дрожь в губах:

– Мы с ним не разные, как может показаться, мы одинаковые. И когда-то я его любила, очень сильно любила.

Я почувствовала, как рука Трейси коснулась моего плеча.

– Идем, дорогая, нам пора.

Словно в оцепенении я вышла на улицу следом за ней.

Снова пошел дождь, и, оказавшись рядом с «Ле Марше», мы с Трейси сразу спрятались под навесом ресторана.

– Что дальше? – спросила она.

– Пожалуй, я останусь здесь ненадолго, – сказала я. – Подожду, вдруг он вернется.

Трейси кивнула и сунула руку в карман, чтобы достать звонящий телефон. Я прошла несколько шагов вперед и снова посмотрела в проулок за рестораном. Пусто, только в отдалении голубь клевал что-то на мостовой.

– Из больницы звонили, – сообщила Трейси, подходя ко мне минутой позже. – У пациента кризис. Мне очень жаль, но я должна ехать.

– Я справлюсь сама, – успокоила я подругу. Голубь чего-то испугался и отлетел дальше в проулок, расстроенный, серый.

Я постояла несколько минут на тротуаре, а потом пошла по направлению к «Старбакс». Заказав кофе, я уселась в кресло у окна. Дождь полил сильнее, окно затуманилось, как и моя голова. Рукавом куртки я протерла кусочек стекла, чтобы видеть прохожих. Любой из них мог оказаться Кэйдом, но его среди них не было.

Я вышла из кафе. Прошел час, потом еще два. Позвонил Райан, и я сказала ему, что собираю материал для статьи. Еще одна белая ложь. Он спросил, смогу ли я приготовить ризотто на ужин. Я ответила, что смогу, и попросила его купить рис арборио в магазине органических продуктов. Наш разговор был легким, непринужденным. Мы говорили так, словно у каждого из нас был перед глазами сценарий. Но именно в этот момент сценарий мне не нравился. Мне было отвратительно разговаривать о рисе и органических продуктах, когда Кэйд бродил где-то в городе, замерзший, скорее всего голодный... Возможно, он притулился где-то в проулке и мокнет сейчас под дождем. Я ненавидела все: рис, дождь и то, как сложилась жизнь.

Я прислонилась к кирпичной стене ресторана, который только что

открылся для воскресного ланча. Через окно я заметила привлекательную пару возле бара. На ней было льняное платье с оборками цвета слоновой кости, явно только что купленное в дорогом магазине. Она накручивала на палец длинные темные волосы, игриво прислоняясь к своему спутнику, чисто выбритому мужчине в очках в темной оправе. Я представила себе их разговор.

«Я люблю устрицы», – говорит она.

«Я тоже!» – отвечает он.

«Но только не мидий!» – добавляет она, манерно отпивая глоток охлажденного розового вина.

«Никаких мидий, – мгновенно соглашается он. – Это сомнительные моллюски».

Она смеется, снова медленно отпивает глоток вина, чей цвет повторяет цвет румян от МАС, которые она нанесла на щеки чуть раньше. Девушка гадает, не перестаралась ли она с макияжем. И встретила ли она родственную ей душу?

Мимо промчалась машина и едва не окатила меня грязью из лужи. Я вцепилась в золотую цепочку на шее, пробежалась пальцами до золотого медальона с моими инициалами. Его мне подарили бабушка с дедушкой на мой десятый день рождения, и с тех пор я с ним не расставалась.

– Что ты в него положишь? – спросила меня бабушка, когда я надела его первый раз.

– Пока не знаю, – ответила я, раздумывая о том, что в медальон нужно положить нечто совершенно особенное.

В тот же день дедушка достал старую коробку из-под сигар и принялся перебирать старые монеты, фотографии с волнистыми краями, открытки и пожелтевшие вырезки из газет, пока не нашел какой-то крошечный предмет.

– Самая красивая ракушка для самой красивой девочки, – объявил он, целуя меня в лоб.

Я поворачивала ракушку так и эдак, сияя улыбкой.

– Хочешь послушать историю о том, как я ее нашел? – спросил дедушка.

Я кивнула, не сводя глаз с моей новой драгоценности. Я всегда любила дедушкины истории.

– Это было в августе 1944 года, незадолго до освобождения Франции, – начал он свой рассказ. – Было жарко, я очень хорошо это помню. Несколько моих приятелей собрались спуститься на берег и искупаться. В то утро мы слушали по радио Эйзенхауэра. Все были в

отличном настроении, поэтому командир не стал возражать, когда мы ушли из лагеря на берег. Хотя нас предупреждали о противопехотных минах и о том, что в пещерах и крестьянских домах могут прятаться остатки вражеской армии. И все же нам хотелось пойти на пляж. Туда мы и отправились. Мы шли по каменистой тропинке мимо кипарисов и старых корявых яблонь. Мы с капитаном Рэйнсом подобрали и съели все яблоки, которые только смогли найти.

Дедушка замолчал и улыбнулся мне:

– Забавно... Всякий раз, когда я откусываю от яблока, я даже теперь снова оказываюсь на том берегу...

Глаза дедушки как будто видели свое далекое прошлое.

– Мы продолжали путь, – рассказывал он. – На этом участке берега прибой был сильнее. Там было опасно купаться, Рэйна едва не смыло. – Дедушка хмыкнул. – Я просто сидел на берегу и смотрел на волны. И тут я заметил, что они что-то вынесли на берег. Поначалу я подумал, что это камешек, но, приглядевшись получше, понял, что это ракушка. Но не простая. Она сияла на солнце и цветом напоминала переливчатый нефрит. Таких я никогда не видел.

Когда Рэйнс сел рядом со мной, я показал ему свою находку. «Это особенная ракушка», – сказал он. «Откуда ты знаешь?» – удивился я. И тогда капитан рассказал мне, что встречался с французской девушкой, и у той точно такая ракушка была прикреплена к цепочке. Судя по всему, они встречаются редко, их море время от времени выбрасывает на берег, и только на этом пляже. Местные говорят, что нашедшему такую ракушку обязательно повезет, это хорошее предзнаменование, оно предвещает любовь, счастье и защиту. – Дедушка снова улыбнулся. – Я хранил ее все эти годы, и, знаешь, моя жизнь была счастливой. Замечательной, честно говоря. А теперь ты будешь хранить ее.

Я не могла поверить в свою удачу и гордо хранила дедушкину ракушку на столике у кровати, пока проказливая маленькая сестренка моей подруги однажды не взяла ее. Ракушка выскользнула у нее из рук на тротуаре и разбилась на множество кусочков.

Я расплакалась. Нет, разрыдалась. Я горевала об этой ракушке больше, чем о моей подруге, уехавшей в другой город, когда мы учились во втором классе. Как я посмотрю в лицо дедушке? Как я скажу ему, что не сумела сохранить ракушку и она разбилась? Что его драгоценные воспоминания разлетелись вдребезги из-за неловкого движения руки неразумного соседского малыша? Но я все-таки сказала ему, и он простил меня, в чем я ни минуты не сомневалась.

Я сохранила самый крупный осколок раковины и держала его в верхнем ящике комода вместе с нижним бельем и полосатым купальником-бикини с оборочками. Но потом я убрала этот осколок в медальон, где он с тех пор и хранился. Я погладила украшение, думая о бабушке, умершем через два дня после моего двадцать шестого дня рождения.

– Ракушка все еще у тебя? – спросил он меня при нашей последней встрече.

– Да, – ответила я.

– Хорошая девочка.

Я подняла голову, очнувшись от своих мыслей, когда услышала мужской голос, который отчитывал кого-то впереди меня.

– Вы меня слышите? – сурово спросил мужчина.

Это был работник ресторана в белом фартуке. Он заслонял того, к кому обращался, поэтому я вытянула шею, чтобы увидеть происходящее.

– Я уже говорил вам раньше, что вы должны уйти, – продолжал он. Мое сердце забилось быстрее. Неужели это?..

– Подождите, – крикнула я, когда тот, к кому он обращался, медленно побрел прочь. Я видела только его спину в *армейской куртке*. – Прошу вас, подождите!

Работник ресторана откашлялся.

– Примите мои извинения, если этот человек докучал вам.

Я ему не ответила и бросилась бежать, пытаясь догнать мужчину в *армейской куртке*, который свернул за угол. Я побежала быстрее, но вскоре увидела, что он смешался с толпой на площади перед торговым центром Уэстлейк. Народу было много: матери с дочерьми, прикрывавшие зонтами пакеты с покупками из универмага «Нордстром», школьники с наушниками, пожилые дамы. Вдалеке уличный скрипач играл *Нарру Birthday*^[8]. И тут я увидела *армейскую куртку*.

– Кэйд! – окликнула я. Он был на сотню футов впереди меня, но я поняла, что он меня услышал, потому что мгновенно остановился и посмотрел по сторонам.

– Кэйд, – повторила я, медленно приближаясь. Я боялась, что если пойду быстрее, то могу напугать его. Поэтому я двигалась осторожными короткими шагами, как человек, пытающийся подобраться к попавшему в беду щенку и спасти его. *Еще несколько шагов.*

– Кэйд, это я, Кайли.

Он повернулся ко мне. Когда наши глаза встретились, казалось, мир, до этого бурливший водопадом, замедлил свое движение и превратился в тонкую струйку. Я не слышала шума вокруг себя. Я не замечала

торопящихся людей. Я не чувствовала дождя на лице. Был только Кэйд. И он смотрел на меня.

Глава 6

25 мая 1996 года

– Как я выгляжу? – обратилась я к Трэйси, кружась по нашей кухне, чтобы она как следует рассмотрела мое платье, голубое с кружевной отделкой по подолу и на рукавах. Я купила его в магазине «Бон» во время обеденного перерыва. – Не перестаралась?

– Нет, – ответила Трэйси, – оно говорит: «Я профессионал, но в глубине души художник».

– Художник в глубине души? – Я сморщила нос.

– Ну да, загадочная художница. Мужчинам нравится интрига.

– Гмм. – Я утянула платье в талии, пытаюсь поймать свое отражение в дверце микроволновки. – Я не слишком в этом уверена.

– Не переживай, – продолжала Трэйси, – Кэйдду платье обязательно понравится, но только в том случае, если ты срежешь с него ярлычок.

Моя подруга взяла ножницы из кухонного шкафчика.

– Дай-ка я тебе помогу.

Я пожала плечами:

– Боже, я ненавижу ходить на свидания.

– От этого никто не в восторге.

– Тогда зачем мы все через это проходим?

Трэйси улыбнулась:

– Несмотря на то что ты надеваешь защитные доспехи, ты настоящий Водолей. Поэтому в душе ты втайне идеализируешь любовь, веришь в родственные души и все такое прочее.

– Что ж, – произнесла я куда более серьезным тоном, – хотя Кэйд пригласил меня на ужин, я что-нибудь выпью и, возможно, съем закуску. Если что-то пойдет не так, я уйду.

Я надевала черный кардиган, когда Трэйси, порывшись в своей сумочке, протянула мне четвертак.

– Держи!

Я удивленно посмотрела на нее.

– Положи в сумочку. Если потребуется подкрепление, найди телефон-автомат и позвони мне.

– Хорошо, – улыбнулась я.

Я сидела у бара в ресторане «Дикий имбирь» и нервно вонзала

соломинку в ломтик лайма в водке с содовой. Кэйд опаздывал. Всего на десять минут, но все же.

– Не хотите ли посмотреть меню? – Сочувствующий бармен посмотрел в мою сторону.

– Нет, я кое-кого жду, – ответила я.

– Первое свидание?

Я покраснела:

– Ага.

Бармен кивнул:

– Я почему-то так и подумал.

– Как вы догадались?

Он улыбнулся:

– Профессиональное чутье.

Я выдохнула:

– Должна признаться, я немного нервничаю.

– Почему?

Я не успела ответить, когда кто-то слегка похлопал меня по плечу. Я обернулась.

– Прости за опоздание, – извинился Кэйд. – Совещание продлилось дольше, чем я планировал, и, разумеется, мне пришлось обсуждать дела с моим партнером тридцать седьмой раз за неделю. – Он потер лоб. – Маленький совет: никогда не затевай бизнес с лучшим другом.

– Усвоила. – Я улыбалась во весь рот.

– Привет, – улыбнулся мне Кэйд.

– И тебе привет, – ответила я. Он был одет в джинсы, серый свитер и высокие, порядком поношенные кеды «Конверс». Он был точно таким, каким я запомнила в ту ночь в клубе «Крокодил». Немного непредсказуемый, несколько непочтительный и совершенно завораживающий.

– Надеюсь, ты не станешь сердиться на меня за мое опоздание. – Кэйд улыбнулся так, словно заранее знал, что не буду сердиться.

Бармен подмигнул мне, когда администратор провожала нас к столику у окна в дальней части обеденного зала. Мы сели за стол.

– Мне нравится твоё платье, – сказал Кэйд.

Я посмотрела вниз на колени и разгладила воображаемую морщинку.

– Правда?

– Ага, оно в стиле Стиви Никс [\[9\]](#).

Я рассмеялась и отпила глоток коктейля.

– Тебе нравится Fleetwood Mac?^[10] – спросил Кэйд.

– Да, – ответила я, – Gypsy^[11] – одна из моих любимых песен. Моя мама была хиппи со стажем.

Официант протянул Кэйду меню, и тот, улыбнувшись мне, заказал мартини с оливками, фаршированными сыром.

– Знаешь, как я определяю хороший ресторан? – спросил он, откладывая меню.

– Как?

Кэйд указал на бар:

– Оливки, фаршированные сыром.

Я недоуменно посмотрела на него:

– Боюсь, я не совсем понимаю.

– Во многих местах их вообще нет, даже в дорогих заведениях. Но вопрос в том, предлагает ли персонал *сделать* их для тебя. В хорошем ресторане их обязательно сделают.

– Интересно, – оценила я.

Кэйд подмигнул:

– Когда пишешь статью о ресторанах, всегда следует добавить изюминку.

– Надо будет за этим проследить, – улыбнулась я ему.

– Расскажи мне о своей работе.

Я кивнула:

– Кажется, я говорила тебе, что работаю репортером в «Сиэтл Геральд».

– Да, и я впечатлен.

– Не стоит. Я самый младший репортер.

– Не скромничай, – возразил Кэйд. – Уверен, что твоя работа намного интереснее, чем ты думаешь.

– На самом деле я люблю свою работу, – сказала я. – И у меня замечательный редактор, который позволяет мне писать о темах, интересных для меня.

– Например?

– Ну... – Я немного поерзала на стуле. – Политика, бедность, интервью о людях, непохожих на остальных.

– Вау! Серьезные вещи.

– Они много значат в нашей жизни, – продолжала я. – По крайней мере, в моей – точно.

Кэйд долго смотрел на меня, пока я не почувствовала, что мои щеки

залила краска, и не отвернулась.

– У тебя доброе сердце, знаешь ли.

Я улыбнулась:

– Или мне просто не хочется писать о моде.

Вернулся официант с мартини, в котором на коктейльную шпажку были нанизаны фаршированные сыром оливки. Кэйд положил одну оливку в рот и отпил мартини.

– Тебе всегда нравилось готовить?

– Всегда. Я выросла с бабушкой в Айове и готовила вместе с ней.

– А я всегда любил музыку. – Он отпил еще глоток. – Забавно, что мы оба родились с увлечением, которое со временем не поблекло.

Я кивнула:

– Если бы я так сильно не любила свою работу, то я, возможно, стала бы шеф-поваром.

– Расскажи мне об Айове.

– Я переехала туда после смерти родителей.

– Прости, – сказал Кэйд.

Я пожала плечами:

– Мне было пять лет. Они погибли в автомобильной аварии – лобовое столкновение, – когда ехали на концерт Grateful Dead^[12].

– Ты что-нибудь о них помнишь? – спросил Кэйд, наклонившись ко мне.

– Мамин голос, – ответила я. – Она по вечерам всегда напевала колыбельную из оперы «Порги и Бесс».

– Summertime?^[13]

– Ты ее знаешь?

Кэйд кивнул.

Я попыталась вспомнить мелодию и через пару мгновений начала напевать:

– So hush little baby...^[14]

– Don't you cry^[15], – продолжил Кэйд, допевая за меня строчку. И когда он это сделал, у меня по коже побежали мурашки.

Я слегка улыбнулась своим мыслям.

– Позавчера на работе у меня глаза были на мокром месте. Почему-то я все время вспоминала платье, которое носила мама. Оно было цвета ржавчины с голубой вышивкой спереди.

– Мои родители тоже умерли, – сказал Кэйд. – Мне было семь, и меня взяла к себе тетя.

– О! – Его слова поразили меня. – Я ни разу еще не встречала человека, чьи родители умерли, когда он был маленьким, как и у меня. Я всегда чувствовала себя странной девочкой с умершими родителями.

– Мы с тобой пара сирот, – с грустной улыбкой констатировал Кэйд.

– Расскажи, что случилось с твоей семьей, – попросила я.

– История такая. Мама умерла от рака. Я помню ее смутно, если ты можешь понять – как будто чувствую. – Он помолчал. – От нее я унаследовал музыкальный ген, хотя ему потребовалось некоторое время, чтобы проклюнуться.

– Разумеется, она передала его тебе. Я недавно прочитала, что дети, разлученные с матерью сразу после рождения, могут, когда вырастут, выбрать мать из нескольких женщин. Эта связь никогда не исчезает.

Кэйд кивнул:

– Она умерла через неделю после моего второго дня рождения, а перед этим провела много месяцев в больнице. Я понимаю, что едва ли я могу ее помнить. И все же я помню. Хотя не могу этого объяснить.

– Понимаю, – сказала я. – Думаю, наш мозг формирует воспоминания и каталогизирует их еще до того, как мы это осознаем.

Кэйд прикрыл глаза.

– Однажды в младших классах мама одного из моих друзей обняла меня, и запах ее духов показался мне невероятно знакомым. Звучит безумно, но я клянусь, что в тот момент почувствовал запах моей мамы.

Я вспомнила свои ощущения, когда бабушка позволила мне примерить некоторые из старых маминых платьев. Тогда мне показалось, будто экскаватор опустил ковш в мое сердце и вытащил воспоминания, о которых я сама не подозревала.

– Я все время так себя чувствую, – призналась я Кэйду. – Это что-то вроде дежавю, только более интенсивное.

Он кивнул.

– Отец так и не оправился после маминой смерти.

– Как он умер?

– Самоубийство. Отравился выхлопными газами в гараже поздно ночью. Утром я искал свою коробку для ланча, а нашел его тело. Я тогда учился во втором классе.

– О! Ты наверняка сильно испугался.

Кэйд пожал плечами:

– После этого я жил с моей тетей Фэй, маминой сестрой.

– Она была добра к тебе?

– Очень. Когда мне исполнилось десять, тетя купила мне первый

магнитофон. И она же дала мне и моему другу Джеймсу пятнадцать тысяч долларов займа, чтобы мы основали «Стихия Рекордс». Мы оба ушли из колледжа за год до его окончания, чтобы начать свое дело. Хотя мы совершенно не представляли, что делаем, Фэй в нас верила. А так как она в нас верила, мы превратили маленькую мечту в компанию, которая продала больше двадцати миллионов записей и в которой работают семнадцать человек.

– Невероятно, – сказала я.

– Полагаю, да, – ответил Кэйд. – Это настоящее воплощение мечты. Но нам не всегда было легко.

– Значит, работать с лучшим другом – это испытание?

Кэйд с силой выдохнул воздух.

– Да, такова печальная правда. Мы вместе учились в старших классах. Он играл на гитаре, я на басы. Мы были парочкой безмозглых самодеятельных музыкантов, с которыми не желали разговаривать девушки-болельщицы. – Кэйд прижал руку к сердцу и мечтательно добавил: – Но как же я был влюблен в Стейси Риос...

Я улыбнулась.

– И вот мы организовали свою фирму, и поначалу все было замечательно. Безумно, но здорово. Я каждую неделю куда-то летал: Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Майами... где бы ни появлялась новая группа, я сразу оказывался там.

– Джеймс тоже летал?

– Ну как сказать... – проговорил Кэйд. – Поначалу мы много путешествовали вместе, но потом поняли, что ему лучше держать оборону в Сиэтле. Поэтому мы поделили наши обязанности.

– А как ты придумал название «Стихия Рекордс»?

– Оно пришло мне в голову, когда я однажды слишком много выпил, – усмехнулся Кэйд. – Но название имеет смысл, во всяком случае, для меня.

– И какой же?

– Так я воспринимаю музыку. Когда я слышу группу, которой, как я знаю, суждено прославиться, у меня возникает определенное ощущение. Все чувства обострены. Музыка волнует тебя так, что ты это ощущаешь физически. Однажды я остановился на углу в Нэшвилле, чтобы послушать уличного музыканта. Просто парень с собакой, он пел и играл на гитаре. Люди бросали ему деньги, а я предложил контракт. Теперь он платиновый голос.

– Вау! – воскликнула я.

– Вот это я называю быть в своей стихии. – Кэйд улыбнулся. – Джеймс

хотел назвать компанию «Бонсай Рекордс».

– Бонсай? – Я сморщила нос.

Кэйд пожал плечами.

– Мы совершенно по-разному представляли, как управлять компанией, и временами становилось трудно. Я бы солгал, если бы сказал, что успех фирмы не повредил нашей дружбе.

Он сделал большой глоток martin, его лицо вдруг стало напряженным и серьезным. Я поняла, что тема его друга Джеймса ранит его сильнее, чем он сам это признает.

– А что, если... – начал Кэйд, меняя тему. – Сегодня хороший вечер. Почему бы нам не заказать еще выпить, какие-нибудь закуски, а потом не пойти погулять? Напомни мне, как давно ты живешь в Сиэтле.

– Около года, – ответила я.

– Так тебе просто необходима качественная экскурсия. – Кэйд улыбнулся. – Я покажу тебе мой Сиэтл, все те места, которые имеют для меня значение. Что скажешь?

Я смотрела на него широко открытыми глазами. Мне нравилась его уверенность.

– Согласна, – ответила я. И Кэйд взял меня за руку.

* * *

Когда мы выходили из ресторана на тротуар, мимо нас прошли двое мужчин в дорогих костюмах. Один из них говорил про NASDAQ^[16].

– Я бы никогда не смог быть таким, как они, – после паузы сказал Кэйд.

Я посмотрела на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Деловые костюмы, ежедневный график работы с восьми до пяти, бесконечные совещания по поводу прибылей и убытков компании, жесткие сроки. Работа на босса.

Я кивнула и улыбнулась:

– Да уж, ты прирожденный предприниматель.

Мы шли по улице вдоль квартала.

– Волшебный час. – Кэйд посмотрел на небо. Солнце только что село, и оранжевый свет задержался на горизонте. Ночь еще не наступила, а день уже закончился, это был чудесный отрезок времени, в котором, собственно, и находились мы с Кэйдом.

Я снова почувствовала, как в моем животе порхают бабочки, – точно так же, как во время нашей первой встречи, и улыбнулась, когда Кэйд сделал вид, будто подносит ко рту микрофон.

– Благодарю вас, мэм, за то, что вы решились совершить эту эксклюзивную экскурсию по Сиэтлу. – Он весьма официально откашлялся. – Позвольте мне, вашему экскурсоводу, представиться. Я Кэйд Макаллистер.

Я не смогла удержаться от смеха.

– Мы проходим мимо самого тщательно охраняемого объекта города. Слева от нас «Зигзаг». На протяжении многих лет бармены этого заведения смешивали коктейли для музыкальной элиты города.

Кэйд приглушил голос до шепота:

– И если вы хотите как следует рассмотреть Даффа «Роуз» Маккагана из Guns N’Roses^[17], заходите сюда в четверг сразу после восьми часов. Он всегда сидит в правой стороне бара.

– Я скажу Трэйси, – пообещала я. – Она убьет меня, если узнает, что я тебе об этом сказала, но в детстве она состояла в фан-клубе Guns N’Roses.

Кэйд внезапно остановился.

– А как насчет тебя? Какого бы певца ты хотела увидеть вживую?

– О, я даже не знаю. – Я разыграла смущение.

– Давай же, скажи, – настаивал Кэйд. – Не скрывай от меня.

– Ну, – немного застенчиво начала я, – ответ покажется тебе странным.

– Мне нравится узнавать о музыкальных вкусах людей, а твои пристрастия меня особенно интересуют.

– Ладно, – не слишком охотно уступила я. – В детстве мне нравилась музыка, которая нравилась моим родителям. Мои подружки отплясывали под хиты восьмидесятых, а я наслаждалась The Mamas and the Papas^[18], Crosby, Stills and Nash, Neil Young^[19] – вот такой музыкой.

Кэйд улыбнулся:

– А по какому певцу ты сходила с ума?

– Ты знаешь песню Happy Together^[20] группы the Turtles?^[21]

– Знаю.

– Солист группы – Ховард Кайлан, – продолжала я. – Мама любила эту песню. У нее была запись, и мы обычно слушали ее вместе. Это одно из немногих моих воспоминаний о ней. Разумеется, сейчас он, наверное, старый бородатый потасканный хиппи. Но его голос, эта песня, они как будто вышиты в моем сердце в том самом месте, где находится мама. Мне бы хотелось встретиться с ним и рассказать ему эту историю.

- Это было бы прекрасно, – заметил Кэйд.
- Наша экскурсия закончена? – поинтересовалась я.

Кэйд покачал головой:

– Следующая остановка – это место неудавшегося свидания с девушкой-диджеем с радио, чье имя мы раскрывать не станем. – Он указал на телефон-автомат. – Мне она действительно понравилась, во всяком случае, я хотел с ней встретиться. Но наше свидание совпало с заключением новой крупной сделки с очередной музыкальной группой. Джеймс хотел, чтобы я во что бы то ни стало подписал его. Я пообещал девушке, что вернусь через пять минут, но, к сожалению, пять минут растянулись на полчаса. Когда я вернулся, она уже ушла, правда, перед этим заказала выпивку для всех присутствовавших в баре, а счет оставила мне.

Я сочувственно посмотрела на Кэйда:

– Жестоко!

– Так вот на этом все и закончилось. Она мне больше не позвонила, но урок я усвоил.

Кэйд снова вооружился воображаемым микрофоном, и мне не терпелось услышать, что он еще расскажет. Я взяла его под руку. С улыбками на лицах мы, шагая в ногу, свернули в следующий квартал.

– Перед вами первый офис «Стихия Рекордс», он вот здесь слева. – Кэйд указал на дверь с облупленной серой краской рядом с китайским рестораном.

– Не буду говорить о крысах и о том, что ни один из служащих больше никогда не закажет чоу мейн из курицы. Но из этой маленькой дыры в стене появилось на свет несколько платиновых записей.

Я заглянула в окно и представила Кэйда, начинавшего свой бизнес в этом помещении. Я сразу поняла, что передо мной редкая душа. Творческая, возможно, даже гениальная, уверенная в себе, но с необъяснимой уязвимостью. Он стоял близко ко мне, и все же мне хотелось быть еще ближе.

– Видишь уличный фонарь вон там, – продолжал Кэйд, – тот, который немного мигает?

– Ага.

– Там началась история группы Pearl Jam^[22].

Я покачала головой.

– Прямо там?

– Вот именно, – подтвердил Кэйд. – Все думают, что Эдди Веддер прислал гитаристу Майку МакКреди демоверсию песни. Он действительно

это сделал, но Майк не обратил на нее внимания. Потом Эдди переехал в Сиэтл, и Майк услышал, как он поет под этим фонарем. – Он остановился и указал вперед. – Он был пьянее дьявола, но пел, как ангел. Остальное уже история.

Стало темнее, и, когда к нам подошел бездомный, я придвинулась на дюйм ближе к Кэйд. Одежда висела на мужчине лохмотьями, от него исходил острый запах мочи и грязи.

– Мелочи не найдется? – пробормотал он, разглядывая меня. Я инстинктивно покачала головой и отступила назад.

– Конечно, приятель. – Кэйд сунул руку в карман, достал несколько монет по одному доллару и пригоршню мелких денег. – Держи.

– Большое спасибо, – пробубнил мужчина. – Благослови вас Бог.

– Береги себя, – сказал ему Кэйд, когда мы проходили мимо.

– Ты хорошо поступил.

Он пожал плечами.

– Дал немного мелочи бездомному парню?

– Немногие так бы поступили.

– А следовало бы.

Я кивнула:

– Но разве бездомные не тратят часто деньги на наркотики?

– Все может быть, – ответил Кэйд. – Но они такие же люди, как и мы. И по какой-то причине их жизнь сложилась не так, как они планировали. Возможно, они сами виноваты. Или кто-то еще. Кто знает? Но я думаю, что отсутствие дома – это не столько проблема одного человека, сколько проблема коллективная. Людям надо помогать, когда есть такая возможность.

– Согласна, – сказала я.

Еще несколько кварталов мы прошли в молчании. Я так долго чувствовала себя потерянной, летящей без цели, словно воздушный шарик. А потом этот парень поднял руку и притянул меня вниз, обмотав веревочку вокруг своего запястья.

– Теперь офис «Стихия Рекордс» находится вот здесь. – Кэйд указал на красивое кирпичное здание. – Здание принадлежит нам с Джеймсом. Я только что поставил стол для бильярда на верхнем этаже.

– Босс, для которого отдых на первом месте, – оценила я. – Мне это нравится.

Кэйд вдруг остановился.

– В котором часу ты сегодня превращаешься в тыкву? – улыбаясь, спросил он.

Я бросила взгляд на часики. Еще не было и десяти.

– Пожалуй, я могу погулять еще немного.

– Отлично. Потому что мне кажется, что нам стоит пропустить еще по стаканчику. Моя квартира как раз за углом.

– Не знаю. – Я колебалась. Стоит ли идти к парню домой на первом свидании? Вероятно, нет.

– Только один коктейль, никаких глупостей.

– Хорошо, – согласилась я после паузы. – Только один.

Мы прошли до увитого плющом кирпичного дома и остановились у двери, выходящей прямо на тротуар. Кэйд открыл дверь ключом, и я прошла за ним внутрь.

– Дом, милый дом, – пропел он, подходя к проигрывателю на столике у дивана. – Ты слышала группу The Breeders?^[23]

– Нет, – сказала я.

Он вытащил диск из обложки и определил его на место с мастерской точностью, а потом снова взглянул на меня.

– Они тебе понравятся.

Я прислонилась к стене и слушала, как басы бухают в колонках.

– Ким^[24] сначала играла в The Pixies^[25], – сказал Кэйд. – Это должно было стать всего лишь экспериментом, дополнительным проектом. Но в результате получилось самое свежее и непредсказуемое звучание в роке, во всяком случае, с моей скромной точки зрения.

– Мне нравится.

Он улыбнулся:

– Так много музыки, которой бы мне хотелось с тобой поделиться...

От его слов у меня в животе снова запорхали бабочки. Если он хочет научить меня, то я хочу научиться.

– Ты это слышишь? – Кэйд взял мою руку и начал барабанить ею по столику в такт ударным. – Вот это место. – Он закрыл глаза, продолжая повторять мелодию моими пальцами.

– Да, – ответила я. Я была благодарна за то, что свет был приглушен, потому что мои щеки пылали огнем.

– Добротная работа ударных, – отметил он, отпуская мою руку и направляясь на кухню. – Налить тебе выпить?

– Конечно.

– Водка с содовой?

Я кивнула и скользнула взглядом по его квартире. Открытая планировка напоминала лофт с неоштукатуренными кирпичными стенами,

красивая винтовая лестница из чугуна вела в спальню наверху.

– Промашка, – объявил Кэйд. – Водка закончилась. Хочешь прогуляться со мной до винного магазина?

– Конечно, – ответила я, и Кэйд взял ключи.

Я медленно прошла вперед, пока он запирает дверь.

– Магазин за углом, – объяснил Кэйд. – Думаю, он еще работает.

Я кивнула, глядя на здание рядом с домом Кэйда, которое пока еще только строили. Его окружали леса, выходящие в некоторых местах на тротуар.

– Это не новый приют для бездомных? – спросила я, вспоминая дискуссии между репортерами в комнате новостей. Щедрое пожертвование – дар некоммерческой организации, переданный на строительство приюта, – вызвало неудовольствие девелоперов, надеявшихся построить на этом месте многоквартирный дом.

– Точно, – подтвердил Кэйд.

– А ты что об этом думаешь?

– О чем?

– Я знаю, что проект был противоречивым, – продолжала я.

– Что противоречивого в помощи нуждающимся?

– Ничего, – улыбнулась я.

– Если быть до конца честным, то мне больше по душе соседство с приютом для бездомных, чем со стерильным кондоминиумом с его завышенными ценами, напыщенными обитателями и их избалованными собаками.

Я рассмеялась:

– Отлично сказано.

– Ты только подумай, – не успокаивался Кэйд. – Сначала появляется кондоминиум, следом за ним вырастают сетевые рестораны. Не успеешь оглянуться, как мое любимое кафе на Мейн-стрит превратится в H&M.

Он немного помолчал, ловя мой взгляд под фонарем.

– Ты такая красивая, – неожиданно сказал он.

Я улыбнулась, чувствуя, как горят щеки, и отвернулась.

– Это правда. – Кэйд сжал мою руку.

Купив в винном магазине алкоголь, мы вернулись обратно в квартиру Кэйда. Он приготовил нам выпить, и мы уселись на диване. Я положила голову ему на плечо, отдыхая в молчании. У меня отяжелели веки, и я неожиданно задремала.

Я вздрогнула, открыла глаза – как мне показалось, несколько часов спустя – и резко выпрямилась.

– Который час?

Кэйд сидел рядом со мной и не спал.

– Почти два часа ночи. Мне не хотелось будить тебя. Ты выглядела такой спокойной.

Я улыбнулась.

– Мне пора идти.

– Я знаю, – откликнулся он. – Двай я вызову тебе такси.

Я неловкими пальцами застегивала пуговицы на кардигане. Кэйд вызывал машину. На мгновение мне захотелось остаться. В этот вечер и в следующий. И потом тоже. Остаться навсегда.

Кэйд вышел вместе со мной на улицу и обнял меня. Он долго не размыкал объятия, пока его губы не встретились с моими. Мы целовались, когда подъехало такси.

Я вспомнила четвертак, который Трэйси дала мне раньше. Прежде чем махнуть на прощание Кэйду, я сунула руку в карман и бросила монету в шляпу бездомного, который сидел на тротуаре рядом со своей собакой.

Глава 7

16 ноября 2008 года

Кэйд. Он увидел меня, он узнал меня. Я увидела, как вспыхнули его глаза.

– Только никуда не уходи, – взмолилась я. – Я хочу тебе помочь.

Мое сердце гулко билось, пока я доставала телефон и судорожно искала номер телефона Джеймса Китли. Джеймс Китли. «Стихия Рекордс» давно прекратила работу, но я знала, что Джеймс начал успешный венчурный бизнес, и его портфель стартапов внушал уважение. Судя по всему, он и его партнеры заработали миллионы. Во всяком случае, так утверждал автор статьи в «Уолл-стрит джорнэл», которая попалась мне на глаза лет шесть назад. Тогда я позвонила ему, чтобы поздравить, и между делом спросила, нет ли у него новостей о Кэйде. Но Джеймс, как и все из прошлого, ответил, что потерял контакт со старым другом. Я тогда даже обрадовалась. По крайней мере, не одну меня Кэйд вычеркнул из своей жизни. Но в то же время я опечалилась: казалось, Кэйд исчез с лица земли.

Помню, я тогда поразились тому, как быстро пролетает жизнь. Джеймс закрыл продюсерскую компанию, женился на своей подруге Алексис, у них родились дети. Одна глава закончена, началась другая. И жизнь слишком наполненная, чтобы беспокоиться об отсутствующем друге, выпавшем из круга общения. Но, может быть, теперь все будет иначе? Я листала список контактов в телефоне, пытаюсь найти его имя. Я должна сказать ему, что Кэйд в Сиэтле, что он все время жил у нас под носом.

– Есть, – чуть слышно выдохнула я, открывая контактную информацию. *Джеймс Китли*. Я нажала на кнопку «вызов».

– Вы позвонили в офис компании «Китли, Браун и Слоун», – ласково пропел мужской голос. Я удивилась, услышав живой голос в воскресный день.

– Да... Здравствуйте... Я звоню Джеймсу Китли, – запинаясь, сказала я. Секретарь на телефоне по выходным – у Джеймса точно большой бизнес. – Это очень важно.

– Как мне вас представить?

– Кайли Крэйн.

– Прошу прощения, – ответил мужчина после короткого ожидания, – мистер Китли занят.

– Нет, вы не понимаете. Пожалуйста, скажите *мистеру Китли*, что это

очень срочно. Мне необходимо поговорить с ним немедленно, по телефону или лично. Ваш офис недалеко от торгового центра Уэстлейк, верно? Я заеду.

– Боюсь, что это невозможно, – ответил секретарь. – Обычно мы по выходным закрыты. Мистер Китли не участвует ни в каких встречах. Я передам ему, что вы звонили.

Воскресенье или нет, но Джеймс у себя в офисе, и меня не остановить. Я нажала кнопку «отбой» и сразу же остановила такси.

– Пожалуйста, отвезите меня на угол Четвертой и Пайк-билдинг, – сказала я водителю.

Порыв ветра швырнул волосы мне в глаза, когда я пыталась открыть тяжелую латунную дверь. Я обрадовалась, увидев, что за стойкой секьюрити никого нет, прошла к лифту, поднялась на седьмой этаж. Налево располагались помещения юридической фирмы, я повернула направо. В конце коридора на золотой табличке на двери было указано имя Джеймса. Я глубоко вдохнула и вошла.

– Я пришла, чтобы увидеть Джеймса, – сообщила я, проходя мимо секретаря и углубляясь в лабиринт пустых ячеек открытого рабочего пространства.

– Подождите, вы должны... – начал было мужчина за стойкой. Он был в костюме, на шее кобальтово-синий галстук-бабочка, на носу очки в темной оправе, явно для стиля, а не для улучшения зрения.

Я увидела кабинет Джеймса и вошла. Переступая порог, я откашлялась.

Его глаза расширились, когда он поднял их от экрана компьютера.

– Кайли? – Его голос был именно таким, каким я его помнила: напористым, резким, с такими же нотками, как у спортивного комментатора-весельчака, умеющего сглаживать неудобные моменты. – Что происходит?

– Привет, – поздоровалась я. На висках Джеймса проступила седина. Он постарел больше, чем я ожидала.

– Давненько не виделись. – Джеймс встал и взмахом руки отправил прочь парня-секретаря, мявшегося в дверях, словно щенок питбуля. Джеймс неловко сцепил руки, как будто не знал, что с ними делать.

Его кабинет как будто сошел со страниц последнего номера журнала интерьеров: письменный стол из железа и восстановленного дерева, рабочее вращающееся кресло, почти как в космическом корабле. Я бросила взгляд на фотографии на стене, все в одинаковых черных рамках: дети, большая счастливая семья позирует босиком у пальм на пляже, вероятно,

на Гавайях. Джеймс с музыкантами из «Стихия Рекордс» на шоу. А вот снимок, на котором он и Алексис стоят на палубе яхты. И ни одной фотографии Кэйда.

– Ты хорошо выглядишь, Кайли, годы были...

– Я его нашла, – выпалила я, совершенно не заинтересованная в светской беседе. Не сейчас.

– Что ты сделала?

– Я нашла Кэйда.

– Что ты имеешь в виду?

– Он в Сиэтле, под самым носом у нас.

– Ну я, очевидно, был не в курсе того, что он потерялся. – Джеймс покачал головой, натянуто улыбаясь.

Я села.

– Поначалу я тоже этого не понимала. Но когда он ушел и не вернулся, меня не оставляла мысль о том, что с ним могло что-то случиться. Думаю, я всегда это подозревала. Джеймс, с ним действительно что-то произошло. Кэйд живет на улице. Он бездомный.

– Бездомный?

Я значительно кивнула.

– Вчера вечером я увидела его возле «Ле Марше», но не была до конца уверена, что это он. Но этим утром я решила пойти в центр города и попытаться найти его. И я его нашла. Я видела его возле торгового центра Уэстлейк. Джеймс, он выглядит ужасно. В лохмотьях. – Я шумно выдохнула. – И я не уверена, что Кэйд понимает, кто он такой.

Джеймс снова сцепил пальцы.

– Ты уверена, что это был он?

– Абсолютно уверена.

– Возможно, это был кто-то, похожий на Кэйда.

– Нет, – отрезала я и подняла рукав, чтобы показать мою татуировку. – Мужчина в приюте для бездомных узнал ее. Это Кэйд, Джеймс, это действительно он.

У меня за спиной скрипнула дверь. Я обернулась.

– О, привет, дорогой.

Алексис с ребенком на бедре была именно такой, какой я ее помнила: темные вьющиеся волосы, большие, широко расставленные глаза. После исчезновения Кэйда она много раз звонила, чтобы узнать, как у меня дела, приглашала на ланч или на кофе. Я ценила ее заботу, но рана была еще слишком свежей, чтобы обсуждать прошлое. А потом я переехала в Нью-Йорк.

– Привет, Алексис, – поздоровалась я.

– Кайли! – воскликнула она, бросаясь ко мне и обнимая одной рукой. Белокурый малыш улыбнулся, когда мать посадила его повыше на своем бедре. Алексис бросила быстрый взгляд на Джеймса. – Давно не виделись. Замечательно выглядишь!

– Ты тоже, – ответила я, хотя заметила мешки у нее под глазами. Возраст сказывался, или, возможно, это был стресс материнства.

– Дорогая, Кайли пришла потому, что уверена: она видела Кэйда в центре города, – объяснил Джеймс, приподняв одну бровь.

Алексис была поражена:

– Ты шутишь?

Они обменялись понимающими взглядами, потом она снова взглянула на меня.

– Кэйд вернулся? Это... замечательно. – Алексис снова посмотрела на мужа, потом опять на меня. – Ну и как он?

– Не слишком хорошо, – сказала я. – Я как раз говорила Джеймсу, что Кэйд живет на улице. С ним что-то случилось.

– Это ужасно. – Алексис была шокирована. – Джеймс, мы можем как-то помочь ему?

Он вздохнул и провел рукой по волосам. Я попыталась вспомнить прежнюю Алексис из девяностых, но картинка, поднимавшаяся из глубины сознания, была неполной и расплывчатой. Разумеется, она всегда была рядом, работала вместе с Кэйдом на всех вечеринках, на всех концертах. И все же было в ней что-то незапоминающееся, что-то неопределенное. Я смотрела, как она нежно укачивает на руках сына, и гадала, счастлива ли Алексис, действительно ли материнство было тем путем, который она осознанно выбрала для себя. Малыш агукнул мне, и я отвернулась, почувствовав, как защемило сердце.

– Прошло много лет, – продолжала Алексис, – но никогда не поздно вернуться домой. Должно быть, ему не понравилась новая жизнь, которую он начал в другом месте. Кэйд всегда говорил о Франции, помнишь, Кайли?

Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза. Мы говорили о Франции, особенно о том маленьком прибрежном городке в Нормандии, в котором я побывала однажды в детстве с бабушкой и дедушкой. Странное совпадение, но Кэйд тоже побывал там тем же летом со своей тетей. Мы смеялись над тем, что, возможно, видели друг друга в поезде. Когда Кэйд исчез, мне пришло в голову, что он мог уехать во Францию. Одна только мысль об этом пронзала болью мое сердце.

Джеймс развернул кресло так, чтобы сидеть лицом к окну. Странно

было видеть, как меняет человека жизнь. Когда-то основатель музыкальной фирмы в кедах и джинсах, Джеймс стал одним из толпы. Бизнесмен в офисном здании сидит в крутящемся кресле.

– Кэйд там. – Я посмотрела на Сиэтл за окном во всей его серой красе. – Прямо сейчас.

Спустя мгновение Джеймс снова повернулся к нам и кивнул, словно врач, который все обдумал и готов произнести диагноз:

– Алексис всегда была сентиментальной, а ты, Кайли, когда-то витала в облаках. Но теперь я вижу твои статьи на деловой странице. Ты присоединилась к реальному миру. А если мы говорим о Кэйде, то реальность такова: это его жизнь, а не наша. Если он хочет жить на улице, то это его право.

Я вскинула голову.

– Джеймс, никто не живет на улице по своей воле. С ним что-то произошло, я знаю это. Ему плохо. Он нуждается в помощи.

Джеймс покачал головой.

– Кайли, я много помогал Кэйду в свое время. Ты же помнишь, как тогда обстояли дела. Ты помнишь, как все было плохо.

Я не хотела вспоминать, но вспомнила. Джеймс высказывал Кэйду обвинения. Ситуация вышла из-под контроля. Я поддерживала Кэйда, пока... Пока могла. И даже тогда я сомневалась: а права ли я? Думала, может, неправильно оценила ситуацию. Возможно, если бы я осталась еще на один час, поговорила бы еще раз с Кэйдом, то жизнь была бы иной для меня, для Кэйда, для всех нас.

– Теперь я не обязан ему помогать, – закончил Джеймс.

Алексис подошла ближе к мужу:

– Но, Джеймс...

– Для меня все изменилось, – продолжал он, не глядя на жену. – У меня новый бизнес, которым надо заниматься, семья... – он указал на жену, – о которой надо думать. А что, если Кэйд принимает наркотики?

– Джеймс! – ахнула я.

Его глаза сузились.

– Он многое скрывал от нас, – сказал Джеймс, – и многое скрывал от тебя.

Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза.

– Думаю, мы оба это знаем, – добавил он.

Я попыталась поймать взгляд Джеймса. В нем не было даже следа от той любви, той привязанности, той верности, которая когда-то связывала его с Кэйдом. Все это износилось и умерло с годами или вообще никогда не

существовало?

– Но, Джеймс, – я почти умоляла его, – он же был твоим лучшим другом.

Он встал.

– В детстве – да. – Джеймс поправил воротничок своей оксфордской сорочки, чьи рукава украшали золотые запонки. – Но с тех пор я вырос. А Кэйд, очевидно, нет.

Алексис с сочувствием посмотрела на меня, когда Джеймс подошел к ней и взял ребенка на руки.

– Мне жаль, Кайли, – сказал он, целуя сына в лоб. – Мы тебе сочувствуем, и я надеюсь, что ты сумеешь оказать ему необходимую помощь. Каждый из нас делает свой выбор. Кэйд свой сделал.

– Ну что ж... – Я направилась к двери.

Чем ниже спускался лифт, тем тяжелее становилось у меня на сердце.

Если Кэйда надо спасать, то делать это придется только мне.

Я пешком вернулась к торговому центру Уэстлейк и села на скамейку, тупо глядя на прохожих. Мимо прошмыгнул мальчишка с желтым шариком, за ним прошла его мать. Пожилая седовласая пара, держась за руки, медленно прогуливалась по брусчатке.

Я вынула телефон из сумочки и набрала номер бабушки. Она однажды встречалась с Кэйдом, когда они с дедом прилетали в Сиэтл ко мне в гости. Тогда они друг другу понравились.

– Выходи за него, – шепнула мне бабушка после нашего совместного ужина в «Космической игле», где дедушка в последний раз побывал в 1960-х годах во время Всемирной ярмарки. Я была благодарна судьбе за то, что дед успел увидеть здание еще раз до сердечного приступа и познакомиться с Кэйдом.

– Ох, дорогая, я по тебе скучала, – сказала бабушка. Она всегда казалась мне молодой. Когда я училась в школе, ее часто считали матерью, поздно родившей ребенка. Люди редко принимали ее за мою бабушку. Но теперь ее голос звучал слабо и неуверенно, и это меня беспокоило.

– Бабушка, – прошептала я, не в силах сдержать подступившие слезы.

– Что случилось, милая? – нежно спросила она. И я сразу почувствовала себя одиннадцатилетней девочкой, которая снова оказалась в старом деревянном доме в Айове. Вот я лежу на животе в той самой комнате, где росла моя мама, на старом красно-голубом стеганом одеяле с петельками из мягкой белой шерсти по углам. Бабушка похлопывает меня по спине, а я чувствую соленые слезы, текущие по моим веснушчатым

щекам к уголкам рта. В кухне печется шоколадное печенье, в воздухе витает успокаивающий аромат масла и сахара.

– Я встретила Кэйда, – сказала я.

– Твой бывший бойфренд? Я думала, он...

– Исчез? Уехал из страны? Я тоже так думала. Но он здесь, бабушка. Он в Сиэтле. И он... бездомный. Я видела его вчера и сегодня, бородатого, исхудавшего.

– Батюшки мои! – ахнула она.

– И его лучший друг ему не хочет помогать, – продолжала я. – Я пошла просто посмотреть на него. – Я смахнула слезу. – Бабушка, как мне быть? Я скоро выхожу замуж. Как мне справиться со всем этим?

Бабушка какое-то время молчала, как делала всегда, собираясь с мыслями, чтобы сказать что-нибудь мудрое.

– Кэйд едва узнал меня, – призналась я. – Он сам на себя не похож. Должно быть, с ним что-то случилось. Что-то ужасное. Я точно знаю.

– Но он в городе, – сказала бабушка. – Твой парень в городе.

Я покачала головой. Я знала, что ее память за последние годы существенно ухудшилась. Возможно, она просто забыла, что я помолвлена с Райаном.

– Бабушка, Кэйд больше не мой парень. Мой парень *Райан*. Я выхожу замуж за Райана. Кэйд ушел так давно. И я так и не узнала почему. Я оплакала его и стала жить дальше. Я справилась со своей болью.

Бабушку отделяли от меня тысячи миль, но перед моим мысленным взором стояло ее лицо: мягкое, только что напудренное, с добрыми пастельно-голубыми глазами, от кожи пахнет розовым мылом.

Она молчала, словно обдумывая мои слова и вспоминая человека, женой которого я обещала стать в тот момент, когда дверь в прошлое была закрыта и жизнь стала проще.

– Я не представляю, как мне следует поступить.

– Возможно, сейчас ты этого не знаешь, но со временем поймешь, – сказала бабушка.

– Что ты имеешь в виду?

– Сердце подскажет тебе, дорогая.

– Думаешь? – спросила я, обескураженная.

– В незнании нет ничего плохого, – продолжала она. – Просто у тебя нелегкий путь.

– Я люблю Райана. Я правда люблю его, бабушка. Я хочу выйти за него замуж. Я хочу, чтобы мы жили вместе.

– Да, и, вполне вероятно, ты это получишь. Но сначала ты должна

разобраться со своим прошлым, а для этого тебе придется встретиться с ним лицом к лицу.

– Ты права, – согласилась я.

– Дорогая моя, – добавила бабушка, – не имеет значения, что случилось или случится, ясно одно.

– Что?

– Ты говорила мне, что Кэйд однажды спас тебе жизнь.

– Да, – пробормотала я. Ее слова пронзили мое сердце, как игла, которая не только приносит боль, но и исцеляет.

– Теперь твоя очередь спасти его.

Глава 8

21 июня 1996 года

– Это тебе, – объявил Кэйд, стоя на пороге моей квартиры.

– Они прекрасны, – выдохнула я, принимая огромный букет с рынка на Пайк-плейс. Тюльпаны, гортензии и левкои были завернуты в белую бумагу. Я уткнулась носом в цветок оттенка лаванды, напомнивший мне о доме. Левкои всегда были любимыми бабушкиными цветами, в ее саду всегда росли белые и розовые сорта. Теплым летним утром их нежный аромат вплывал в окно моей спальни.

– Красивая квартира, – оценил Кэйд, оглядываясь по сторонам.

– Она слишком маленькая, – ответила я. – Но отсюда великолепный вид, и Трэйси отличная соседка. У нас обеих сверхъестественное чутье, и мы сразу понимаем, когда другому необходимо личное пространство. Сегодня она у своего бойфренда.

Я улыбнулась.

– Есть хочешь?

– Просто умираю с голоду, – признался Кэйд.

– Это хорошо. – Я бросила взгляд на настенные часы. – Ужин будет готов примерно в пять минут восьмого. Надеюсь, ты продержишься до этого времени.

Кэйд весело улыбнулся.

– В чем дело?

– Мне нравится то, как ты говоришь.

– То, как я говорю?

Его улыбка стала еще шире.

– Пять минут восьмого. Никто никогда так не говорит.

– О! – Я тоже улыбнулась. – Когда тебя воспитывают бабушка и дедушка, то именно так ты и говоришь. Мы обязательно ужинали по расписанию, и у нас в комнате стоял диван-кровать. – Я рассмеялась. – Я могу продолжать бесконечно.

– Забавно, – заметил Кэйд.

– Ну, – я заглянула в духовку, – это не так забавно, когда в шестом классе на игровой площадке ты произносишь: «Какой вздор!» – и потом вся школа до конца учебного года над тобой потешается.

У Кэйда на лице появилось удивленное выражение:

– «Какой вздор!», значит?

– Ага.

Он снял куртку, повесил ее на крючок возле двери и уселся на стул. Я взяла несколько листочков базилика из холодильника и вдруг почувствовала, что совершенно не готова к приходу гостя. Что, если я пересолила мясо? И не слишком ли вялым был салат?

Я сообразила, что забыла налить нам вина, и взяла бутылку бордо.

– Не знаю наверняка, насколько оно качественное. Мне его подарили.

Кэйд внимательно изучил этикетку:

– Думаю, мы сейчас это выясним.

Я нашла штопор и постаралась как можно аккуратнее ввернуть его в пробку. Но стоило мне потянуть штопор вверх, как пробка треснула и сломалась.

– Проклятье! – зашипела я, делая шаг назад. – По-моему, я все испортила.

– Сейчас мы это исправим, – успокоил меня Кэйд. – Зубочистка у тебя найдется?

– Зубочистка?

– Да. Моя тетя научила меня одному фокусу, который помогает при любых неудачах с винными пробками.

Я улыбнулась, порылась в ящике со столовыми приборами и нашла баночку с зубочистками, оставшимися после провалившейся попытки Трэйси приготовить мясные мини-шарики на шпажках для вечеринки в прошлом месяце. Я протянула зубочистки Кэйду.

– Отлично, – одобрил он, принимаясь за работу. – Вот смотри, как это делается: пока пробка еще в бутылке, втыкаешь в нее зубочистку под углом сорок пять градусов. – Руки Кэйда двигались ловко и уверенно. – Очень осторожно вытаскиваешь пробку и... – он вытащил абсолютно не раскрошившуюся пробку из бутылки, – вуаля!

– Потрясающе. – Я улыбнулась, налила два бокала и передала один ему.

Кэйд поднес бокал к уху.

– Это хорошее вино.

– Ты его слушаешь? – уточнила я, несколько сконфуженная.

– Точно, – ответил он. – Я ничего не знаю о вине. Но один из моих друзей, который работает в этой отрасли, объяснил мне, что хорошее вино, особенно французское красное, будет немного потрескивать после того, как его налили в бокал.

Я поднесла бокал к уху и улыбнулась.

– А знаешь, я действительно слышу треск, – сказала я. – Никогда в

жизни ни о чем подобном не слышала.

– Хруст, треск, щелканье... «Гренаш-блан».

– Ты забавный.

Кэйд подмигнул:

– Держись меня, детка, и будешь хохотать так, что живот надорвешь.

Я усмехнулась, достала из шкафчика две обеденные тарелки. Одна моя часть думала: «Кто этот парень или, если говорить точнее, за кого он себя принимает?» А другая часть гадала: где он был всю мою жизнь?

Кэйд сделал глоток вина и подошел к окну.

– Мне никогда не надоедает смотреть на паромы, – призналась я. – Знаешь, у каждого из них свой характер.

Он повернулся ко мне:

– В самом деле?

– Да. – Я указала на посудину, плывшую со скоростью улитки. – Это «Берта». Она любит командовать.

Кэйд фыркнул.

– Неужели?

– «Мэйв» – лапочка, – продолжала я, прищуриваясь, чтобы рассмотреть еще один паром вдалеке. – А вот «Элино» просто нахалка.

Кэйд посмотрел на меня так, как будто я сказала что-то странное или очень смешное или то и другое одновременно.

Мне захотелось признаться ему в своих пристрастиях.

– Я люблю Пьюджет-Саунд, соленую воду, чаек, острова.

– Я тоже, – ответил Кэйд. – Не знаю, смог ли я быть счастливым без моря.

– И я тоже.

– Давай как-нибудь съездим на остров.

– А ты хочешь?

– Конечно, – сказал Кэйд. – Давай устроим путешествие. Паром, пляж, ужин, все такое.

– Ладно. – Я улыбнулась и снова наполнила наши бокалы. Потом включила радио. Играла какая-то неизвестная мне группа.

Кэйд округлил глаза.

– Soulstreet Underground^[26], – сказал он. – Мы подписали с ними контракт два года назад. Они оказались самыми трудными для работы среди всех, с кем мы имели дело.

Он потер лоб.

– Почему?

– Автобус для тура оказался недостаточно вместительным. Их альбом пришлось ставить в ротацию одиннадцать тысяч раз, чтобы все

получилось. Фронтмен отказывался петь, если перед концертом в гримерку ему не ставили особую бутилированную воду из Франции. Ну и все в таком роде.

Я покачала головой:

– Ты серьезно?

Он пожал плечами:

– Это плохо. Но потом мы выяснили, что кое-кто из «Субботнего вечера в прямом эфире» фанат этой группы. И мы уже были близки к тому, чтобы группу выпустили в эфир на одном из шоу весной. Но тут фронтмен заявил, что ненавидит это шоу, поэтому ничего не получилось.

Я всплеснула руками:

– Кто может ненавидеть «Субботний вечер в прямом эфире»?

– Вот именно. В любом случае в музыкальном бизнесе полно таких личностей, – продолжал Кэйд. – Такое я не люблю. Меня привлекает музыка, а не скандалы.

Он отпил большой глоток вина.

– Как правило, всей этой суетой занимается Джеймс. Он более спокоен.

– То есть ты ищешь таланты, а он ими занимается?

– Полагаю, можно сказать и так, – согласился Кэйд. – Когда-нибудь я тебя с ним познакомлю.

– Я была бы рада, – улыбнулась я, и в ту же секунду запищал сигнал – датчик дыма на потолке. Я метнулась к духовке, из дверцы которой вырывался дымок. – О нет!

Кэйд подпрыгнул и попытался отключить датчик, но ему это не удалось, датчик продолжал громко пищать.

– Проклятье, эта штука не отключается.

– Можешь ее заткнуть? – попросила я, взяла рукавицу и вытащила превратившийся в угли ужин.

– Ты серьезно? – со смехом спросил Кэйд.

– Сделай хоть что-нибудь, чтобы этот писк прекратился. – Я открыла окно, чтобы хоть немного разогнать дым.

– Ладно, как скажешь. – Одним движением Кэйд вырвал датчик дыма из потолка, так что остались только свисающие оттуда провода. Мы переглянулись и захохотали.

– Прости, – извинилась я.

– И при этом ты называешь себя кулинаром, – пошутил он.

– Должно было получиться вкусно, – попыталась оправдаться я. – Это были баклажаны.

Кэйд закрыл глаза и с серьезным видом прижал руку к груди:
– Не мучай меня рассказами о том, что это должно было быть.
Датчик дыма, лежавший на кухонном столе, вдруг пискнул.
– Я думал, мы его доконали, – удивился Кэйд.
Мы оба склонились над датчиком, который вел себя так, будто у него был мозг.
– В нем даже батарейки нет, – заметила я.
Кэйд кивнул:
– Должно быть, это пришелец.
Датчик пискнул снова, и мы оба засмеялись.
– Может быть, это из той серии, когда кто-то теряет конечность, но продолжает чувствовать боль.
– Фантомные боли, – вспомнил Кэйд.
– Фантомный писк, – кивнула я.
Он фыркнул:
– Ты смешная.
– Как бы нам от него избавиться?
Кэйд огляделся по сторонам.
– Мы можем засунуть его под диванные подушки.
– Или вынести в коридор, – предложила я.
Мы снова рассмеялись. Я помолчала, сожалея о неудавшемся ужине, потом покачала головой.
– Поверь, я действительно умею готовить.
Он оглядел сгоревшие баклажаны на противне.
– Конечно же, умеешь, – насмешливо сказал Кэйд и взял меня за руку. – А сейчас давай просто пойдем в тайский ресторан.
– Согласна, – со смехом ответила я.
Пока я надевала свитер и искала сумочку, Кэйд накинул куртку и взял попискивающий датчик дыма.
– Мы найдем для тебя отличный дом, дружок, – приговаривал он. – И этот дом называется мусорным баком.

Двадцать минут спустя мы уже сидели за угловым столиком в тайском ресторане в двух кварталах от моего дома и усердно работали вилками.
– Ты когда-нибудь задумывалась о том, что сказали бы твои родители о тебе сейчас, когда ты стала взрослой? – спросил Кэйд.
– Да, – ответила я, в третий раз пытаюсь накрутить на вилку непокорную лапшу. – Я думала о том, гордились бы они мной или нет.
– Я тоже об этом думал, – признался он. – Мне же почти тридцать, но в

каком-то смысле я все еще чувствую себя ребенком, который ждет одобрения родителей.

Я кивнула:

– Я тоже все еще чувствую себя ребенком.

– Думаешь, так будет всегда?

– Не знаю. Возможно. Может быть, некоторые люди всю жизнь остаются в душе детьми.

– Надеюсь, я из их числа.

– По-моему, так и есть, – сказала я, наблюдая за парочкой тинейджеров, проходящих мимо по тротуару. Девушка остановилась, чтобы ее парень зажег ей сигарету. Она глубоко затянулась, перебросила волосы через плечо так, как это делает каждая девушка, когда ей шестнадцать.

– Ты когда-нибудь курил? – спросила я.

– Не-а, – ответил он. – Но я пробовал. Разве мы все этого не делали?

Я усмехнулась:

– Первый раз я выкурила...

Кэйд удержал меня за руку.

– Подожди, дай я угадаю...

– Гвоздичную сигарету, – выпалили мы хором и расхохотались.

Он потянулся еще за одним спринг-роллом, и вдруг его глаза стали серьезными.

– Забавно думать, что наши родители делали все то же самое. Курили гвоздичные сигареты. Попадали в неприятности. Чувствовали себя потерянными.

– Ага, – согласилась я. – Разве не это великое открытие взросления?

Кэйд кивнул:

– Вот именно. Наши родители об этом не думали, и мы не думаем. Может быть, никто об этом не думает.

– Согласна. Я до сих пор не могу поверить, что мои статьи появляются в газете.

Он усмехнулся:

– И кто бы мог подумать, что мальчишка, отказавшийся учиться играть на фортепиано и с трудом подбирающий несколько нот на бас-гитаре, окажется во главе продюсерской компании?

– Родители гордились бы тобой, – уверенно сказала я, – очень бы гордились.

Кэйд отвел глаза, и я подумала, что мои слова коснулись его сердца. Он на мгновение поджал губы, потом снова посмотрел на меня:

– Как познакомились твои родители?

– Они встретились в Биг-Суре, – сказала я.

– В Биг-Суре?

– Ну да, они же были хиппи. Мама и ее лучшая подруга ехали по автострате номер один в автобусе «Фольксваген», а отец с приятелем голосовали на дороге.

– Не может быть! – воскликнул Кэйд.

– Они сразу же влюбились друг в друга и провели уик-энд в Биг-Суре в каком-то палаточном лагере с видом на океан. Для меня эта история всегда казалась волшебной, во всяком случае, в том варианте, в каком я слышала ее от бабушки.

– Я там никогда не бывал, – сказал Кэйд.

– А мне всегда хотелось туда поехать, – призналась я, – чтобы пройти по следам любовной истории моих родителей.

Я на мгновение замолчала, вспоминая то, что рассказывала мне бабушка о чудесном времени в жизни моих родителей. Мама была красавицей с золотыми волосами, оливковой кожей и глазами цвета моря. Папа всегда был хорош собой, и особенно в 1971 году: сильные руки, теплая улыбка и темные волосы, завязанные сзади в конский хвост. Он поразил маму своей страстью к жизни, мечтами о будущем и игрой на гитаре. Судя по всему, он сыграл по просьбе мамы ее любимую песню Джоан Баэз и при этом знал все слова.

– Они были родственными душами, – продолжала я с легкой завистью. – Если ты веришь в подобные вещи.

Кэйд пожал плечами.

– Не знаю, верю ли я, – сказал он. – То есть я хочу верить, что в жизни каждого человека обязательно бывает одна настоящая любовь, когда он встречается того, кто его дополняет. – Он покачал головой. – Но так ли это на самом деле?

– Тебе когда-нибудь разбивали сердце? – спросила я, не отвечая на его вопрос.

– Да, – просто ответил он.

Я не стала расспрашивать его, но мне стало интересно, какая девушка бросила его. Была ли она красива? Была ли она из мира музыки? Или она до сих пор присутствует в его жизни? И хотя я сама оплакивала потерянную любовь в колледже куда дольше, чем в этом признавалась, едва ли я могла бы сказать, что мне разбили сердце в общепринятом смысле этого выражения. Да, мне было больно. Но сердце мое не разбилось по-настоящему.

– Что ты носишь в этом медальоне? – спросил Кэйд, пока официантка

доливала воду в наши стаканы.

Я мгновенно поднесла руку к шее и посмотрела на крошечное украшение, которое носила все эти годы. Я так редко его открывала, что, честно говоря, не могла вспомнить, когда же я это делала в последний раз. Но мне показалось совершенно естественным сделать это перед Кэйдом, поэтому я нажала на замочек. Медальон раскрылся, и крошечный кусочек раковины оттенка молочного нефрита упал мне на ладонь. Я протянула его Кэиду.

– Дедушка нашел эту раковину на пляже в Нормандии во время войны, – объяснила я. – Раковина разбилась, но я всегда ношу с собой ее маленький осколок на счастье.

– Мне нравится. – Глаза Кэйда сверкнули. – Я был в Нормандии.

– Правда?

Он кивнул:

– Моя мама всегда хотела увидеть север Франции. Ей так и не удалось там побывать, поэтому моя тетя повезла туда меня. И хотя ей это было не по карману, она взяла кредит, и мы полетели в Париж.

Кэйд надолго замолчал.

– А потом я увидел, как она плачет на берегу. – Он вздохнул.

– Ты возвращался туда?

– Нет. С тех пор я там не бывал. Но мне бы хотелось поехать. – Кэйд улыбнулся. – Может быть, мы сможем съездить туда вместе и найти для тебя еще одну раковину.

От этих слов мне стало тепло на душе.

– Как ты согласишься на то, чтобы мы заключили с тобой соглашение? – продолжал Кэйд. – Мы поедем туда вместе ради воспоминаний. – Он легко коснулся моей руки. – Что скажешь?

– Я скажу «да».

Глава 9

16 ноября 2008 года

– Привет, – сказала я Райану, кладя ключи на кухонный столик.
– Привет, – откликнулся он и поцеловал меня в щеку. – Как продвигается твое расследование?

– Хорошо, – рассеянно ответила я.

– Просвети меня. Расскажи мне что-нибудь о нашем городе, чего я еще не знаю. Чтобы я удивился.

– Я это сделаю за ужином, обещаю. Сейчас мои мысли в полном беспорядке. – Я не солгала.

Райан долго смотрел на меня. Я избегала его взгляда.

– Надеюсь, наши дети унаследуют твой нос, – сказал он. – Он чертовски милый.

Я прикусила губу.

– Райан, я не уверена, что я...

– Знаю, знаю. – Его улыбка растаяла. – Ты не знаешь, готова ли ты к созданию семьи. Я понял. Я буду терпелив. Обещаю.

Я кивнула, благодарная ему за то, что мы снова избежали разговора на эту тему. Я не была готова ее обсуждать. Пока не готова.

– Тебя что-то беспокоит, детка? – спросил Райан, словно был ясновидящим, и накрыл мою руку своей.

– Нет-нет.

Ложь.

– Надеюсь, вы с Трэйси не поссорились?

– Нет.

– Ты в каком-то стрессе, я же вижу. Тебя тревожит будущее? Или какое-то из интервью прошло неудачно? Я же могу тебе помочь. Могу сделать несколько звонков...

– Нет, дело не в этом, – сказала я. – Я просто потрясена, только и всего.

– Ладно. – Райан прижался ко мне теснее. – Я тебя понял и сделаю то, что тебе нужно.

– Знаешь, ты замечательный, – прошептала я, когда он легко поцеловал меня в шею. Он именно таким и был, этот мужчина, за которого я собиралась выйти замуж летом. Он замечательный во всех отношениях, и я почувствовала укол вины в сердце.

– Эй. – Райан потянулся к старой коробке из-под кед «Конверс»,

стоявшей рядом с баром. – Мои родители приедут нас навестить в следующие выходные, поэтому я решил, что стоит привести гостевую комнату в порядок. И нашел вот это.

Я взяла у него из рук коробку, наполненную старыми открытками и письмами, которые я хранила долгие годы. Я собиралась разобрать их и выбросить ненужное точно так же, как собиралась внимательно и не торопясь просмотреть журналы со свадебными платьями. На дне коробки нашлось черно-белое фото, которое я давно считала потерянным. Я вытащила снимок, и волосы на моих руках встали дыбом.

– Вау, – протянул Райан, заглядывая через мое плечо, – я знаю, что ты не любишь фотографироваться, но мне бы хотелось, чтобы у меня было больше твоих фотографий. Ты роскошно выглядишь. Давай увеличим этот снимок и вставим в рамку. И, возможно, даже стоит повесить его над...

– Нет, – быстро переворачивая фотографию, ответила я. – Не стоит, мне бы этого не хотелось.

– О! – В голосе Райана послышалась обида. – Почему нет? С точки зрения композиции снимок безупречен.

Я заморгала, вспоминая, как стояла на палубе парома, прислонившись к зеленому металлическому ограждению. Ветер дул сбоку, подхватывая мои волосы. И все же я улыбалась. Я не чувствовала холода, я не замечала ветра. Кэйд стоял передо мной, щелкая фотоаппаратом. Я снова посмотрела на Райана: на лице выражение ожидания, глаза полны любви.

Он заправил выбившуюся прядку моих волос за левое ухо.

– Тебя фотографировали в Сиэтле?

Я кивнула.

– Ты почти ничего не рассказываешь об этом времени в твоей жизни, – огорченно заметил Райан.

– У меня такое ощущение, что это было не со мной. – Я подчеркнуто пожала плечами.

– Кайли, – он смотрел прямо в мои глаза, – я хочу в это верить. Правда хочу. Но иногда, в такие моменты, как этот, я чувствую, что в твоём сердце есть уголок, к которому у меня нет доступа. – Райан сжал мою руку. – Скажи мне, чтопустишь меня в этот уголок. Потому что я...

– Я уже впустила тебя, – торопливо ответила я.

– Мне бы хотелось когда-нибудь познакомиться с этой девушкой с фотографии, – со вздохом произнес он и отправился на кухню, где принялся выгружать из посудомоечной машины стаканы и ставить их в шкафчик возле окна.

– Знаешь, Райан – редкий экземпляр, – сказала мне Трэйси, когда я

только начала встречаться с ним четыре года назад. – Аномалия в море мужчин.

Она была права. Никому из моих знакомых женщин мужья или бойфренды не помогают по дому, а Райан настаивал на том, чтобы самому менять постельное белье, складывать выстиранные вещи и не оставлять в мойке грязную посуду.

– Я подумал, что, когда родители приедут к нам на выходные, мы могли бы отвезти их в отель «Фэрмонт», показать им бальный зал, где у нас будет свадебный прием.

– Разумеется, – ответила я, думая о другом.

– Маме определенно понравится, – продолжал Райан. – Она спрашивала меня, какого там цвета стены. – Он понимающе улыбнулся мне. – Ты же знаешь, как она любит правильно подбирать цвета.

Я выдавила из себя улыбку:

– Тогда давай так и сделаем.

Иногда я завидовала Райану, у которого были любящие родители, интересовавшиеся жизнью своих детей. Хотя, если быть честной, то я завидую всем, у кого есть родители. Мне бы хотелось, чтобы родители Райана стали и моими родителями, когда мы поженимся. И все же в моих отношениях с будущими свекром и свекровью была какая-то натянутость. Беннет, отец Райана – банкир, проводивший почти все свободное время в загородном клубе, был достаточно милым. Но мне с трудом удавалось по-настоящему с ним общаться. Мать Райана, Мелинда, всегда появлялась с безупречным маникюром и прической, обязательно в невероятно дорогих дизайнерских нарядах, надеваемых только один раз на ланчи и премьеры, которыми было заполнено ее расписание. Дорогая женщина, в том смысле что не дешевая.

– Я знаю, что моих родителей порой бывает многовато, – добавил Райан, закрывая дверцу посудомоечной машины. – Но они приедут всего на несколько дней.

– Они всегда желанные гости в нашем доме, – заверила я его.

– Знаешь, родители тебя любят, – продолжал Райан. – Им всегда хотелось иметь дочь, а теперь они получают самую лучшую дочку на свете.

Я улыбнулась и достала с полки кастрюлю.

– Если помнишь, я обещала тебе ризотто. Ты голоден?

Райан пожал плечами:

– Не слишком. А ты?

– Не умираю с голода, но поесть все-таки стоит.

– Не стану возражать, – ответил он. – Ты же знаешь: что бы ты ни

приготовила, я проглочу все.

– Только если это не слишком острое, – с улыбкой добавила я, заметив бутылочку с соусом «Табаско» в холодильнике. Хотя обычно необходимость приготовить что-то в последнюю минуту доставляла мне удовольствие, в этот вечер готовить мне совсем не хотелось.

– Знаешь, что-то я устала, – вздохнула я. – Может закажем что-нибудь на дом?

– Согласен, – ответил Райан. – Индийские блюда? Тайские? Что-то другое?

– Тайские... Звучит замечательно, – тихонько сказала я.

Райан кивнул и взялся за телефон.

– Сейчас закажу.

Я стояла в кухне, и у меня разрывалось сердце. Я любила этого мужчину, за которого собиралась замуж. Мне нравилось, как он расставлял стаканы для воды на полке в шкафчике и не сомневался, что я выгляжу как богиня с взъерошенными от ветра волосами, хотя я никогда себя не считала красавицей. Мне нравилось то, как он целовал меня по утрам и на ночь. Больше всего я любила то, как он любил меня, любил ни за что и во всех проявлениях.

В порыве вдохновения я включила духовку. *Корица. Аромат счастливого дома.* Я могу испечь для Райана рулетики для завтрака, и мы начнем все сначала. Я покажу ему, что обожаю его каждый день.

Вдруг запищал сигнал пожарной тревоги. Пару дней назад я собиралась отмыть духовку от оставшихся капель жира, но забыла об этом, и теперь мой план рухнул.

Райан вскочил.

– Я займусь этим. – Он потянулся к датчику дыма на потолке. – Готово, – объявил он, вытащив батарейки.

Я отключила нагрев, открыла кухонное окно, чтобы проветрить, и сразу снова оказалась в крошечной квартирке с видом на бухту Эллиотт. Рядом со мной стоял Кэйд. Тогда я сожгла наш ужин, и мы хохотали над писком датчика дыма, который, казалось, жил своей жизнью.

Но Кэйд ушел так давно. Он бросил меня, и я так и не поняла почему. А теперь со мной Райан. Он рядом и любит меня.

Резким движением я притянула его к себе. Прошлый вечер и утро этого дня были слишком напряженными. Да, я действительно хотела помочь Кэйду. Я хотела узнать, что с ним произошло. Но время не останавливается, и где-то по пути я должна была начать жить заново, и я сделала это. Сейчас я принадлежу Райану, а он принадлежит мне. Я снова и

снова повторяла себе эти слова, пока они не отпечатались в моем сердце. Я принадлежу Райану, а он принадлежит мне.

– Знаешь, я люблю тебя, – шепнула я ему на ухо.

Он поцеловал меня, и я ощутила знакомое желание во всем теле.

– Отнеси меня наверх, – попросила я, проводя рукой по его груди. – Ты мне нужен.

Райан подхватил меня на руки.

На другое утро, когда я открыла глаза, я увидела Райана, который был уже одет и сидел возле меня на кровати. На нем был голубой галстук, подаренный мной ему в прошлом месяце.

– Доброе утро, – сказал он, легко касаясь моего плеча. У меня по коже побежали мурашки, и я притянула его к себе.

– Не могу, – шепнул Райан, – я опоздаю на поезд.

– Ну да, верно. – Я совершенно забыла о его деловой поездке в Портленд. Именно это дело попадало в зону «без обсуждений», которую мы установили вокруг потенциального конфликта интересов. Для продвижения реконструкции площади Пионеров в Сиэтле Райан предполагал заключить партнерское соглашение с фирмой из Портленда, которая занималась реконструкцией Судебной площади в этом городе. Его успех означал перенос приюта для бездомных и разочарование – личное и профессиональное – для меня.

– Этому этапу проекта я должен посвятить два рабочих дня, – объяснил Райан. – Восьмая студия новостного канала «Кей-Джи-Дабл Ю» должна открыться на площади в следующем году. А это – возможность развивать поддерживающий бизнес вокруг и привлечь освещение прессы. Наша группа активна в обоих городах, но в Портленде мы продвинулись намного дальше. Чтобы обеспечить надежное финансирование, наши инвесторы были вынуждены пойти на перекрестное обеспечение займа под сделку в Сиэтле и займа под сделку в Портленде. Это рискованно: если одна стройка пойдет ко дну, а другая не наберет обороты, то провалятся обе. Но все же это лучший способ сбалансировать риски. Если я смогу договориться об окончательных условиях, то завтра вечером уже буду дома.

Я кивнула и сонно натянула одеяло до самого подбородка.

– Удачи, – пожелала я, пытаясь выразить поддержку. Я знала, насколько важна для Райана эта сделка, даже если мне ее успех ничего хорошего не сулил.

– Спасибо, детка. – Он легко поцеловал меня в губы. – Вечером позвоню тебе из гостиницы.

Райан подхватил чемодан, и я услышала, как он спустился по лестнице, вышел в прихожую, открыл дверь, а потом закрыл ее за собой. В замке повернулся ключ, и я почувствовала себя в безопасности, любимой и окруженной заботой, – все сразу.

Я уставилась в потолок. Перед моим мысленным взором появилось лицо Кэйда, грязное, заросшее бородой. Провалившиеся глаза, заостренные скулы. Я услышала голос бабушки, ее слова эхом отдавались в моей голове. *Кэйд спас тебе жизнь. Теперь твоя очередь спасти его.*

Я снова и снова прокручивала ее слова, потом взяла телефон и набрала номер редактора.

– Джен, это Кайли, – сказала я.

– Я только что закончила разговор с Мелиссой из миссии «Евангелие надежды». Она говорит, что пожертвования текут рекой. Реакция на твою первую статью просто невероятная. Около тысячи читателей оставили отклики «за» и «против» онлайн, развернулось горячее обсуждение судьбы площади Пионеров. Такая активность приводит рекламодателей в восторг. Теперь нужно не сбавлять темп, следующая статья должна ударить еще сильнее...

Этого момента я давно ждала, но теперь едва слушала Джен.

– Мне нужен один свободный день, – прервала я ее.

– Ты слышала меня, Кайли? Нам необходима следующая статья. Можешь показать мне сырой материал?

– Кое-что произошло. – Я сделала глубокий вдох. – И мне надо с этим разобраться.

– Ладно. – Голос Джен мгновенно смягчился, в нем появились заботливые нотки. – Надеюсь, ты не заболела?

– Нет, – ответила я. – Мне просто... нужен один день.

Я припарковала машину на улице перед рестораном «Ле Марше» и вышла. Еще не было десяти часов, и я была рада, что из-за облаков выглянуло солнце. Оглядев тротуар и заглянув в ближайший переулок, как я делала это накануне, – Кэйда там не оказалось, – я решила зайти в «Старбакс», чтобы выпить американо, и уже потом отправиться на поиски.

Очередь оказалась длинной. Люди выстроились вдоль стойки с выпечкой. Две женщины передо мной были похожи на секретарш, вышедших купить кофе для своего босса. Одна из них перебросила через плечо блестящие черные волосы и сказала, что в банановом хлебе невероятное количество калорий. Ее подруга что-то ответила, и они засмеялись.

В двадцать лет жизнь намного проще, особенно если речь идет о любви. Ты знакомишься с людьми, выбираешь их, они выбирают тебя. Вместе вам по силам завоевать мир, переехать в Париж, завести ораву ребятишек или стать фермерами и начать выращивать овощи. Все то, о чем ты писала в дневнике и о чем мечтала, ты проживаешь в ярких, сверкающих красках. Жизнь принадлежит тебе, ты берешь ее за рога и живешь. И вот вы вместе. Ты без остатка посвящаешь свою жизнь кому-то, а все остальное – уже история.

Но когда это не срабатывает, когда у истории несчастливый конец, как это случилось со мной в двадцать с небольшим, в твоем сердце что-то меняется. Ты превращаешься из девушки с дневником и мечтами в девушку, для которой главное – работа, чья страсть к социальной справедливости становится основой для газетных статей. Тебе тридцать или тридцать пять, и тебе давно ясно, что облаков куда больше, чем радуг, и что ты можешь положиться только на саму себя. Мечта умерла. Ты потеряла дневник. Нет, ты сожгла его.

А потом ты встречаешь мужчину, который ничем и ни в чем не похож на твоего бывшего, и раздумываешь, сможешь ли полюбить его так, как любила много лет назад. Ты не уверена в этом, но ты пытаешься, и, когда ты заставляешь себя сдвинуться с места, ты понимаешь, что твое сердце, спавшее так долго, постепенно просыпается, словно медведь, выходящий из зимней спячки. Ты попеременно испытываешь голод, ворчишь, чувствуешь себя сбитой с толку или потерянной. Ты невероятно удивлена, когда снова ощущаешь искру любви. И хотя пламя горит, возможно, не так ярко, как много лет назад, как оно горело с тем мужчиной, который любил тебя, когда тебе было двадцать пять и ты смотрела на мир широко открытыми глазами, но оно горит ровно. Оно тебя согревает. И однажды ты снова видишь радугу. Она сияет за твоим окном в офисе, появляется в небе, когда ты выходишь из магазина с продуктами. Двойная радуга захватывает все небо, когда ты потягиваешь бокал вина после трудного рабочего дня. И в этот момент ты понимаешь, что твое сердце, окаменевшее, придавленное грузом печали и тоски, готово попробовать еще раз. И ты пробуешь.

Я смахнула набежавшие слезы, заказала двойной американо и кусок бананового хлеба с *четырьнадцатью миллиардами* калорий, и это в данный момент не имело для меня ни малейшего значения. Я знала, что где-то во мне все еще живет та двадцатипятилетняя девушка, и сейчас она сжимала мое сердце так, как не делала уже давно.

– Иди и найди его, – прошептала она мне. – Кэйд рядом. Ты нужна ему.

В глубине души я знала, что *она права*. И неважно, что меня ждет впереди – хорошее или плохое.

Я прислонилась к кирпичному фасаду «Ле Марше» и ждала уже целый час, не появится ли Кэйд. Я остановила бездомного и спросила, не знает ли он Митчелла. Он не знал. Женщина в намотанных на ступни целлофановых пакетах и с магазинной тележкой, в которой были сложены все ее пожитки, тоже не знала, но сообщила мне, что у нее нет денег на еду. Я дала ей десять долларов.

Я ждала и смотрела по сторонам. Допив последнюю каплю кофе, я бросила стакан в ближайшую урну и направилась обратно к торговому центру Уэстлейк, где накануне Кэйд пропал из виду.

Я дошла до скамейки, села, наблюдая, как голуби сражаются из-за хлебных крошек, а малыш, кормивший их хлебом, взвизгивает от восторга. Его мать с гордостью смотрела на него. Откуда-то из-за угла донесся звук невидимого саксофона. Поначалу я не уловила мелодию, потом сообразила: *A Kiss to Build a Dream On*^[27] Луи Армстронга, которую всегда любила моя бабушка. И я тоже.

В толпе было достаточно просветов, чтобы я видела противоположную сторону площади. Дети наблюдали, как мужчина с клоунским носом жонглировал теннисными мячиками. Юная пара пылко и демонстративно целовалась на скамейке. И тут мои глаза остановились на пятне цвета хаки в отдалении. Я встала, чтобы разглядеть лучше. Это действительно был мужчина в армейской куртке. Он сидел у стены универмага «Мейсис» и смотрел в землю. Мне не удалось разглядеть его лицо, но сердце забилося чаще.

Я пересекла площадь, перешла на другую сторону улицы, не обращая внимания на поток машин. Такси вильнуло в сторону, наградив меня сердитым сигналом клаксона, но я практически не слышала его. Я ничего не слышала и никого не видела, кроме фигуры у стены здания. Мужчина с печальным лицом в мятой армейской куртке на тротуаре. Теперь я видела его ясно. Кэйд.

Мои глаза наполнились слезами, пока я шла к нему. Меня тянуло к нему, словно магнитом, как это было когда-то. Две половинки одного целого. Во всяком случае, так это ощущалось много лет назад. У меня вдруг ослабели ноги, но я устояла и сделала еще несколько шагов.

– Кэйд. – Мой голос дрогнул.

Он не взглянул на меня, и тогда я попыталась еще раз.

– Кэйд, – позвала я чуть громче. – Я...

Наши взгляды встретились, и во мне все застыло. Время как будто остановилось, на меня нахлынули воспоминания, одно за другим. День первой нашей встречи, наш первый поцелуй, все обещания, нежные тихие полуночные разговоры, вся наша любовь.

– Привет, – негромко сказала я. – Это я.

Я сделала еще шаг к нему, понимая, что спешить не стоит. Я ничего не знала о его психическом состоянии, не представляла, что он подумает или сделает.

Его глаза ничего не выражали.

– Кэйд! Кэйд, ты помнишь меня? Я Кайли.

Он посмотрел внимательнее.

Я кивнула, борясь со слезами, мои руки дрожали.

– Можно мне сесть рядом с тобой? Только на минутку...

Кэйд молчал и смотрел куда-то перед собой, на какую-то точку на улице.

Я опустилась на тротуар в нескольких дюймах от него, ощутив холод асфальта сквозь джинсы. Притянув колени к груди, я устроилась поудобнее. Мимо нас проходили люди. Я видела чьи-то ступни. Высоченные шпильки, начищенные итальянские лоферы, балетки и ботинки с необычными шнурками. Кто-то бросил огрызок яблока, и он приземлился совсем рядом со мной. Кэйд все так же смотрел прямо перед собой.

Я повернулась к нему и снова заговорила.

– Что с тобой случилось? – осторожно спросила я. – Пожалуйста, поговори со мной. Как ты оказался на улице?

Кэйд повернулся ко мне, и, когда наши глаза встретились, мне показалось, что в них вспыхнул огонек. И когда это произошло, я перестала замечать его нынешний облик. Вместо длинных спутанных прядей я снова видела коротко подстриженные волосы, по которым мне так нравилось проводить рукой. Неопрятная борода исчезла в мгновение ока, открывая его красивую загорелую кожу. Это он. Он здесь. Но могу ли я достучаться до него?

– Кэйд, ты узнаешь меня? Пожалуйста, Кэйд, скажи, что знаешь меня.

Его глаза впились в мои, он резко отпрянул, испугавшись.

– Не бойся, Кэйд, – попросила я, придвигаясь чуть ближе. – Прошу тебя, не бойся. Это я, Кайли. Я хочу помочь тебе.

К нам подошел мужчина лет двадцати в сшитом на заказ костюме и с дорогой стрижкой. Проходя мимо, он брезгливо сморщился, глядя на Кэйда. Я подумала о том, сколько презрения, сколько смешков и ненависти обрушивается на Кэйда каждый день.

– Эй. – Я попыталась снова привлечь его внимание. – Кэйд, скажи мне, ты меня узнаешь?

Он повернулся ко мне, но огонек в его глазах погас.

– Нет, – сказал он. Голос у него был гулким, испуганным, диким. – Нет, – повторил Кэйд и изменил позу, собираясь встать. Его ноги подкашивались, ему пришлось ухватиться за стену, чтобы не упасть.

Я тоже встала, легко коснулась его руки. Когда-то сильные мышцы ослабели и провисли.

– Кэйд, – со слезами взмолилась я, – что с тобой случилось? Пожалуйста, скажи мне. Пожалуйста, позволь тебе помочь.

– Нет, – повторил он, отступая на шаг, поднял спортивную сумку, стоявшую возле его ног, перебросил ремешок через плечо, повернулся ко мне спиной и, пошатываясь, пошел прочь от меня по тротуару.

Я двинулась следом. *Я его не оставлю. Не сейчас.*

Кэйд прошел несколько улиц, свернул за угол, и мы оказались на Третьей авеню возле «Дикого имбиря», где много лет назад состоялось наше первое свидание. Заведение уже было открыто на ланч, и я заметила группу людей, входящих внутрь. *Помнит ли он это место? Может быть, где-то в глубине души воспоминания все еще живут в нем, как они проросли и во мне?*

– Прошу тебя, Кэйд, остановись, – попросила я, когда он дошел до угла здания рядом с рестораном. Мне хотелось есть, да и он был голоден, я в этом не сомневалась. – Позволь мне накормить тебя.

Он повернулся ко мне и ждал. Я инстинктивно взяла его за руку. Она оказалась мозолистой и сухой. Под ногтями залегла грязь, но мне было все равно. Я повела его в ресторан, и он робко последовал за мной.

– Здравствуйте, – поприветствовала я девушку-администратора, скептически разглядывавшую Кэйда. – Ланч для двоих.

Ее глаза нервно заматались по сторонам. Понятно, что присутствие Кэйда привело служащую в замешательство.

Я оглядела зал ресторана за спиной администратора. Он был наполовину пуст.

– У вас, разумеется, найдутся места для нас, – сказала я.

Девушка посмотрела на меня, потом на Кэйда.

– Ну... я... я... – залепетала она.

В эту минуту к нам подошла блондинка в очках в темной оправе. Я моментально узнала Доун, менеджера ресторана. За прошедшие годы она стала моим надежным источником информации о ресторанном бизнесе в центре города. Я много раз цитировала ее в своих статьях.

– Кайли! – тепло приветствовала она меня, останавливаясь рядом с администратором. – Я читала твою статью о площади Пионеров. Ресторану выгодно развитие бизнеса, которое последует за реконструкцией, но по-человечески я не могу не сочувствовать людям, которым придется переезжать. Твои статьи всегда заставляют меня понять, что у любой темы есть две стороны, особенно если тема непростая.

– Спасибо. – Я выдавила из себя улыбку. Сложный момент для принятия комплиментов, учитывая все то, что случилось с Кэйдом.

– Ты берешь интервью? – спросила Доун, полагая, что Кэйд объект моих исследований.

– Сегодня я не работаю. Это просто ланч. – Я повернулась к Кэйду. – Только для нас двоих.

Доун посмотрела на Кэйда, потом на меня. Я не была уверена в том, как она отреагирует.

– Для меня будет очень важно, если ты сможешь найти для нас столик, – сказала я ей. – Может быть, местечко в баре, подальше от чужих глаз?

Доун была профессионалом своего дела. Она улыбнулась, расправила плечи и повернулась к администратору.

– Дженнифер, проводи Кайли и ее гостя за столик номер девятнадцать.

– Большое тебе спасибо.

Дженнифер взяла два меню и пошла впереди нас. Мы с Кэйдом последовали за ней.

– Вам здесь будет удобно? – спросила она, останавливаясь у столика в самой глубине бара, где других обедающих не было.

– Здесь замечательно. – Я улыбнулась ей и села.

Кэйд остался стоять.

– Все в порядке, – сказала я, указывая на стул. – Ты можешь сесть сюда.

Он устоялся на стул с таким видом, словно никогда в жизни его не видел. На мгновение мне показалось, что он сейчас сбежит, но Кэйд все же бросил сумку на пол и сел за столик напротив меня.

К нам подошел официант. Если его и привело в недоумение присутствие Кэйда, вида он не подал. Вероятно, Доун ввела его в курс дела. У меня отлегло от сердца.

– Здравствуйте, – поздоровалась я. – Как вас зовут?

– Кайл.

– Здравствуйте, Кайл. Я Кайли, а это... – я остановилась, почувствовав, что меня неожиданно захлестывают эмоции, – Кэйд.

Мне было важно, чтобы официант узнал его имя. И мне бы хотелось, чтобы этот молодой человек узнал больше: что Кэйд был когда-то величиной в мире музыки, что я когда-то...

– Приятно познакомиться, Кэйд. – Кайлу замечательно удавалось делать вид, будто это типичная для ресторана ситуация.

Кэйд смотрел прямо перед собой.

– Думаю, что будет лучше, если закажу для нас обоих, – нервно сказала я.

Кайл кивнул, соглашаясь:

– Очень хорошо.

– Принесите нам, пожалуйста, соте из курицы, баклажаны и стручковую фасоль. Еще креветки и пельмени. Одну порцию сибаса и... лапшу Пад Тай.

– Я принял ваш заказ. – Кайл развернулся на каблуках.

Кэйд держал руки на коленях и не сводил с них глаз.

Я не представляла, что творится в его голове. Не понимала, что он чувствует. Но мое сердце стучало так быстро, что я боялась, как бы оно не разорвалось.

– У нас с тобой здесь было первое свидание, Кэйд, – начала я с нервным смешком. – Ты, наверное, этого не помнишь. Это было очень давно.

Я повернулась к залу и указала в другую его часть.

– Мы сидели вон там.

Я улыбнулась, не уверенная в том, что он вообще меня слушает. Мне показалось, что я разговариваю в зеркале сама с собой.

– Я тогда нервничала из-за платья, – продолжала я. – Но ты сказал, что в нем я выгляжу как Стиви Никс. Помнишь?

Его глаза не отрывались от коленей.

– Твои слова заставили меня почувствовать себя классной. – Я вздохнула. – Ты всегда знал, что сказать. – Я не сводила с него глаз, заставляя взглянуть на меня. – С тобой я всегда чувствовала себя особенной, желанной.

Официант налил нам воды в стаканы, и я отпила глоток. Кэйд мгновенно выпил свой, и Кайл тут же вернулся, чтобы наполнить его снова.

– Ты спас мне жизнь, – продолжила я, как только мы остались одни. – Ты помнишь? – и добавила, не дожидаясь от него ответа: – Я едва не упала с утеса.

Кэйд слушал, но я не была уверена, что он меня понимает.

Когда Кайл принес еду, Кэйд оглядел стол, как будто не веря своим

глазам.

– Начинай, – пригласила я, – ешь.

Он осторожно протянул руку к пельменям, и я подвинула ему тарелку.

– Съешь столько, сколько захочешь, и выбирай то, что нравится.

Он положил один пельмень в рот, потом еще один. Не обращая внимания ни на салфетки, ни на столовые приборы, он взял креветку, потом обжаренные баклажаны. Затем сунул в рот горсть стручковой фасоли и принялся за Пад Тай после того, как я положила несколько ложек себе в тарелку. Я протянула Кэйд вилку, и он ее взял.

Он поглощал еду с такой жадностью, как будто в любую минуту мог вернуться официант, чтобы унести всю эту роскошь и заодно выдворить его самого из ресторана.

– Рада, что тебе нравится, – сказала я, когда он доел пельмени.

– Когда ты ушел, – продолжала я, – я не понимала, почему ты это сделал. Я не знала, захотел ли ты отдохнуть от меня или тебе просто нужно было отдохнуть от жизни, от фирмы. Я ждала, Кэйд. Я долго ждала.

Я смахнула слезу и, заметив кусочек пищи в его бороде, подвинулась вместе со стулом ближе к нему и промокнула салфеткой его лицо и бороду. Он даже не моргнул. Я не знала, слушает ли он меня.

Я вздохнула.

– Но ты так и не позвонил. Не написал. Ни разу. Ты просто... исчез.

Я опустила голову.

– И вот теперь, когда я собираюсь выйти замуж, я снова нахожу тебя. На улице. И ты меня не узнаешь. Ты... даже меня не узнал. – Я почувствовала комок в горле и с трудом сглотнула. – Но я-то тебя знаю. Я не смогла тебя забыть. И я хочу помочь тебе, если ты мне позволишь. – Я протянула руку через стол и дотронулась до него.

Его не тронули мои слова, глаза по-прежнему не отрывались от коленей. Я со слезами убрала руку.

К столику вернулся официант.

– Я рад, что вам понравилась еда.

– Да, спасибо, – поблагодарила я, протягивая ему кредитку. Через несколько минут он уже снова стоял у нашего столика, и я подписала чек.

Следом за мной Кэйд поднялся из-за стола, взял с пола сумку. Пока мы шли через ресторан к выходу, некоторые из обедающих смотрели на нас во все глаза и перешептывались, но Кэйд не реагировал на них. Я только в эту минуту сообразила, что в ресторане могли оказаться коллеги – и мои, и Райана – или наши друзья. Но мне было все равно. Важным для меня был только этот момент. И думать я могла только об одном: *Что дальше? Вот*

сейчас мы выйдем из ресторана, и что? Позволить ему просто уйти? А что, если я больше никогда его не увижу?

Для ноября день выдался теплым, и от острой еды мои щеки разругались, поэтому я сняла свитер и сунула его в сумку. Холодный воздух освежающе коснулся моих голых плеч.

Я снова посмотрела Кэйдю прямо в глаза.

– Что ж. – Мой голос снова дрогнул. – Спасибо, что позволил угостить тебя ланчем. Я... то есть если ты... если ты когда-нибудь...

Продолжить я не смогла. Он не помнил меня, не хотел моей помощи. Я глубоко вздохнула.

– Желаю тебе всего самого лучшего, – выпалила я. – И буду желать всегда.

Я повернулась, чтобы уйти, и вдруг почувствовала легкое прикосновение руки к плечу. Кэйд разворачивал меня обратно.

Он вопросительно посмотрел на меня, потом бросил сумку на тротуар. Я стояла к нему лицом, и он снова коснулся моего плеча в том месте, где была татуировка. Его палец, едва притрагиваясь к моей коже, обвел ее контуры и завитки, потом потер изображение, как будто оно могло от этого исчезнуть.

Кэйд неожиданно отступил назад, расстегнул последнюю из оставшихся пуговиц куртки, спустил правый рукав рубашки, открывая испачканную рваную футболку и костлявое плечо. И тут я увидела ее, его татуировку, точно такую же, как у меня. Она была все такой же красивой и яркой, как в тот вечер, когда мы забрели в тату-салон в Беллтауне и, повинувшись порыву, словно два наивных безнадежных романтика, сделали одинаковые татуировки. Просто взяли и сделали.

Теперь, десять лет спустя, мы стояли на тротуаре в Сиэтле, и наши татуировки были единственным свидетельством нашей прошлой жизни. Но это было доказательство, и мое сердце затрепетало, когда я снова увидела искорки в глазах Кэйда. Он явно что-то вспомнил.

Наши взгляды встретились.

– Кайли, – пробормотал он. Голос был робким и тихим, но знакомым. Таким знакомым...

– Кайли, – повторил он, как будто заново учась произносить мое имя.

– Ты помнишь! – воскликнула я. По моей щеке покатилась слеза.

Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза и посмотрела на небо. Над крышами зданий поперек всего неба раскинулась бледная радуга.

Глава 10

3 августа 1996 года

– Давай поднимемся на палубу, – предложил Кэйд, когда паром медленно выполз из дока на просторы бухты Эллиотт.

Я сморщила нос:

– Наверняка там слишком холодно, нет?

– Не-а, – уверенно ответил он, снимая с себя куртку из черного денима и накидывая ее мне на плечи.

Пути до острова Бейнбридж всего полчаса, и через пятнадцать минут я смогу увидеть побережье на горизонте.

Кэйд подал мне руку, мы вместе поднялись по узкой лестнице, которая вела на верхнюю палубу.

Это было наше второе с половиной свидание, но стоило ему дотронуться до меня, как бабочки по-прежнему начинали порхать у меня в животе.

На палубе Кэйд снял с плеча фотоаппарат на длинном ремешке.

– Свет здесь просто замечательный, облаков как раз в меру, – оценил он и указал на поручни. – Встань там. Хочу тебя сфотографировать.

– Даже не знаю, – смутилась я. – Мне никогда не нравилось фотографироваться.

– Ну ради меня, – попросил Кэйд. – Всего один снимок.

– Ладно, – согласилась я, пошла к поручням и прислонилась к ним, положив на них руки.

Я не сказала Кэйду о том, что фотоаппарат всегда заставлял меня нервничать. Кто-то смотрит на тебя в объектив, а ты этого человека не видишь. Какой-то односторонний и действующий на нервы опыт. Я чувствовала себя уязвимой, пока фотоаппарат Кэйда все щелкал и щелкал.

– Попробуй расслабиться, – сказал он, опуская фотоаппарат и подходя ко мне.

– Постараюсь, – пообещала я, не глядя на него. Щеки у меня стали как каменные, я не знала, как сложить губы.

Он снова посмотрел на меня в объектив.

– Если бы ты только могла видеть то, что вижу я!

Холодный ветер швырял волосы мне в лицо, теребил их, поднимал. Кэйд сделал еще один снимок, потом подошел ко мне и твердой теплой рукой обхватил меня за талию. На короткое волшебное мгновение мы стали

настолько близки в этом объятии, что я перестала понимать, где начинается он и где заканчиваюсь я.

Прозвучал гудок парома, мы подошли к острову. Вместе с толпой пассажиров мы сошли на причал и прошли по длинному коридору, ведущему в терминал. До маленького городка Уинслоу было совсем близко, и мы, взявшись за руки, пошли по тротуару, ведущему к Мейн-стрит.

– Взгляни вон туда, – сказал Кэйд. – Давай возьмем напрокат мотоцикл и осмотрим остров.

Я посмотрела вперед и увидела вывеску фирмы по прокату автомобилей, перед зданием которой было припарковано несколько мотоциклов и скутеров.

– Правда? Ты умеешь водить мотоцикл?

Он усмехнулся:

– *Умею ли я водить мотоцикл?*

Я насмешливо хмыкнула.

– Что ж, судя по всему, мне придется тебе это доказать, – с улыбкой ответил он, пока мы пробирались между рядами велосипедов. Кэйд вошел в офис компании и вернулся оттуда с ключами от сверкающего черного мотоцикла, отделанного хромом. Он протянул мне шлем, другой надел сам.

– Готова? – спросил он, оседлав байк.

– Кажется, да, – нервно ответила я.

Он протянул мне свой фотоаппарат.

– Можешь сунуть его в свою сумочку?

– Конечно. – Я засунула камеру в сумку.

Кэйд похлопал рукой по сиденью позади него, приглашая меня садиться.

– Не трусь, детка.

Я судорожно глотнула.

– Я никогда раньше не ездила на мотоцикле. Вдруг упаду?

– Не упадешь, обещаю, – успокоил меня Кэйд, протягивая мне свою куртку, которую я немедленно надела. – Крепче держись за меня.

– Ладно. – Я уселась на мотоцикл и обхватила Кэйда руками за талию. Он завел мотор.

Когда он выезжал с парковки на улицу, я крепко зажмурилась. Байк фыркал и постреливал, пока Кэйд сворачивал направо, потом налево. Наконец мы оказались на главной дороге, которая пересекала остров пополам. Он прибавил скорость, и ветер едва не вышвырнул меня из сиденья. Я крепче ухватилась за Кэйда. Было страшно и одновременно

весело.

Он повернул направо, и мы оказались на дороге, идущей вдоль берега. Мы пролетали мимо потрепанных непогодой домов и пляжных домиков, запах моря не покидал нас.

Когда мы проезжали мимо небольшой смотровой площадки над общественным пляжем, Кэйд сбавил скорость и развернулся.

– Давай остановимся и пройдемся по берегу, – предложил он, съезжая на парковку у дороги.

Мы оставили шлемы на байке и пошли по тропе, ведущей к пляжу, который был абсолютно пустым. Только чайка клевала ракушку неподалеку.

Кэйд подошел к самой воде, не обратив никакого внимания на волну, лизнувшую его обувь. Я бы сказала, что пляж заморозил его.

– Может, стоит окунуться? – с улыбкой предложил он.

Я ответила со смущенной улыбкой:

– Но у нас нет ни полотенец, ни купальников.

– Что ж, на этот раз я позволю тебе сорваться с крючка, – усмехнулся Кэйд.

Я посмотрела на утес позади нас:

– Держу пари, что мы могли бы взобраться на него и сделать отличные снимки.

– Подъем выглядит довольно крутым.

Я взяла его за руку:

– Идем, мы туда заберемся.

Он улыбнулся и пошел следом за мной.

– У меня не девушка, а сорвиголова.

Я усмехнулась, и мы начали восхождение. Тропинка оказалась крутой и извилистой, она подходила так близко к краю утеса, что у меня даже немного закружилась голова, когда я посмотрела вниз.

– Пожалуй, путь наверх оказался чуть более сложным, чем я предполагала, – призналась я, слегка запыхавшись.

– Хочешь вернуться? – спросил Кэйд. – Мы можем сделать несколько фото на пляже.

– Нет, идем дальше.

Восемь поворотов, четырнадцать, двадцать.

– Мы почти дошли, – сказала я. Солнце уже собиралось опуститься на ночь за горизонт, и на небе появились оранжевые и желтые полосы.

– Если нам повезет, то к закату мы будем на вершине.

– Надеюсь, – ответила я.

– Вспоминается стихотворение Роберта Фроста^[28], – заметил Кэйд.

Я кивнула:

– «Уходит в день рассвет...»

– «И золота цветов недолог свет», – закончил строфу Кэйд.

Я улыбнулась. Еще один поворот, и мы оказались на вершине утеса. Перед нами открылся незабываемый вид: аккуратные холмы, усаженные деревьями, в обрамлении океана. Я чувствовала себя одновременно большой и крошечной.

– Стой здесь, – сказал Кэйд. – Я хочу сфотографировать тебя. Сейчас просто невероятный свет.

Я на дюйм приблизилась к краю, пока Кэйд возился с фотоаппаратом, пригладила волосы и инстинктивно прикоснулась рукой к медальону на шее. Но стоило мне это сделать, как замочек цепочки расстегнулся, и она упала на гравий у моих ног.

– О нет! – воскликнула я. – Цепочка расстегнулась. Такого никогда раньше не случалось.

Я опустилась на колени и принялась шарить рукой по земле. Кэйд оставил фотоаппарат и направился ко мне:

– Не беспокойся, мы ее найдем.

Я выпрямилась и посмотрела на край утеса.

– А вдруг она... упала? – У меня вдруг закружилась голова, ослабели ноги. Я попыталась шагнуть к Кэйду, но оступилась.

– Кэйд! – крикнула я, сползая вниз. Время как будто замедлилось, одно заполненное ужасом мгновение перетекало в другое. Я чувствовала, что меня неудержимо тянет вниз. Я цеплялась за неровную поверхность утеса, но она, казалось, таяла под моими руками. И тут крепкие руки обхватили мои запястья, я услышала голос Кэйда, спокойный и уверенный.

– Я тебя держу, – сказал он. Камни с утеса летели в стороны. В глаза попала пыль. – Не паникуй и не дергайся. – Он не отрываясь смотрел в мои глаза. – Сейчас я тебя вытащу.

Мои ноги болтались над пропастью. Пляж был в сотнях футах внизу. На мгновение я увидела свою смерть. Почувствовала, каким будет воздух, когда я упаду на берег. Услышала звук падения своего тела на камни пляжа. Увидела кровь, которая будет течь из носа, когда Кэйд наконец добежит до меня.

Он медленно втащил меня на площадку. Пока Кэйд это делал, с утеса летели гравий и камни и падали на пляж.

– Ну вот, – спокойно отметил он. – Я тебя поймал.

Я была слишком напугана, чтобы плакать. Слишком напугана, чтобы

дышать. До момента спасения могла пройти секунда или полчаса, но я знала только одно: я жива. И Кэйд спас меня.

Я рухнула в его объятия и заплакала.

– Прости меня, – повторял Кэйд, целуя мое лицо. – Детка, пожалуйста, прости меня. – Он прижал меня к груди. – У тебя кровь из носа? Ты поранилась?

Я покачала головой, и он помог мне подняться.

– Не думаю.

– Посмотри. – Он указал на гравий у наших ног, присел и что-то поднял. – Смотри, что я нашел.

Он держал в пальцах мою цепочку, медальон был по-прежнему закрыт.

– Спасибо, – поблагодарила я, убирая украшение в карман джинсов.

Кэйд по-прежнему пристально смотрел мне в глаза.

– Я едва не потерял тебя...

– Ты спас мне жизнь, – пробормотала я. – Я не... я не знаю, что сказать. – Я с трудом сглотнула. – Как я могу отблагодарить тебя?

– Никакая благодарность не требуется, – ответил Кэйд.

Я взглядела в его влажные от слез глаза и вытерла с ресниц слезы.

– Я навеки твоя должница.

– Есть вариант получше, – ответил Кэйд. – Как насчет того, что ты однажды тоже спасешь мою жизнь, и мы будем квиты?

– Хорошо. Я спасу, – улыбнулась я сквозь слезы.

Держась за руки, мы вышли с паромного причала, спустились по лестнице в город. До квартиры Кэйда было всего несколько кварталов.

– Зайдешь ко мне ненадолго?

Я хотела только одного: быть рядом с ним, теперь и всегда. Особенно этим вечером.

– Да.

Мы прошли под виадуком, спустились по короткой улице до его квартиры. Я бросила свитер на диван. Моя голова была настолько полна событиями дня, что я была благодарна за минуты тишины, пока Кэйд возился со своим проигрывателем.

Я слушала и слышала нашу песню, ту самую, которую мы слушали вместе за кулисами клуба, ту самую, под которую он в первый раз взял меня за руку. Когда звучит хор, все может случиться, и это случилось.

Его руки обнимают меня, его губы целуют меня, и, словно повинаясь словам песни, я растворяюсь в нем. Я точно знаю, что чувствую. Это то, чего я боюсь, та самая эмоция, которая кипит во мне, словно кастрюлька на

плите, и которую я изо всех сил пытаюсь не выпустить наружу.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но его пальцы тут же оказываются на моих губах.

– Я знал, что это такое, – шепчет он, и его голос едва слышен из-за музыки. – Я понял это в первый же вечер, когда увидел тебя на шоу. Но теперь у меня не осталось никаких сомнений.

Я смотрю в его глаза. Мы не можем оторваться друг от друга. Мое сердце стало слишком большим и с трудом помещается в груди, оно тяжелое, но эта тяжесть – счастье.

– Это любовь, – продолжает Кэйд, слова свободно срываются с его губ, наполняют воздух и множатся словно музыкальные ноты в комиксе.

– Любовь, – повторяю я, а пластинка шуршит и потрескивает.

– Любовь, – шепчет он в ответ, сплетая свои пальцы с моими.

А потом я опускаю голову на подушку, и наши тела становятся единым целым. Впервые в жизни я чувствую себя так, будто все в этом безумном сложном мире имеет законченный и высший смысл.

Глава 11

17 ноября 2008 года

– Привет, детка. – Райан позвонил из Портленда вечером.

– Привет.

– Прости, что звоню так поздно, но я только что вернулся в гостиницу.

Я подняла глаза от ноутбука и посмотрела на часы на стене. Половина одиннадцатого.

– Сегодня у меня прошло продуктивное обсуждение с представителями банка, – продолжал Райан. – Их беспокоит наша способность сохранить высокопрофильных арендаторов вокруг телестудии при нестабильном положении на рынке, но я пришел на встречу с контрактами в руках. Думаю, мы действительно сможем заключить эту сделку.

– Поздравляю, – сказала я после паузы. Это ужасная новость для миссии «Евангелие надежды» и для всех тех, кто зависит от приюта для бездомных.

– Понимаю, что тебя это не радует, – спохватился Райан. – Все, больше ни слова о бизнесе. Расскажи мне, как дела у тебя. Как прошел день?

– Нормально, – ответила я. – Обычный день.

Я сразу подумала о Кэйде, о нашем ланче в «Диком имбире», о том, что он в конце концов узнал меня. Когда мы расставались, я не знала, как поступить, поэтому попросила его пообещать мне, что он встретится со мной на следующий день в полдень перед торговым центром Уэстлейк. Кэйд кивнул, но я не была уверена, что он меня понял. *Что, если он меня не понял? Тогда что?*

– Кайли, ты меня слушаешь?

Только тут я сообразила, что Райан продолжал говорить, а я полностью погрузилась в свои мысли.

– Да-да, прости. Я просто... работаю над срочной статьей. – Я посмотрела на экран ноутбука, где в поисковой строке были вбиты слова: «помощь бездомным в Сиэтле».

– Ладно, тогда не буду тебя задерживать, – сказал Райан. – Если завтра утром встреча пройдет успешно, я сяду на более ранний поезд и мы сможем вместе поужинать.

– Замечательно. – Я почувствовала себя виноватой из-за того, что скрываю от него такой серьезный секрет, но я еще сама с собой не

разобралась.

– Ах да, – вспомнил Райан, – ты вчера, случайно, не заходила в «Дикий имбирь»?

Я выпрямила спину, сердце забилося чаще.

– Да, я там была на ланче.

– Помнишь Джефа из моего офиса?

– Думаю, да, – нервно ответила я.

– Он тебя там видел.

Я молчала.

– Но знаешь, что самое странное? Он утверждает, что ты сидела за одним столиком с каким-то бездомным.

Мысли заметались. Я не могла сказать Райану о Кэйде. Пока не могла.

– Ах это... Ну да, это было... интервью. Для моих статей.

– Верно, – Райан зевнул, – я так и подумал. Все, детка, пойду спать.

Утром ранняя встреча.

– Удачи, – пожелала я.

– Я скучаю по тебе.

– Я тоже скучаю, – ответила я, ощущая боль в сердце.

Мне так хотелось, чтобы Райан обнял меня и сказал, что все будет хорошо, когда я расскажу ему обо всем и во всех подробностях. Мне хотелось, чтобы эта история вылилась из меня, словно вода из дырявого шланга. Мне хотелось исторгнуть из себя правду. Но я не могла. Пока я должна была проходить через это одна. Пугающий, одинокий опыт, и я не знала, куда он меня приведет. Я знала лишь одно: мне предстоит идти по этому пути одной.

– Доброе утро, – поздоровалась Джен, когда на следующий день я проходила мимо ее кабинета. Я остановилась на пороге и перевела дух. Прежде чем мы начали разговор, рядом со мной появилась Лиза из отдела моды.

– Вы идете?

Я недоуменно посмотрела на нее.

– Сегодня «обмываем» ребенка Даны, – пояснила Лиза, указывая на зал заседаний.

Дана, редактор отдела моды и стиля, была на тридцать седьмой неделе беременности, но она оказалась из числа тех редких женщин, кому чудесным образом даже в этот непростой период удавалось сохранить фигуру. Она вполне могла бы стать моделью в каталоге для беременных.

– Я купила миленькие маленькие кексики, – продолжала Лиза с

восторгом. – Они голубенькие и розовенькие, сверху украшены очаровательными детскими кубиками.

Я почувствовала, что краснею, и сказала:

– Спасибо, мне бы очень хотелось пойти, но... – я замолчала, пытаюсь заставить язык произнести подходящие слова, – но у меня дедлайн.

– А, ну ладно. – Лиза немного обиделась. – Джен, ты придешь?

Редактор успокаивающе кивнула:

– Да, только дай мне пару минут.

Когда Лиза ушла, Джен откашлялась.

– Закрой дверь, – сказала она, – и сядь.

Я опустилась на гостевой стул и вздохнула с облегчением: в кабинете Джен нас никто не мог услышать.

– Что это сейчас было? – спросила Джен, кивком указав на дверь.

Я поерзала на стуле и снова вздохнула.

– Ничего, – ответила я, беря себя в руки. – Я просто... не фанат «обмывания» детей.

Но взгляд Джен оставался неумолимым.

– Может, расскажешь мне, в чем дело? – продолжала она. – Ты рассталась с Райаном?

Мои глаза раскрылись от изумления:

– Что? Нет!

– Хорошо. В последнее время ты сама не своя, о чем еще я могла подумать? Кайли, за все те годы, что ты работаешь в газете, ты ни разу не просила выходной.

Джен сняла очки, протерла стекла рукавом блузки.

– Я думаю, тебе следовало бы брать *больше* выходных, но просьба была совершенно не в твоём стиле. – Она внимательно посмотрела на меня. – Если это не разрыв с Райаном, то что тогда?

Я снова вздохнула:

– Это намного хуже.

– Хуже?

– Я нашла Кэйда.

Джен покачала головой, не веря своим ушам:

– Твоего бывшего? Того самого, чье исчезновение перевернуло твою жизнь вверх тормашками?

– Точно. Того самого.

– Так вот почему ты даже не удосужилась посмотреть статистику откликов на твою статью.

Я опустила голову.

– Кэйд бездомный, и, возможно, уже довольно долгое время.

– Он живет на улице?

– Да, Джен, он бездомный. Худой, невымытый, в лохмотьях, с длинной бородой, с грязными волосами. – Я потеряла лоб. – Но самое ужасное, что Кэйд, судя по всему, не в себе.

– Наркоман?

– Не знаю, – сказала я. – Вернее, я так не думаю. Это скорее потеря памяти. С ним явно что-то произошло, и я... хочу ему помочь.

– Ты права. – На лице Джен появилось задумчивое выражение. – Я хорошо его помню. Он был необычным. В нем чувствовалась сила. – Она надолго замолчала. – И ты любила его. И все еще любишь?

Я ахнула:

– Что? Нет. Я... как бы я могла? В его состоянии? И потом, я люблю Райана. Я выхожу замуж за Райана.

Джен сцепила пальцы.

– Когда-то Кэйд был известным человеком в Сиэтле, верно? Странно, что до сих пор его никто не узнал.

Я покачала головой:

– Его очень сложно узнать. Если бы в тот вечер у ресторана я не заглянула ему в глаза, я бы его тоже не узнала.

После паузы я продолжала:

– Моя репортерская работа, все эти интервью с бездомными научили меня одному. Люди на улицах анонимны. Когда я начала его искать, никто даже имени его не знал. Они просто называли его Митчелл, потому что именно эта фамилия напечатана на военной куртке, которую он носит.

Я вспомнила наш ланч в «Диком имбире» и то, как важно было для официанта увидеть в Кэйде человека, узнать его *имя*.

– Понимаешь, на улицах люди смотрят на тебя, но они тебя *не видят*...

– Хорошо сказано, – согласилась Джен. – И должна сказать, что эти события в твоей жизни определенно могут стать частью серии статей, которые ты пишешь. Ты говорила, что пока еще не решила, о чем напишешь во второй статье. Полагаю, ты не думала о том, чтобы добавить личные детали в ткань повествования и создать в статье особое настроение? Например, бывший владелец продюсерской фирмы оказался на улице. Это будет подлинный рассказ о бездомном в нашем городе. Не хочу предвосхищать события, но такая статья потянула бы на премию.

Я покачала головой.

– Не могу, Джен. Только не эта история. По крайней мере, не сейчас.

– Что ж, – она посмотрела на меня, – напишешь ты эту историю для

газеты или только для себя, надеюсь, что у нее будет счастливый конец.

– Я тоже на это надеюсь.

Меня поджимал дедлайн. Я ни за что не хотела упоминать в статье о Кэйде и писала вариант за вариантом, указывая прибыли девелоперов, намеренных изгнать бездомных с площади Пионеров. Тон моей прозы был аналитическим, холодным. В кого я превратилась?

Нет, ответила я самой себе, дела говорят громче слов.

Ровно в одиннадцать сорок пять я встала из-за стола, повесила сумку на плечо и вышла на улицу. Я попросила Кэйда ждать меня возле торгового центра Уэстлейк. *Придет ли он?*

Над головой нависли дождевые облака. Они предвещали ливень, но мне было все равно. Пусть идет дождь. Пусть льет как из ведра. Я шла вперед и слышала только стук моих каблуков, пока проходила те шесть кварталов, которые отделяли меня от торгового центра Уэстлейк. Я просто переставляла ноги: правая, левая, правая, левая.

Оказавшись на условленном месте, я почувствовала на щеке первую каплю дождя. Я пересекла площадь, направляясь к той стенке, возле которой Кэйд сидел накануне. Но его там не было. Какой-то мужчина наигрывал песню Дилана, которую я не сразу узнала. *Где же он? Я огляделась. Я ждала. Десять минут. Двадцать. Может быть, он все-таки придет?*

После сорока минут разочарования я решила вернуться в офис. Возможно, на этом все и закончится, я не увижу его еще десять лет... Возможно... Я обернулась напоследок и заметила вдалеке мужчину, который медленно брел по направлению ко мне. *Кэйд? Кэйд!*

Это был он, точно он. Но почему он шел так медленно? Почему он хромал? И тут я увидела его лицо: окровавленное, избитое, с опухшими скулами. Адреналин выплеснулся в кровь, ноги сами понесли меня к нему.

– Кэйд! – крикнула я на бегу. Мое сердце гулко стучало, когда я оказалась рядом. Из его носа текла свежая кровь. Глаза почти совсем заплыли, окруженные темно-красными кругами. Глубокая ссадина на левой щеке отливала четырьмя оттенками фиолетового, ее края разошлись.

– Ох, Кэйд. – Я заплакала. – Кто это сделал с тобой? – Я взяла его за руку. – Сейчас тебе помогут. На этот раз я тебя не оставлю. Обещаю.

Когда наши взгляды встретились, я увидела, что он меня понял.

В этот дождливый день машин было мало, и поездка на такси до медицинского центра Харборвью не заняла много времени. Когда мы подъехали к отделению «Скорой помощи», я помахала рукой служащему,

лысому мужчине с добрыми глазами, чтобы он подкатил кресло-каталку.

– Полегче, полегче. – Он помог Кэйдуну сесть. Я протянула десятку таксисту и пошла следом за Кэйдун, которого служащий повез в приемный покой.

– Здесь вас запишут, – объяснил служащий, толкая кресло-каталку к стойке регистратора.

Молодая женщина с кольцом в носу и татуировкой в виде бабочки на руке внимательно смотрела на нас, пока мы к ней приближались.

– Ему нужна помощь, – объяснила я. – Доктор может осмотреть его прямо сейчас?

Молодая женщина внимательно посмотрела на Кэйдун, потом вздохнула, как будто моя просьба невероятно раздосадовала ее.

– Мэм, вам придется сесть и подождать. Мы сегодня забиты под завязку. – Она обвела рукой зал ожидания, заполненный людьми.

– Но вы только посмотрите на него, – взмолилась я. – Он серьезно ранен. Ему необходима помощь.

– И мы сделаем все, что в наших силах, чтобы ему помочь, когда подойдет его очередь, – с нажимом ответила девушка, явно не тронутая моей тревогой.

В эту минуту в приемный покой вошла красивая пара. Женщина с белой кожаной сумкой на плече заливалась слезами. Она была сказочно хороша в облегающем черном кашемировом платье-свитере и кожаных сапогах до колен. Ее спутник в дизайнерских джинсах и черных лоферах стоял рядом с ней, прижимая к затылку пакет со льдом.

– Он упал с лестницы, – закричала женщина. – Ему немедленно нужна помощь.

Женщина за стойкой кивнула и мгновенно пришла в движение.

– Пожалуйста, заполните эти документы. – Она передала их посетительнице. – Только верхнюю часть. Мы сейчас его примем.

– Спасибо, – сквозь слезы поблагодарила красавица.

Когда они отошли в сторону, я повернулась к служащей за стойкой.

– Вы сказали, что вы забиты под завязку, или мне показалось?

– Так и есть, – бесстрастно ответила она.

– Но для этого пациента место нашлось.

Она посмотрела на меня так, словно я не знаю элементарных правил настольной игры, а умеют играть все, кроме меня. Я собралась было достать удостоверение репортера «Сиэтл Геральд», но передумала: с какой стати? Я пришла по личному делу.

– По-моему, это дискриминация, – все же добавила я.

Женщина округлила глаза и знаком попросила меня подвинуться ближе. Я повиновалась.

– Послушайте, – она посмотрела через мое плечо на Кэйда, – я понимаю, что вы тревожитесь за этого парня, честное слово, понимаю. Но у нас мало персонала и медикаментов в обрез. Так что, если мы будем принимать каждого бездомного с синяком, у нас не хватит места для тех, кто действительно нуждается в помощи.

Она указала на пару, как будто сошедшую со страниц каталога «Джей Крю».

– Прошу прощения, – я обернулась и посмотрела на залитое кровью лицо Кэйда, – но это не просто синяк. Ему очень больно, и рана на его лице воспалится, если ее не обработать.

Служащая пожала плечами:

– Посмотрите на людей в зале ожидания. Посмотрите на них внимательно. Они в большинстве своем наркоманы. Мы их принимаем, лечим, даем все необходимое, потом они возвращаются на улицу, и история повторяется. Через неделю они снова у нас. Вот такой цикл.

– Разве вы уже встречали *этого* человека? – Во мне начал закипать гнев. – Он *не наркоман*.

Женщина снова посмотрела на Кэйда и пожала плечами.

– Может быть, и встречала. Никогда нельзя сказать наверняка.

– Но он человек, – прошептала я, не желая, чтобы Кэйд меня услышал. – И ему нужна *помощь*.

Я вытащила мобильный и набрала номер Трэйси. К счастью, она ответила после второго гудка.

– Трэйси, это я. – В моем голосе звучало отчаяние. – Я в Харборвью, в приемном покое.

– Кайли, что случилось?

– Я в порядке, но Кэйд в беде.

– О нет! Что случилось?

– Не знаю, – сказала я. – Но он весь в крови и в синяках. Его кто-то избил. Ему надо зашить рану на лице, это уж точно. Думаю, у него что-то сломано. Мне нужна твоя помощь.

– Конечно, сделаю, что смогу.

– Приемный покой переполнен, – объяснила я, понижая голос. – И женщина за стойкой регистрации не горит желанием помочь ему в ближайшее время.

– Ну да, у них бывает слишком много пациентов... без страховки, которые злоупотребляют медицинской помощью. Но все равно это не

оправдание.

– Нужно, чтобы ты потянула за ниточки и его приняли.

– Все сделаю. По счастливой случайности, заведующий моим отделением – лучший друг одного из врачей из службы «Скорой помощи» в Харборвью. Я попрошу его об услуге.

– Спасибо. – Я наконец выдохнула. Кэйд безучастно смотрел прямо перед собой.

– Пустяки, – отмахнулась Трэйси. – Эй, ты сама-то как?

Я прикусила губу и отошла на пару шагов от Кэйда.

– Я... боюсь, Трэйси. Я ничего не сказала Райану обо всем этом. Ситуация настолько непростая, что кажется, будто весь мой мир перевернулся с ног на голову.

– Понимаю. Но, Кайли, такова жизнь.

– Ты о чем? – спросила я, вытирая слезы.

– Так всегда бывает, то вверх, то вниз, то прилив, то отлив. Все пугает и кровоточит. Но это и значит жить.

– Не уверена, что я сумею со всем этим справиться, – призналась я.

– Ты сможешь, – твердо ответила Трэйси. – Я знаю, что сможешь. Для начала – это огромный шаг вперед. Ты окажешь Кэиду помощь, он получит медицинский уход, психологическую поддержку. Его состояние стабилизируется, и ты выяснишь, что с ним произошло. Ну а уже потом ты разберешься со всем тем, что происходит в твоём прекрасном сердце. Кстати, оно у тебя размером с Аризону. Нет, с Техас.

Я рассмеялась, но смех был больше похож на всхлип.

– Я люблю тебя, ты знаешь?

– Я знаю, – отозвалась Трэйси.

– Ты самоуверенная.

– Вот именно. – Она заговорила с кем-то рядом, но слов я разобрать не могла. – Так, ладно, ты сейчас садись и ждешь. Я позвоню кое-кому. А ты пока позаботься о твоём парне.

– Мой парень, – повторила я, когда Трэйси дала отбой. Слова легко соскользнули у меня с языка, но прозвучали неуместно. Я сразу же подумала о Райане и почувствовала укол в сердце, который я объяснить не могла.

Женщина, чье сердце сравнимо по размерам с самым большим южным штатом, не стала бы обманывать своего жениха.

Через одиннадцать минут через стеклянные двери в зал вышла медсестра:

– Кэйд Макаллистер?

Если он ее и слышал, то вида не подал.

– Это мы, – быстро сказала я, встала и покатила кресло-каталку к стойке регистрации.

– Страховки у вас, разумеется, нет? – спросила служащая за стойкой.

– Нет, – ответила я без всякого стеснения.

Она равнодушно кивнула, как будто такой сценарий разворачивался перед ней в тысячный раз. Благодаря работе над статьей я знала, что Харборвью никому не отказывает.

– Мне очень жаль, что вам пришлось ждать. Мы понимаем, что мистеру Макаллистеру необходима срочная помощь, – сказала медсестра.

Я кивнула:

– Да, он действительно серьезно ранен. Спасибо.

Медсестра взялась за ручки кресла-каталки и повезла Кэйда по коридору в смотровую, отделенную занавесками. По соседству громко стонал какой-то мужчина.

– А теперь, – она протянула руки к Кэйд, – позвольте вам помочь.

Я видела, как он взял ее за руку, встал, чуть покачнулся, но она сумела осторожно довести его до кровати, на которую он сел. Порывшись в ящике ближайшей тумбочки, она достала рубашку.

– Будьте любезны, сэр, наденьте это.

Кэйд не отреагировал, поэтому медсестра сама взялась за дело.

– Что ж, давайте я помогу вам раздеться.

Кэйд сидел, не шевелясь, пока она расстегивала на нем куртку. Я почувствовала знакомое сочетание нежности и ужаса, когда увидела его голую грудь, такую бледную и худую. Ребра можно было пересчитать. Мышцы когда-то сильных рук стали дряблыми и обвисли.

Если медсестру и встревожил внешний вид Кэйда, вида она не подавала. Ее профессионализм не оставлял места для демонстрации эмоций. Она сняла с него ботинки, и, хотя я множество раз видела его раздетым, я отвела глаза, когда медсестра принялась расстегивать его брюки.

– Ну вот, – сказала она, завязывая на нем легкую голубую сорочку. – Вы его сестра? Друг?

– Друг, – запнувшись, сказала я и села на стул у кровати Кэйда. Он поменял позу и поморщился от боли.

– Мне так жаль, – прошептала я, сжимая его вялую руку. – Скоро тебе помогут, вот увидишь.

Спустя минуту появился врач, и Кэйд сморщился.

– Нет! – крикнул он. – Нет, нет!

– Мистер Макаллистер, – голос медика звучал совершенно спокойно, – я доктор Грин. Я здесь, чтобы помочь вам.

На лице Кэйда застыло выражение ужаса, и мое сердце сжалось от боли.

Доктор Грин кивком поздоровался со мной, но не сводил глаз с Кэйда.

– Не нужно бояться, мистер Макаллистер. Мы обработаем ваши раны и подлечим.

Кэйд отвернулся, но сидел спокойно, когда доктор Грин приставил стетоскоп к его груди. Затем ему измерили давление. Закончив осмотр, врач сделал какие-то пометки в папке, потом повернулся ко мне:

– Нам надо провести кое-какие обследования. У него явно сломано несколько ребер, но я хотел бы исключить внутреннее кровотечение. Очевидно, его несколько раз очень сильно ударили в живот.

Я кивнула. В смотровую вошла медсестра с тазом теплой воды и стопкой салфеток для мытья.

– Я хочу промыть раны.

Когда доктор Грин вышел, я последовала за ним.

– Доктор, могу я с вами поговорить?

– Конечно. – Он повернулся ко мне.

– Этот человек не всегда был таким, – начала я. – Он не всегда жил на улице. Когда-то он был президентом «Стихия Рекордс».

Глаза доктора расширились:

– «Стихия Рекордс»? Название возвращает меня в девяностые годы, – восхищенно протянул он. – Я слушал много музыкантов этой фирмы. Что же с ним случилось?

– Не знаю, – честно ответила я. – Десять лет назад он ушел из компании и уехал из Сиэтла. С тех пор я ничего о нем не слышала. Всего лишь несколько дней назад я нашла его на улице. – Я покачала головой. – Картинка никак не складывается. Как он мог скатиться с вершины на самое дно?

– Найдется немало возможных объяснений, – сказал врач. – Самый вероятный виновник – пристрастие к наркотикам.

– Нет, – твердо ответила я. – Я знаю его, он никогда не прикасался к этой дряни. Честно говоря, наркотики всегда вызывали у него отвращение. Это не наркомания, это что-то другое.

– Возможно, психическое заболевание, – предположил доктор Грин.

Я покачала головой:

– Кэйд никогда не страдал депрессией или чем-то подобным.

– Психические болезни коварны, – объяснил врач. – Они могут

дремать долгие годы, а потом неожиданно заявляют о себе.

Я вздохнула:

– Моя лучшая подруга – пульмонолог в Шведском госпитале. Этот случай выходит за рамки ее компетенции, но она упоминала о возможной травме головного мозга. Это могло бы объяснить то, что он почти не говорит и не узнает меня. Да и себя не помнит.

Доктор Грин поправил очки и спросил:

– Вы говорите, у него проблемы с памятью?

– Поначалу он меня не узнал, – пояснила я. – И я не уверена, что он меня вспомнил, но... – я подняла рукав свитера и показала свою татуировку, – он помнит вот это, потому что у него точно такая же.

– Любопытно, – протянул врач. – *Toujours?*

– «Всегда» по-французски.

Он кивнул:

– Что ж, полагаю, необходимо сделать МРТ. Мы сможем увидеть, что происходит, и выявим возможные повреждения или следы травмы.

– Если вы что-то обнаружите, возможно ли будет лечить его?

– Травмы головного мозга с трудом поддаются лечению. Но мы проконсультируем его у невролога.

– Огромное вам спасибо, – поблагодарила я.

Доктор Грин улыбнулся:

– Мы сделаем все, что сможем.

Не успела я вернуться к Кэйдду, как занавеска смотровой отлетела в сторону, и появилась маленькая девочка, лет девяти.

– Мамочка, – прощебетала она, размахивая пакетиком с конфетами, – мы нашли твои любимые шоколадки!

Она была такая сияющая и милая. Пока она бежала к нам, ее конский хвост прыгал по розовому свитеру. Я посмотрела на Кэйда, потом снова на малышку, и мое сердце сжалось.

– Ой, – спохватилась девочка, поднимая на нас глаза. – Простите. – Она хихикнула. – Кажется, я ошиблась. – Она указала себе за спину. – Моей мамочке только что сделали операцию.

Я улыбнулась.

– Все в порядке, дорогая. Твоей мамочке повезло, что у нее такая красивая дочка.

Девочка направилась к выходу и скрылась в коридоре. Никто не заметил, как я смахнула слезу.

Часом позже, когда Кэйдду промыли и обработали раны, медсестра

повезла его на обследование. Я осталась в смотровой и воспользовалась моментом, чтобы проверить телефон. Я пропустила два звонка и одно сообщение от Райана.

– Прости, – напечатала я. – Суматошный день. Ты в порядке?

– Привет, – ответил он. – Думаю о тебе. Я вернусь ранним поездом. Встретимся дома в шесть?

Я посмотрела на часы на стене. Было уже четыре, к шести мне домой никак не успеть.

– Извини, но придется задержаться на работе, – напечатала я, и от этой фразы мне стало не по себе.

– О'кей, – ответил Райан. – Значит, увидимся позже?

– Да, – написала я. – Я могу задержаться. Не жди меня.

– Хорошо, – напечатал он.

Опуская телефон в сумку, я почувствовала, как желудок завязался в узел, и снова рухнула на стул. Воздух был стерильным, но тошнотворным, напоминая ужасное сочетание запахов антисептика и подкладного судна.

Прошло несколько часов, прежде чем доктор Грин вернулся. Его сопровождала женщина за пятьдесят в белом лабораторном халате. В ее лице и седых волосах до подбородка было что-то, напомнившее мне о миссис Рэмси, преподавательнице английского в старших классах, которую я всегда любила.

– Это доктор Брэнсон, – представил коллегу доктор Грин. – Она возглавляет отделение неврологии в Харборвью.

Я кивнула:

– Приятно познакомиться. Я Кайли Крэйн, старинный друг Кэйда Макаллистера.

– Я поняла, что мистер Макаллистер живет на улице, – сказала она. – Я попыталась с ним поговорить, но ответа не получила. В этом случае, учитывая тот факт, что у нас нет никаких сведений ни о его семье, ни о его адвокате, я буду считать вас его ближайшей родственницей.

– Разумеется. Я сделаю все, чтобы ему помочь.

– Мисс Крэйн, – продолжала врач, открывая ноутбук, который она держала в руках, и выводя на экран снимки, – у вашего друга определенно сломаны несколько ребер. Хотя селезенка явно увеличена, как вы видите, – она указала на один из снимков, – это не представляет непосредственной опасности. Я предполагаю, что ее состояние нормализуется без нашего вмешательства.

Доктор Брэнсон кликнула на другую иконку, и на экране появился новый снимок.

– А вот *это* снимок мозга вашего друга, – продолжала она. – На первый взгляд все кажется нормальным. – Невролог увеличила изображение, и я заворожено уставилась на него. – Но если приглядеться, мы можем увидеть, что некоторые участки ярче, что указывает на отек головного мозга. Это может быть последствие недавней травмы. Я рассмотрела все снимки, но все-таки не уверена в этом.

Я посмотрела ей в глаза.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду следующее. Это может быть доказательством того, что некоторое время назад у вашего друга была черепно-мозговая травма. Доктор Грин сказал мне, что когда-то он владел компанией, жил полной жизнью. Это так?

Я кивнула.

– Да, это так. Раньше он таким не был. Я предполагаю, что с ним что-то произошло.

– Я тоже так считаю, – сказала доктор Брэнсон.

Мои глаза сузились:

– Что это могло быть?

– Падение, автокатастрофа, что угодно, – ответила врач, – вариантов множество. Судя по всему, после этой травмы ваш друг так и не оправился. У меня было мало времени для осмотра, но мой предварительный диагноз – ТПМ.

– ТПМ?

– Травматическое повреждение мозга, – пояснила доктор Брэнсон. – У него явные нарушения когнитивной функции, амнезия, но, согласно вашему докладу, – она повернулась к доктору Грину, – он временами что-то вспоминает и понимает.

– Да, – подтвердила я. – Я знаю, что он узнал мою татуировку, и полагаю, что он меня вспомнил, во всяком случае, до какой-то степени.

Доктор Брэнсон кивнула:

– Вполне вероятно, что он может помнить больше. Мы называем этот феномен памяти «швейцарским сыром». То есть в целостной картине достаточно много дыр. У многих пациентов с ТПМ даже после выздоровления остаются провалы в памяти. Хотя семья и друзья могут по мере возможности эти провалы заполнять.

Я выпрямилась на стуле.

– То есть вы хотите сказать, что есть надежда на... выздоровление?

– И да и нет, – ответила врач. – У вашего друга впереди долгая и непростая борьба. Ему необходима терапия, новый образ жизни. Но даже

при самом лучшем лечении остается неясным, как он на него отреагирует.

– Как мне обеспечить ему такое лечение? Что я могу сделать?

– Мы как раз начинаем новую программу, – сказала доктор Брэнсон, – и я считаю вашего друга наилучшим кандидатом для нее. Мы недавно получили средства для создания реабилитационного центра, ориентированного на пациентов с ТПМ. Он рассчитан на двенадцать человек. Шансы невелики, но вполне возможно, что для него найдется место.

– Это было бы замечательно! – воскликнула я. – Когда он смог бы туда переехать?

Невролог достала из кармана визитку и протянула мне:

– Позвоните мне завтра, и мы начнем процесс оформления документов. Но это при условии, что будет место и что ваш друг даст свое согласие. – Она перелистала бумаги Кэйда. – Одна из моих ассистенток проверит архивы за последние десять лет и выяснит, не лечился ли некий неизвестный от черепно-мозговой травмы. Когда, вы сказали, ваш друг пропал?

Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза.

– Летом 1998 года. В последний раз я видела Кэйда 1 августа. Он был сам не свой. Мы поссорились. В тот день я ушла из его квартиры, не думая ни о чем плохом. Да, у него были трудности, но я и представить себе не могла, что больше никогда его не увижу. Казалось, он исчез с лица земли.

– Понятно, – резюмировала доктор Брэнсон. – Возможно, что мы будем искать иголку в стоге сена, но все же мы проверим истории болезни всех пациентов без документов за прошедшие годы и посмотрим, не найдется ли какая-то связь. Если нам удастся выяснить, что с ним произошло, или понять природу его травмы, то это поможет составить план его лечения.

Я кивнула:

– Спасибо вам большое.

Было уже почти десять часов вечера, когда в зале ожидания ко мне подошла медсестра. Я почти засыпала.

– Мы перевели его на пятый этаж, – сообщила она. – Хотим оставить его на ночь, чтобы последить за его состоянием.

– Спасибо. – Я встала и начала собирать вещи.

– Я могу поставить в палате еще одну койку, если вы хотите остаться.

Я подумала о Райане.

– Я... не могу. Но мне хотелось бы заглянуть к нему и пожелать спокойной ночи перед уходом.

– Пожалуйста. Идите за мной, я отведу вас в палату.

Лифт устремился вверх. Я чувствовала, что медсестра не сводит с меня глаз.

– Этот человек что-то для вас значит? – спросила она.

Поначалу ее вопрос застал меня врасплох. Я не знала, что ответить. Только Кэйд замечал, что обычно все эмоции отражаются на моем лице, только он видел меня насквозь. «Тебя застали врасплох», – так он всегда говорил.

– Вы очень наблюдательны, – наконец сказала я медсестре. – Он действительно много для меня значит.

Медсестра проводила меня в палату Кэйда. Там было темно, лишь в окно струился свет города, который он когда-то так любил.

– Мистер Макаллистер, – прошептала медсестра.

Он не ответил, и по его дыханию я поняла, что он спит.

– Вот и хорошо, – шепотом сказала она мне. – Ему необходим отдых.

Я кивнула, подошла поближе. Его исхудавшее тело прикрывало тонкое одеяло, лицо было опухшим, раны перевязали. По трубочке через нос поступал кислород, к вене на правой руке подключили капельницу.

– Спокойной ночи, Кэйд, – прошептала я.

– Идите домой, – посоветовала медсестра. – Отдохните немного. Я за ним присмотрю. Не беспокойтесь.

– Спасибо, – поблагодарила я, и глаза защипало от слез. Я догадалась, что женщина это заметила.

– С ним все будет в порядке, – успокоила меня она. – Я это чувствую.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

– Надеюсь.

Я направилась к двери, но на полпути вернулась. Порывшись в сумке, я нашла айпод. В его плейлист входили сотни песен, которые он когда-то любил – *мы* когда-то любили. Я осторожно вставила наушники Кэйду в уши и включила музыку. Его веки чуть дрогнули, когда зазвучала песня Follow You Down^[29] группы Gin Blossoms^[30].

* * *

Домой я пришла после одиннадцати, и Эдди встретил меня у двери.

– Привет, парень, – шепнула я и опустилась на колени, чтобы приласкать пса. Я заметила куртку и чемодан Райана и подумала, что он, может быть, уже спит. Сколько еще я смогу скрывать от него эту тайну?

Я тихонько положила ключи на столик, посмотрела на лестницу, ведущую в нашу спальню, и пошла в гостиную. Там я улеглась на диване и накрыла уставшее тело пледом. Закрыв глаза, я увидела лицо Кэйда. Он стоял на балконе нашего номера в отеле в Биг-Сур. Высокие стеклянные двери были распахнуты настежь. Волны разбивались о скалы внизу, отражая силу моей любви.

Глава 12

13 декабря 1996 года

– Смотри, снег пошел, – сказал Кэйд.

Я выглянула в окно такси и увидела легкие снежинки, кружащиеся в воздухе. Мы ехали в «Мишу Суши» во Фримонте, где мне предстояло впервые встретиться с его деловым партнером. Если не считать тети, то Джеймс был самым близким для Кэйда человеком, почти родственником. Поэтому он оказал мне честь, решив познакомить с Джеймсом.

– Люблю снег, – ответила я, – он делает меня счастливой.

– Меня тоже, – улыбнулся Кэйд. – Но такими холодными ночами я всегда беспокоюсь о бездомных. В переулке за моим домом живет один старик. Позавчера я вынес ему чашку кофе. Его зовут... Айвен, кажется. А сегодня ночь точно будет морозной.

– Насколько легче быть ребенком, – вздохнула я. – Когда шел снег, значение имело только то, что ты не пойдешь в школу и будешь с друзьями лепить снежную бабу.

– Точно, – хмыкнул Кэйд. – У моей тети был лучший в округе холм для катания на санках. Мы с Джеймсом обычно проводили на улице весь день, пока она не звала нас домой, чтобы угостить горячим шоколадом.

– Да, было время... – сказала я.

– Действительно.

Я улыбнулась:

– А у тебя бывало так, что ты в детстве шел в продуктовый магазин и возвращался с котенком?

Кэйд рассмеялся:

– Конечно. У магазина всегда оказывалась женщина с коробкой котят, которых она отдавала просто так.

– Точно. Но теперь такого не встретить.

Мы оба рассмеялись.

– Так чего мне ждать от нашей сегодняшней встречи с Джеймсом? – спросила я.

– Ну как тебе описать моего друга? – Кэйд на минуту задумался. – Он высокий и очаровательный, очень умный. Если подумать, то он просто подарок. Смотри не сбеги с ним.

Я расхохоталась:

– Постараюсь держать свои порывы под контролем.

Кэйд сжал мои пальцы.

– Мы с Джеймсом очень разные, – добавил он. – Но каким-то образом мы ладим как друзья и как деловые партнеры, хотя это не всегда легко.

– Почему?

– Приведу пример. Как раз сейчас Джеймс решил развивать компанию в другом направлении.

– О?

– Он считает, что мы должны подписать контракт с группой Flying Limbs^[31]. Их фронтмен считает, что у него божий дар к музыке, хотя у него в прошлом есть судимость, и к тому же он требует огромный аванс. То есть у них невероятная популярность, но... – Кэйд покачал головой, – я не уверен, что это те люди, с которыми мы хотим работать.

– А Джеймс хочет?

Кэйд кивнул:

– Дело не только в этом. Он сам занимается этим проектом. Позавчера Джеймс повел группу ужинать в ресторан без меня. А раньше мы все делали вместе.

Он пожал плечами.

– Жаль. Значит, лидер группы был когда-то осужден? – уточнила я.

– Да. Всей истории я не знаю, но, судя по всему, он изнасиловал девушку, когда был несовершеннолетним.

– Мерзавец!

– Согласен. – Кэйд покачал головой. – Такое ощущение, будто Джеймс темнит. На прошлой неделе он говорил о том, чтобы подписать контракты с несколькими исполнителями, у которых всего один хит на радио. Можно долго томиться на земле Spice Girls^[32], прежде чем тебе захочется оттуда вырваться.

– Spice Girls?

Кэйд округлил глаза:

– Это девичья группа, «выстрелившая» в Великобритании. Ожидается, что следующим летом они порвут радиоэфир Америки. Готовьтесь к серьезному загрязнению радиочастот. Я занялся этим бизнесом не для того, чтобы продвигать коммерческие хиты. Для меня все это только ради музыки, хорошей музыки.

Я кивнула:

– Понимаю. А вы с Джеймсом можете прийти к согласию?

– В конце концов так и происходит, но это постоянная борьба, – ответил Кэйд. – Иногда меня это изматывает.

Он вытащил бумажник и расплатился с таксистом. Высокий мужчина, подходивший под описание Джеймса, стоял под голубым навесом рядом с женщиной с темными кудрявыми волосами. Он бросил сигарету на тротуар, покрытый легким слоем снега, и затушил ее.

– Ох, – вполголоса добавил Кэйд, – я забыл тебе сказать, что Алексис тоже будет.

– Это помощница Джеймса? – уточнила я. Кэйд несколько раз упоминал имя девушки.

– Да, – ответил он. – Она просто волшебница, когда дело касается бухгалтерии. Нам и бухгалтер не нужен. – Кэйд откашлялся. – Кстати, они с Джеймсом встречаются.

– Вот как!

Кэйд хрустнул костяшками пальцев.

– Понимаю, это несколько странно. И я не уверен, что Алексис действительно влюблена в Джеймса. Но я предпочитаю в это не вмешиваться, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Я кивнула.

Когда он выходил из такси, водитель повернулся к нам.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я не мог не услышать ваш разговор. Вы действительно Кэйд Макаллистер из «Стихия Рекордс»?

– Собственной персоной, – подтвердил Кэйд.

– Вау! Меня зовут Род. Я большой фанат. У меня... э... своя группа. Я играю на ударных и на гавайской гитаре. У нас есть демозапись. Может, вам захочется ее послушать.

– Рад знакомству, Род, – тепло ответил Кэйд. – Сейчас я иду на ужин с друзьями, но ты пришли записать на фирму, и мы обязательно ее послушаем. Как звук?

– Отличный, – просиял таксист. – Я сам за всем следил.

– Держу пари, такое с тобой случается сплошь и рядом, – прошептала я Кэйду, когда мы уже стояли на тротуаре.

– Если бы я получал доллар каждый раз, когда это происходит...

Он не договорил, потому что к нам уже подходили Джеймс и его помощница.

Партнер Кэйда был одет в сорочку на пуговицах и синие джинсы. Он был больше похож на выпускника престижной школы, чем на главу продюсерской фирмы, но это ему шло. Алексис оказалась миниатюрной. Под черное шерстяное пальто, не застегнутое на пуговицы, она надела черное платье, черные колготки и черные ботинки «Док Мартенс» с желтыми шнурками. Хорошенькая, но не бросающаяся в глаза. Темные

волосы, зеленые глаза. Она напомнила мне одну из девушек в колледже, которые сменили одежду от «Гэп» на винтажные наряды и носили кольцо в носу. Алексис нежно улыбнулась нам.

– Привет, дружище, – поздоровался Джеймс с Кэйдом, потом улыбнулся мне. – Так вот она какая, эта девушка.

Кэйд не солгал: его друг был само очарование.

– Привет. – Я протянула руку. – Меня зовут Кайли.

– Очень приятно познакомиться с тобой, Кайли, – сказал Джеймс. – А это Алексис, моя помощница.

– Рада познакомиться с тобой, Алексис, – вежливо ответила я.

– Мы слышали о тебе столько хорошего. – Она улыбнулась мне, а потом взглянула на Кэйда. Джеймс нежно коснулся ее спины, как это делает близкий человек.

– Замечательно, что мы смогли наконец втиснуть ужин в наше расписание, – добавил Джеймс. – Может быть, зайдём внутрь и сядем за столик? Суши здесь бесподобные.

– Не зря Фримонт называют центром вселенной, – сказала я и подмигнула, когда мы входили в ресторан.

Джеймс заказал несколько тарелок с суши и дорогую бутылку sake. Ее принесли сразу же, перелили содержимое в маленький каменный графинчик, а оттуда в крошечные каменные чашечки.

– За новых друзей и хорошую музыку. – Джеймс произнес тост, поднимая чашечку.

– Ваше здоровье! – Я чокнулась со всеми и в этот момент поймала взгляд Алексис, но она сразу перевела глаза на Джеймса.

– Кэйд сказал тебе, что мы сегодня подписали контракт с Этаном Уайтом?

Я покачала головой.

– Это тот самый Этан Уайт из мальчиковой группы на радио?

– Да, из той самой «мальчиковой группы», – Джеймс обозначил пальцами кавычки, – которая получила платиновый диск в прошлом году.

Я вспомнила, как мы с Трэиси смеялись над их клипом на песню All the Way^[33]. Мы тогда решили, что мужчинам точно не стоит одеваться во все белое. Белая футболка – это одно, а футболка, брюки, ботинки и шляпа? Честно говоря, это было *плохо*.

– С нами Этан выпустит сольный альбом, – продолжал Джеймс. – Это будет бомба.

Кэйд заерзал и сделал глоток sake, словно при одной только мысли об этом у него началась крапивница.

– Возможно, это будет коммерческий успех, – не выдержал он. – Но, Джеймс, мы же оба с тобой знаем, что этот парень – музыкальный банкрот.

– Для «Стихия Рекордс» контракт с Этаном Уайтом – отличная сделка, – ответил Джеймс и с силой выдохнул.

Кэйд снова налил саке в свою чашечку.

– Я же говорил тебе, что хотел бы еще подумать над этим. – Он явно нервничал. Я никогда не видела его в таком состоянии и насторожилась.

Джеймс взмахнул руками:

– О чем тут думать? У нас будет платиновый исполнитель, получивший «Грэмми», который хочет записывать с нами музыку.

– Но это не наша музыка, Джеймс, и тебе это известно. – Голос Кэйда зазвучал громче.

Его партнер бросил сочувственный взгляд в мою сторону:

– Что ж, теперь ты сама видишь, как проходят дни в «Стихия Рекордс».

Кэйд встал.

– Я не хочу говорить об этом здесь, дружище, – сказал он. – Давай ненадолго выйдем.

Джеймс поднял брови:

– Как скажешь, парень.

Он с улыбкой повернулся к нам:

– Дамы, извините нас.

Мы с Алексис в неловком молчании смотрели вслед мужчинам. Они вышли на тротуар. Алексис не выглядела слишком расстроенной, и я задумалась о том, не слишком ли часто она становилась свидетельницей подобных сцен за прошедшие годы. Через окно нам было видно, как Джеймс и Кэйд обсуждают свои проблемы, оживленно жестикулируя.

– Иногда они сцепляются, словно братья, – со знанием дела заметила Алексис. Она наклонилась ко мне, как будто собиралась открыть секрет. – Но они любят друг друга. Им всегда удастся договориться. – Она махнула рукой официанту и заказала нам еще выпить. – Выпей еще, – со смехом предложила она, – это за счет фирмы.

Джеймс и Кэйд вернулись через десять минут, и было заметно, что они пришли к согласию. Мы доели суши, поболтали на безобидные темы под еще одну бутылку саке, а потом направились к выходу.

– Было приятно познакомиться с тобой, Кайли, – сказала Алексис, пожимая мне руку. Язык у нее немного заплетался, и я догадалась, что саке так же ударило ей в голову, как и мне. Мои щеки горели. Алексис повернулась к Кэйду и поцеловала его в щеку. Если это не понравилось Джеймсу, то вида он не подал.

– Когда ты появишься в офисе в понедельник? – спросила она у Кэйда, когда Джеймс взял ее за руку.

Он посмотрел на меня.

– Надеюсь, не раньше полудня.

– О'кей. – В голосе Алексис явственно слышалась досада. – Я приготовила тебе контракты на подпись.

Кэйд кивнул и помахал им на прощание рукой. Мы вышли на улицу и сели в такси. Когда машина отъезжала, я посмотрела в окно. Фигуры Джеймса и Алексис расплывались в темноте снежного вечера.

Когда мы вернулись в квартиру Кэйда, он выглядел измученным, его мысли были заняты чем-то другим. Он открыл холодильник и бездумно посмотрел в него. Снег пошел сильнее. Несмотря на неловкость, возникшую за ужином, мне понравился этот вечер, потому что я была с Кэйдом. Я включила гирлянду, которой мы украсили маленькую рождественскую елочку Чарли Брауна^[34]. Мы выбрали ее на рынке на площади Королевы Анны в прошлые выходные.

– Ты в порядке? – спросила я, обнимая Кэйда за талию. – Ты как будто немного напряжен.

– Прости. Джеймс умеет вывести меня из себя. Ему это всегда удавалось.

– Я понимаю, почему это у него получается, – сказала я. – То есть он милый и все такое, но есть в нем какая-то... неистовость, что ли.

– Точно, – согласился Кэйд. – Когда мы только начинали, возбуждение от первых успехов помогало не обращать на это внимание. Но теперь? – Он покачал головой. – Джеймс как будто превратился в твердолобого эгоманьяка.

– Жаль.

Кэйд вздохнул:

– А что ты думаешь об Алексис?

Я посмотрела на него:

– Думаю, она милая.

Он кивнул.

– Она замечательная. Одна из наших первых практиканток. Я нанял ее, когда она только закончила колледж. Я спросил ее тогда, какие записи она взяла бы с собой на необитаемый остров, и она ответила без колебаний: Nirvana, U2^[35], Beach Boys^[36].

– Ого, – оценила я. Меня удивило то, что Кэйд помнил ее интервью в

таких подробностях.

Он помолчал, потом понимающе посмотрел на меня.

– Вот ты опять, – улыбнулся он.

– Что опять?

– У тебя трепещут ресницы, когда ты расстроена или тебе что-то неприятно.

– Правда?

– Правда.

Я нервно улыбнулась:

– Мне никто никогда об этом не говорил.

– Это так мило, – сказал Кэйд.

Я притянула его к себе:

– А меня бы ты взял на работу?

– Сразу же.

Я улыбнулась, но взгляд Кэйда устремился куда-то вдаль.

– О чем ты думаешь? – спросила я.

Он вздохнул и опустил на диван.

– О том, что бизнес стал совсем другим.

– Это тебя мучает?

– Да. И я не уверен, что мне удастся снова сделать его таким, каким он был когда-то. – Кэйд с шумом выдохнул.

– Мне жаль. – Я сказала это и замолчала. Мне хотелось подбодрить его, чтобы он не отступал, сражался за то, во что верит. Мне хотелось сказать ему, что для меня и для многих других именно он – залог успеха «Стихия Рекордс», сердце фирмы. Но я прикусила губу и просто положила голову ему на плечо.

– Знаешь что? – вдруг спросил Кэйд.

– Что?

– Мы любим друг друга несколько месяцев, но никогда по-настоящему не разговаривали об этом. Для меня это значит, что мне спокойно рядом с тобой. И... мне тебя не хватает, когда тебя нет рядом.

У меня перехватило дыхание.

– Иногда музыка помогает мне выразить чувства. Знаешь песню U2 I Still Haven't Found What I'm Looking For?^[37]

Я заглянула в его глаза и пропела:

– Ночью было тепло...

– Я был холодным, как камень, – закончил он за меня. Это были две последние строчки четвертого куплета.

Кэйд встал и пригласил меня танцевать. В тишине наши тела

покачивались так, словно звучала музыка.

– Я *был* холодным, – сказал он. – Холодным и одиноким. Думаю, мы не знаем, что именно ищем, пока не находим это, – продолжал Кэйд. – И вот я... нашел тебя.

От слез у меня защипало глаза, но сдержала слезы.

– А я нашла тебя.

– Я все время искал тебя, Кайли. Я просто не знал об этом.

Кэйд взял мое лицо в ладони.

– С каждым днем я люблю тебя все сильнее, – прошептал он.

Я хотела ответить, но могла только впитывать эти прекрасные, идущие из самого сердца слова. Я потянулась к его руке, но он уже отвернулся от меня и отошел к окну.

– На улице буря, – сказал Кэйд, возвращаясь к дивану и беря плед с подлокотника. – Пойду отнесу это Айвену.

Когда он открыл дверь, поток зимнего воздуха коснулся моей кожи, словно свет холодной звезды, но я даже не вздрогнула. Мне было тепло.

Глава 13

19 ноября 2008 года

Я открыла глаза, разбуженная звуком кофемолки в кухне.

– Прости, – извинился Райан, когда увидел, что я села на диване.

Я зевнула и потерла глаза.

– Все в порядке, – сонно пробормотала я.

– Почему ты не легла в постель вчера вечером? – спросил он.

– Я поздно вернулась.

В моей памяти всплыли события предыдущего дня. Все снова стало четким и ясным. Я содрогнулась, вспомнив раны Кэйда.

– Мне не хотелось тебя будить.

Райан подошел к дивану и сел рядом со мной.

– В следующий раз, – сказал он, прижимаясь своим носом к моему, – разбуди меня, ладно?

Я с улыбкой кивнула:

– Ладно.

Дождь барабанил по оконному стеклу, и меня захватило желание спрятаться под пледом на весь день или, может быть, навсегда. Разжечь огонь в камине и молиться о буране, чтобы нас занесло и я могла упасть в объятия Райана и попытаться не думать об избитом человеке в палате на пятом этаже медицинского центра Харборвью.

– В этом году нам стоило бы купить рождественскую елку, – сказала я.

– В самом деле? – спросил Райан, перебирая стопку корреспонденции. – На мой взгляд, от нее только грязь и беспорядок.

– О! – Его слова меня ошеломили.

Он поднял глаза:

– Конечно же, дорогая, если ты хочешь елку, мы обязательно ее купим.

– Нет, – ответила я, – ты прав. От них больше неудобства, чем удовольствия.

Я почувствовала, как его сильная рука обнимает меня за талию.

– Прости меня, я повел себя как чурбан. Я ведь знаю, как ты любишь это время года. Давай поедem и купим елку. Можно на следующей неделе.

Я улыбнулась и кивнула, Райан чмокнул меня в лоб.

– Кстати, я забыл тебе сказать, – спохватился он, меняя тему, встал и вернулся в кухню, чтобы проверить кофе. – Мои родители звонили вчера вечером. Они прилетают сегодня.

– Сегодня вечером?

Райан вернулся и снова сел ко мне на диван, протягивая чашку с дымящимся кофе, именно таким, какой я люблю.

– Ага.

Я нахмурилась:

– Я думала, что они приедут в выходные.

– Знаю, – продолжал Райан, – я тоже так думал. Но, судя по всему, папа назначил встречу на более ранний срок, а мама решила лететь с ним. Я могу снять для них номер в «Фэрмонте», если хочешь. Это...

– Нет, – ответила я. Я могла испытывать сколь угодно сильный стресс, но это были родители Райана. И хотя они иногда действовали мне на нервы, я не для того жила столько лет без родителей, чтобы наконец заполучить их и поселить в гостинице.

– Это и моя семья. Они останутся у нас.

Райан улыбнулся:

– Папа с мамой приедут около девяти. Я решил, что мы могли бы завтра с ними поужинать. Я заказал столик в ресторане «У Герцога» на Пятой авеню. В семь часов нормально?

– Да... э... думаю, да, – ответила я, делая первый глоток кофе. Огромная коробка со свадебными приглашениями стояла на кухонном столе. Их надо было заполнить, вписать адреса и наклеить марки. Я остановилась возле стола, взяла одно приглашение, вспоминая, с каким трудом выбирала нужную текстуру бумаги для конвертов, пока не остановилась на текстуре «лен». Как же мне хотелось вернуться в то время, когда меня волновали такие мелочи!

– Отправим ли мы, наконец, этих малышей адресатам? – с улыбкой поинтересовался Райан.

– Да, – быстро ответила я. – Я собиралась ими заняться на прошлой неделе. Но началась такая суматоха.

– Я могу помочь, ты же знаешь. У меня *не настолько* плохой почерк.

– Конечно же, я буду рада, если ты поможешь. Давай будем настраиваться на свадебный лад со следующей недели, договорились?

Райан кивнул, обнял меня и улыбнулся:

– Ты не увиливаешь?

– Точно не увиливаю. – Я улыбнулась ему в ответ.

– Уверена?

Я быстро чмокнула его.

– На все сто.

Мой телефон подал сигнал, что пришло сообщение. Я быстро

заглянула в почту и вспомнила, что в девять тридцать у меня интервью с девелоперами. Как я могла об этом забыть?

– Проклятье, – выругалась я. – У меня утром серьезное интервью с девелоперами, – сказала я Райану.

Я покачала головой.

– Вот как раз этого мне сейчас совершенно не хочется, но я должна узнать детали их планов в отношении площади Пионеров. Это необходимо для статей.

– Хочешь, чтобы я кое-кому позвонил? Попросил их хорошо себя вести? Чтобы они дали тебе возможность посмотреть на макеты ради эксклюзивности материала?

– Ты очень добр, но это будет непрофессионально. Я справлюсь.

– Ладно, увидимся вечером. – Райан взял пальто. – Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала я, когда за ним закрылась дверь.

Я приехала в небоскреб в Беллтауне с часовым опозданием, и меня провели в совершенно обезличенный зал заседаний с бутылочками воды на столе и печеньем. Через пять минут в зале появились пятеро мужчин. Двоих из них звали Боб. Кроткая секретарша наклонилась ко мне.

– Вам что-нибудь принести? – спросила она практически шепотом.

Я покачала головой:

– Нет-нет, спасибо, ничего не надо.

Один из тех, кого звали Боб, заговорил:

– Мисс Крэйн, какое удовольствие встретиться с вами.

– Я тоже рада нашей встрече, – вежливо ответила я. Представились и остальные мужчины: Стив, Дэн и Фил. Я сидела напротив них за длинным дубовым столом медового оттенка. Я взяла сумочку, достала блокнот и ручку.

– Вы, разумеется, в курсе, что я пишу серию статей для «Сиэтл Геральд» о будущем площади Пионеров. Я знаю, что каждый из вас отстаивал свои интересы перед городским советом в реконструкции этого квартала.

Я открыла страницу, на которой делала записи о компании «Крейтон Пропертиз».

– Боб, вы предлагаете снести приют для бездомных на Мейн-стрит. Почему?

– Простой расчет, – ответил он. – Если построить приют, от бездомных не отделаешься.

– Пожалуйста, объясните ваши слова. – Я делала записи в блокноте.

– Возможно, вы этого не помните, но приют был построен в 1996 году, – продолжал Боб. – С тех пор бездомные буквально наводнили окрестности. Невозможно пройти и пары футов, чтобы не наткнуться на одного из них.

Я не стала говорить Бобу, что помню, когда был построен приют. Не упомянула я и о том, что Кэйд жил в соседнем доме.

– Но, Боб, вы не можете не понимать, что, кроме этого приюта, у людей, не имеющих крыши над головой, остается очень мало возможностей для ночевки в тепле.

– Не имеющих крыши над головой? – Боб хмыкнул, и я заметила, как затрясся его живот. – Милочка, мы говорим о наркоманах и пьяницах. Эти люди живут за счет общества и отказываются работать. Аутсайдеры.

Я откашлялась.

– Аутсайдеры?

– Вот именно, – вступил в разговор другой Боб. – Послушайте, у нас не каменные сердца. Если бы вы прочли наше предложение, вы бы увидели, что в наш план входит переселение этих людей на более чем адекватных условиях.

– Переселение?

– Да-да, – добавил первый Боб.

– То есть вы готовы построить новый приют в другом месте?

– Не совсем так, – подал голос еще один из пятерки – кажется, это был Стив.

– Что тогда? Если вы снесите приют, чтобы построить многоэтажный кондоминиум, то куда пойдут сотни людей, которым помогают сейчас в приюте?

– Как насчет «Макдоналдса», «Тако Белл», «Сабвея»? – предложил Фил.

Я покачала головой:

– Я вас не понимаю.

Фил улыбнулся:

– Мы говорим о работе, мисс Крэйн. Мы не верим в подачки, мы верим в работу. И наш план включает в себя щедрое предложение для достижения этой цели.

Я отложила блокнот.

– Вот теперь мне все понятно. Поверьте мне, я верю в работу ничуть не меньше, чем вы все. Но пока я говорила с людьми, готовя эту серию статей, я поняла одну вещь: бездомность – это комплексная проблема.

Я подумала о Кэйде и многих других, кто, как и он, не выбирали жизнь

на улице.

Боб номер 1 пожал плечами.

– Что ж, придется констатировать наше несогласие, – заявил он. – Но мы надеемся, что вы отразите в статье нашу точку зрения.

– Обязательно, – ответила я.

По дороге в Харборвью я позвонила Джен:

– Только что закончила интервью с девелоперами.

– Как все прошло?

Я округлила глаза:

– Подробности потом. Но если описать одним словом, то «брр»!

– Ты сегодня появишься? – спросила Джен.

– Нет, возьму выходной. Кэйд в больнице.

Она ахнула:

– О нет! Что с ним?

– Его сильно избили, – объяснила я. – Сломано несколько ребер, но повреждения в основном поверхностные. Есть хорошая новость: врач-невролог полагает, что он может принять участие в программе для пациентов с травматическими повреждениями мозга. Именно такое повреждение они у него подозревают. В любом случае я сейчас еду в Харборвью.

– Я не ограничиваю тебя во времени, – сказала Джен. – Seriously.

Я с облегчением выдохнула:

– Ты даже не представляешь, насколько неловко я себя чувствую, оставляя тебя в этой ситуации. У меня такое ощущение, что вся моя жизнь летит под откос.

– О работе не волнуйся, – сказала Джен. – То есть сваливать на меня всю работу не надо, но возьми несколько дней, чтобы со всем разобраться. А пока я тебя прикрою.

– Спасибо. – Я въехала в подземный гараж.

– Ты уже рассказала Райану? – спросила Джен.

– Нет, я боюсь.

– Кайли, тебе следует обо всем ему рассказать. Он заслуживает того, чтобы знать об этом.

Когда я вошла в палату, Кэйд не спал. В утреннем свете стены казались еще более тусклыми. Видимо, даже несколько слоев краски не смогут скрыть цвет болезни.

– Привет. – Я подошла к его кровати. У него на коленях лежали айпод

и наушники, которые я ему оставила накануне. Понравилась ли ему музыка? Кэйд даже не посмотрел на меня. – Ты ел?

Его взгляд был устремлен вдаль, когда я протянула руку к телефону на тумбочке у кровати.

– Здравствуйте, я в палате 502 с Кэйдом Макаллистером, – сказала я. – Он что-нибудь ел сегодня утром?

– Мы приносили завтрак мистеру Макаллистеру час назад, он отказался есть, – ответила медсестра.

Я посмотрела на Кэйда, худого и потерянного.

– Что было на завтрак?

– Сейчас я проверю. – В голосе медсестры явно слышалась досада. Я услышала, как она шелестит бумагами. – Ах да, вот: овсянка со сливами и молоком.

– Он ненавидит овсянку, – сказала я.

– Но именно это рекомендует наш диетолог пациентам со сломанными ребрами, – ответила медсестра. – Нельзя перегружать кишечник грубой пищей. Необходимо избегать...

– Принесите ему, пожалуйста, омлет и тост, – прервала я ее. – И обязательно соус «Табаско». Он его очень любит.

– Я посмотрю, что можно сделать, – пообещала медсестра.

Через полчаса молодая женщина из кафетерия принесла поднос с едой. Она улыбнулась мне и поставила его на столик перед Кэйдом.

– Спасибо, – поблагодарила я ее.

Я сняла свитер, положила его на стул у окна, вернулась к кровати Кэйда, сняла металлический купол с тарелки. Омлет и тост. Увидев маленькую бутылочку с «Табаско», я почувствовала благодарность к персоналу, сбрызнула соусом омлет, потом потянулась за вилкой.

– Съешь кусочек. – Я предложила омлет Кэйдку.

Он упрямо смотрел на какую-то невидимую точку, но меня это не остановило. Я осторожно поднесла вилку к его губам, и, словно по волшебству, он открыл рот. Кэйд проглотил кусок омлета и посмотрел на меня, ожидая следующего, будто ребенок. Я дала ему еще один кусок омлета, потом кусочек тоста. После каждого куска он пристально смотрел на меня.

– Ты снова окрепнешь, – приговаривала я. – Но ты должен есть, договорились? Ты такой тощий. – Я улыбнулась. – Ты никогда не был толстяком, но животик у тебя был. Помнишь, я еще подшучивала над этим?

Кэйд молча открывал рот навстречу каждому куску, когда вилка оказывалась у его губ. На меня снова нахлынули воспоминания. Вот мы с

ним потягиваем вино на крыше моей квартиры. Вот я хожу между гостями с подносом с закусками на вечеринке, которую Кэйд устроил у себя дома в честь новой группы их фирмы. Вот мы с ним идем, держась за руки, по рынку на Пайк-плейс.

– Ты всегда любил острую еду, – продолжала я. – Честное слово, стоило мне не слишком удачно приготовить какое-то блюдо, я добавляла в него перец чили или поливала его соусом «Табаско». И тебе оно сразу казалось божественным. – Я улыбнулась, когда Кэйд съел еще кусочек омлета. – Это был мой маленький секрет.

Я поднесла стакан с водой к его губам, он отпил глоток, по-прежнему не сводя с меня глаз. Он как будто пытался заставить мозг вспомнить меня. Я поняла, что он что-то вспомнил. Каково это – ничего не помнить? Как-то раз я сама проснулась утром, все еще не придя в себя после приснившегося сна. Накануне я была на конференции риелторов в Атланте и выпила слишком много вина. Секунд десять я не понимала, кто я и где нахожусь. Как будто мой мозг временно отключился или никак не мог набрать обычную скорость. Я лежала в состоянии полной протрации. *Кто я? Где я? Что я делаю? Как я сюда попала?* Но потом мозг заработал, колесики завертелись, мой мир снова стал ясным и понятным.

Произойдет ли то же самое с Кэйдом? Я взяла поднос и поставила его на подоконник. В эту минуту дверь распахнулась, и вошла доктор Брэнсон.

– Доброе утро, – поздоровалась она, направляясь напрямик к Кэйду. Врач поправила капельницу, измерила ему давление и проверила другие показатели.

Она кивала в такт своим мыслям и делала записи в истории болезни. Потом доктор Брэнсон повернулась ко мне:

– Мы с коллегами пришли к выводу, что ваш друг был бы идеальным кандидатом для программы, о которой я рассказывала вам вчера. Но, к сожалению, свободных мест нет.

– О! – Я расстроилась.

– Но у меня появилась идея, – продолжала доктор Брэнсон. – Я обсудила ее с коллегами. На третьем этаже есть квартира, она еще не совсем готова, но мы ищем возможность подготовить ее для Кэйда.

– Да-да, – закивала я, – это было бы чудесно.

– Независимая жизнь стала бы для Кэйда большим шагом вперед, – сказала она. – Но за жильцами таких квартир присматривает медицинский персонал. Мы полагаем, что это наилучший способ для пациентов с ТПМ вернуться к жизни в обществе.

Врач протянула мне пакет документов.

– Мы сможем принять его только через две недели, поэтому на это время ему потребуется временное жилье.

Мое сердце забилося чаще.

– Временное жилье?

– Да, – подтвердила доктор Брэнсон. – Уверена, вы сумеете ему в этом помочь.

Я кивнула, думая о Райане, его родителях, моей жизни.

– Да-да, разумеется, я все сделаю.

– И хотя программа существует на субсидии, гранты покрывают ее не полностью. Ваш друг определенно не имеет страховки, поэтому часть расходов на питание и проживание необходимо будет оплатить. – Невролог протянула мне еще стопку бумаг. – Это около пяти тысяч долларов.

Я сдержанно кивнула. У нас с Райаном были деньги. Мы недавно объединили наши финансы. Хотя у нас были внушительные накопления и эта сумма стала бы всего лишь каплей в море нашего финансового благополучия, я все же почувствовала себя неловко. Как я смогу заплатить за Кэйда, ничего не сказав об этом Райану? Я обману его доверие.

– Мне неприятно торопить вас, но, боюсь, депозитный чек нужно представить сегодня, чтобы закрепить за Кэйдом место.

Я кивнула и потянулась за сумочкой.

– Это не проблема, я обо всем позабочусь, – сказала я.

Я протянула врачу чек, а она передала его помощнице, только что вошедшей в палату.

– Гейл, отнеси, пожалуйста, этот чек в мой кабинет, и пусть Джон начинает регистрацию мистера Макаллистера.

Мы обе посмотрели на Кэйда. Теперь он закрыл глаза.

Доктор Брэнсон понизила голос до шепота:

– Мы не могли бы поговорить с вами в коридоре?

Я кивнула и вышла следом за ней из палаты.

Как только за нами закрылась дверь, она открыла папку и достала пачку листов, скрепленных степлером.

– Моя помощница проверила архивы и, как я и думала, нашла пациента без документов, чье описание подходит под внешность вашего друга. Он поступил 4 августа 1998 года. В истории болезни написано, что его доставила «Скорая помощь». Он был без сознания, с травмой черепа и последующим отеком мозга. Удостоверения личности при нем не оказалось. Судя по записям, он пролежал в коме две недели. После того как он очнулся, его вскоре выписали. Здесь есть запись терапевта, который его лечил. Сейчас я ее прочту.

Доктор Брэнсон замолчала, ее глаза заскользили по строчкам.

– Интересно.

– Что?

– Он ушел из больницы вопреки рекомендациям врача.

Я покачала головой:

– Не понимаю.

Врач посмотрела на меня:

– Здесь сказано, что терапевт пытался уговорить пациента остаться и продолжить лечение, поскольку врач подозревал травму головного мозга. Но на другой день Кэйд ушел.

– Ушел?

– Здесь только сказано, что его выписали.

– Как?

– Больница не имеет права задерживать пациента против его воли, – продолжала доктор Брэнсон. – Забрали Кэйда или он ушел по собственной воле, мы этого никогда не узнаем.

* * *

Остаток утра я провела, наблюдая за Кэйдом. Мне отчаянно хотелось пробраться хотя бы на минуту в его мозг, чтобы понять, что он чувствует, что помнит, что случилось с ним в тот августовский вечер много лет назад. Ведь с ним точно что-то произошло.

Мог ли Джеймс забрать Кэйда из больницы? Если да, то почему не сказал мне об этом? Я взяла телефон, вышла в коридор и набрала его номер. Мне снова ответил непробиваемый парень-секретарь. Неужели он работает семь дней в неделю?

– Мне необходимо поговорить с Джеймсом Китли, – сказала я. – Это возможно? У меня срочное дело.

– Как вас представить?

– Кайли Крэйн.

– О! Сожалею, но он недоступен.

– Недоступен?

– Именно так.

Я вздохнула.

– Судя по всему, для вашей компании это обычная ситуация. Как только он вынырнет, чтобы глотнуть воздуха, пожалуйста, попросите его позвонить мне.

Я продиктовала секретарю номер телефона. Он что-то пробормотал в знак согласия и повесил трубку.

Я убрала телефон обратно в сумку и посмотрела на Кэйда, не уверенная в том, понимает ли он, что происходит. Но у меня защемило сердце, когда я увидела, как из его правого глаза выкатилась слеза и покатилась по щеке.

– Кэйд, тебе больно?

Он смотрел прямо перед собой, его подбородок едва заметно дрожал. Мне отчаянно хотелось успокоить его. Вылечить его мозг. Щелкнуть пальцами, чтобы снова все стало хорошо и правильно. Но я могла только быть рядом с ним. Я почувствовала знакомое притяжение и, не раздумывая, подошла к кровати и легла рядом с Кэйдом. Мой живот прижался к его спине, рука обняла его и аккуратно опустилась ему на грудь. Я слышала каждый удар его сердца. Его веки затрепетали и закрылись. Мои тоже.

* * *

– Прошу прощения, – издалека донесся до меня женский голос. *Кто? Что?* Я открыла глаза. *Где я?* Спустя мгновение все вокруг снова обрело четкость, как и лицо, склонившееся надо мной. Медсестра. Больничная палата. Я села и огляделась. Кэйд все еще спал.

– Простите, я, наверное, уснула. – Я потеряла глаза. – Который час?

– Около семи вечера, – ответила медсестра.

– Не может быть. – Меня охватила паника. Я раньше отправила сообщение Райану, чтобы буду дома к шести. Я встала, схватила сумочку, поймав собственное растрепанное отражение в зеркале.

– Мне пора уходить, – сказала я. – Не хочу его будить. Но утром я вернусь.

Медсестра, та самая, которая так по-доброму отнеслась ко мне накануне, проверяла мониторы, соединенные с Кэйдом проводами. Она кивнула.

– Не волнуйтесь, мы хорошо позаботимся о нем.

– Спасибо. – Я снова посмотрела на Кэйда, бородатого и худого. Его тело напоминало полумесяц под накрахмаленным больничным покрывалом. Мне очень не хотелось уходить от него, но я должна была это сделать.

– Привет, – окликнул меня Райан с дивана, как только я переступила порог.

– Привет, – отозвалась я, ставя сумочку на комод в прихожей. – Напомни мне, в котором часу прилетают твои родители?

– Их рейс задерживается, – ответил он. – Скорее всего они будут здесь после одиннадцати.

– О!

– Я их дождусь, но тебе необязательно составлять мне компанию. Я знаю, что у тебя была тяжелая неделя.

Я кивнула, благодарная за возможность скрыться наверху.

– Эй. – Райан снял с коленей ноутбук. – Около часа назад кто-то звонил из Харборвью, оставил для тебя сообщение. Что-то насчет центра для пациентов с травмой мозга.

У меня вдруг вспотели ладони. *Почему они позвонили на домашний номер?* И только тут я вспомнила, что именно этот номер указан в наших чеках.

– А! – отделалась я восклицанием, пытаюсь сообразить, что сказать Райану.

– Я записал номер. – Он взял с кофейного столика клочок бумаги и передал мне. – Надеюсь, это не у тебя травма мозга, о которой ты мне ничего не сказала. – Райан рассмеялся. – Полагаю, это опять связано с «Сиэтл Геральд»?

– Да, – солгала я. – То есть нет, конечно, у меня нет травмы мозга. – Я нервно рассмеялась.

– Иди ко мне, – позвал Райан.

Я устроилась рядом с ним на диване, и он переплел свои пальцы с моими.

– Я только что выяснил, что почти всю следующую неделю мне придется провести в Портленде, – сказал Райан. – Мы достигли самого важного этапа в проекте для площади Пионеров, и детали слишком важны, чтобы обсуждать их по телефону. – Он сжал мою руку. – Рабочая неделя будет короткой из-за Дня благодарения. Возможно, ты могла бы поехать со мной? Я знаю, что ты предпочитаешь пляжный отдых, но мы могли бы гулять вдоль реки. Ты бы писала статью, пока я работаю. Перемена обстановки пошла бы тебе на пользу.

Я не знала, что ответить. Мне одновременно хотелось и не хотелось

ехать. Но я не могла. Я нужна была Кэйд. Во всяком случае, до тех пор, пока он не поселится в своей новой квартире.

– Мне бы очень этого хотелось, – ответила я, – но на следующей неделе я не могу.

Райан убрал свою руку и резко встал.

– Понимаю. – По его тону было ясно, что он ничего не понимает. Он направился к входной двери.

– Райан, прости, я...

– Я понял. – Он снял с вешалки поводок Эдди. – Выведу пса на прогулку. Скоро вернусь.

Райан встретился со мной взглядом. Я знала, что он чувствует, что со мной что-то не так.

– Все в порядке. – Он застегнул на куртке «молнию».

Но я-то знала: не все в порядке. Ничего не в порядке.

На другое утро я проснулась раньше Райана, тихонько оделась и ушла, чтобы не беспокоить его родителей. Даже Эдди спал слишком крепко, чтобы заметить, как я выхожу из дома.

Я поставила машину в гараже медицинского центра Харборвью и поднялась на пятый этаж. Мое сердце колотилось, когда я взялась за ручку двери. Но, войдя в палату, я буквально налетела на мужчину с цветами в вазе – белые гвоздики – и надувным шариком с надписью «Выздоровливай скорее».

– О, простите, пожалуйста, – сказала я в замешательстве. – Должно быть, я ошиблась палатой. Я ищу 502.

– Это 502-я палата, – ответил мужчина. – Мою жену перевели сюда после операции.

– Вашу жену? – Я заглянула ему через плечо и увидела женщину средних лет с короткими темными волосами, лежащую на той же самой кровати, где накануне я оставила Кэйда. Она держала в руках пульт управления и с досадой смотрела на экран телевизора.

– Билл! Как эта штука работает? Ты можешь позвать сюда медсестру?

– Извините. – Я выскользнула в коридор и направилась к сестринскому посту. *Возможно, его перевели. Возможно, он на другом этаже.*

– Прошу прощения, – обратилась я к медсестре, – я ищу Кэйда Макаллистера. Вчера он был в палате 502, но теперь его там нет.

– О! – Молоденькая медсестра повернулась к коллеге постарше, которую я не видела накануне.

– Ваш друг ушел, – сказала женщина.

Я недоуменно посмотрела на нее:

– То есть как ушел?

Она пожала плечами:

– Сбежал среди ночи. Сестра из ночной смены зашла к нему в три часа утра, чтобы дать обезболивающее, но его уже не было.

– Как вы могли позволить ему уйти? – воскликнула я. – У него *повреждение мозга*. Он не понимает, что делает. Кэйд не знает, кто он такой.

– Мэм, это больница, а не тюрьма, – парировала медсестра постарше. – Мы не можем заставить людей остаться. Если они хотят уйти, они уходят.

Я вздохнула:

– У вас есть какие-то мысли насчет того, куда он мог пойти? Хотя какие-то предположения?

Женщина опять пожала плечами:

– Возможно, он вернулся на улицу. – Она снова занялась бумагами, с которыми работала. – Они все туда возвращаются.

Медсестра продолжала говорить, но я уже ее не слушала. Я побежала к лифту.

* * *

Весь день я потратила на поиски Кэйда. Я без конца бродила вокруг торгового центра Уэстлейк, проверяла каждый переулок, каждый тротуар. Потом я отправилась на площадь Пионеров, заглядывала в приюты, кухни с бесплатным супом. Но его нигде не было. К трем часам дня, измученная и потерявшая всякую надежду, я направилась в редакцию «Сиэтл Геральд». Войдя в свой закуток, я рухнула в кресло. Проходившая мимо Джен заглянула ко мне.

– Кого я вижу!

– Мне жаль, что я так долго отсутствовала, – извинилась я, но тут на меня нахлынули эмоции, и я закрыла лицо ладонями.

– А мне жаль, что тебе приходится проходить через все это. – Она села. – Ты теперь готова написать об этом?

Я покачала головой:

– Это слишком личное, Джен.

– Да, – согласилась она, – но именно это придает истории изюминку.

– Ох, Джен. Я не представляю, что делать.

После того как я «держала лицо» при Райане, оказалось, что

настоящей быть гораздо приятнее.

– Приближается День благодарения, – продолжала Джен. – Давай закончим серию статей о площади Пионеров и посмотрим на это дело глазами Кэйда. Давай покажем квартал таким, каким он видит его.

– Не знаю, – ответила я.

– Нет, знаешь, – решительно заявила Джен.

Я рассказала ей о пребывании Кэйда в Харборвью, о том, что он оттуда ушел.

– Ты его найдешь, – сказала она. – Не может быть, чтобы ты нашла его через десять лет только для того, чтобы снова потерять. Судьба не такая сука.

Я попыталась улыбнуться.

– В конце концов все будет так, как должно быть. – Джен внимательно посмотрела на меня. – А теперь найди Кэйда и напиши что-то такое, чем вы оба сможете гордиться.

Ее слова одновременно успокоили меня и выбили из колеи.

– Простите за опоздание. – Я торопливо поцеловала Райана и быстро села в кресло в ресторане «У Герцога». Его родители, Беннет и Мелинда, подняли на меня глаза, и я мгновенно потеряла почву под ногами, как бывало в тех случаях, когда мне предстояло выступить на редколлегии. Было десять минут восьмого, и хотя я вышла из редакции с большим запасом времени, я задержалась в пробке дольше, чем рассчитывала. Я оглядела ресторан, заполненный хорошо одетыми людьми. Несколько недель назад, когда я только узнала о предстоящем визите родителей Райана, я планировала надеть новое голубое платье, которое недавно купила в универмаге «Нордстром», уложить волосы и даже накрасить ресницы. Но сегодня поиски Кэйда отняли у меня все силы, и я оказалась в ресторане в джинсах и белой мятой сорочке на пуговицах сверху донизу. Я вздохнула и попыталась пригладить мокрые от дождя волосы.

– Здравствуй, дорогая. – Мелинда послала мне воздушный поцелуй. Она выглядела безупречно в бежевой «двойке» из кашемира и черной узкой юбке. Идеально уложенные белокурые волосы заставили меня остро почувствовать беспорядок на моей голове.

Беннет улыбнулся:

– Рад видеть тебя, Кайли.

– Извините за некоторую растрепанность, но я прямо с работы, – сказала я.

– Тяжелый день?

– Да.

Райан гордо улыбнулся:

– Кайли сейчас занята очень важным репортажем для «Сиэтл Геральд». У нее масса полезных идей о том, как помочь городским бездомным, оказавшимся в центре проектов реконструкции городских кварталов.

– Мой репортаж заставил меня побывать в таких районах города, которые я никогда не видела.

Мне хотелось им все объяснить, но сил у меня совсем не было.

– Что ж, это замечательно, – подхватила тему Мелинда. Она явно не желала вести серьезные разговоры.

– Вы к нам надолго? – спросила я, думая о Кэйде и обо всем остальном.

– Всего на две ночи, а потом улетаем в Атланту, – сообщил Беннет. – В эти выходные Мелинда устраивает там вместе с подругой благотворительный бал.

– Деньги пойдут на исследования нарушений мозгового кровообращения, – пояснила Мелинда.

Мне пришло в голову, что такой мастер собирать средства, как Мелинда, могла бы многое сделать для бездомных Сиэтла. Возможно, у нас с ней куда больше общего, чем я готова была признать.

– Это великолепно, мамочка, – просиял Райан.

Мелинда улыбнулась сыну:

– Это мое призвание.

– Как обстоят дела у последнего из совместных предприятий на площади Пионеров? Финансирование есть? – спросил Беннет у Райана. И тут же отец с сыном погрузились в приватный разговор о том, как их различные деловые интересы переживают рецессию.

Мелинда повернулась ко мне:

– Ты выглядишь усталой, дорогая. Ты слишком много работаешь.

Я выдавила из себя улыбку:

– Я тоже пытаюсь помогать людям моими статьями. Хотя порой мне кажется, что меня никто не слушает.

– Что ж, – глаза Мелинды сузились, – возможно, после свадьбы ты могла бы заняться волонтерской работой. Райан зарабатывает достаточно, вам обоим хватит. Ты могла бы помогать людям напрямую.

Подошел официант с бокалом для вина и тут же наполнил его из дорогой на вид бутылки, уже открытой и стоявшей на столике.

– Но я действительно люблю свою работу, – сказала я и отпила глоток.

– Но, дорогая, – продолжала моя будущая свекровь, – а как же дом? Семья? Ты же вряд ли захочешь работать после того, как родится ребенок.

У меня запылали щеки.

– Я не могу представить себя без работы.

Мелинда расправила плечи и жеманно сложила руки на коленях.

– Я ни минуты не сомневаюсь, что ты найдешь много радости и удовлетворения в том, чтобы быть женой и матерью.

Я постаралась улыбнуться как можно слаще, бросила взгляд на Райана в надежде, что тот снимет меня с крючка. Но он был погружен в разговор с отцом.

– Поживем – увидим.

Беннет, должно быть, заказал еще вина, потому что официант принес новую бутылку. Он, как новичок, неловко возился со штопором, пытаясь вытащить пробку и нервно улыбаясь.

– Проклятье, – пробурчал он, – похоже, пробка сломалась.

Я посмотрела на бутылку. Пробка была не просто сломана, она обломилась на уровне горлышка. Мне стало жаль беднягу. Родители Райана достаточно милые люди, но склонны драматизировать ситуацию, когда что-то идет не по плану.

– Это очень дорогое вино, – сказал Беннет, складывая руки на груди. – Мне бы не хотелось пить его с кусочками пробки.

– Подождите, – я решила прийти на помощь официанту, – я знаю, как решить проблему. У вас найдется зубочистка?

Все посмотрели на меня, открыв рот, кроме официанта, который мог стать моим новым лучшим другом. Он восторгнулся.

– Вот. – Он подал мне зубочистку. Я встала, аккуратно воткнула зубочистку в пробку, затем взяла штопор, воткнула его в непокорную пробку и осторожно потянула штопор вверх. Как по волшебству пробка вылетела из бутылки с легким хлопком.

– Готово, – объявила я. Официант шумно выдохнул. На лице Райана появилась широкая улыбка.

– Кто тебя этому научил? – спросил он, с гордостью глядя на меня.

Я прокашлялась.

– Старый друг.

Прежде чем вернуться на свое место, я наполнила бокал Беннета.

– Ни одной крошки от пробки, – с удовольствием отметил он и подмигнул Райану. – Женись на ней, сынок!

– Я и собираюсь это сделать, папа, – улыбнулся тот.

– Райан, дорогой, а куда вы поедете на медовый месяц?

Он промокнул губы салфеткой, потом снова положил ее на колени.

– Мы были так заняты работой и обустройством нового дома, что у нас даже не было времени поговорить об этом. Кайли, ты куда бы хотела поехать?

– Знаешь, куда мы могли бы отправиться? – Я улыбнулась Райану.

– Куда?

– В Биг-Сур.

Мелинда ахнула:

– Биг-Сур?

– Да, – подтвердила я, – там очень красиво.

Райан удивленно посмотрел на меня:

– Забавно, я не знал, что ты там бывала. Когда это было?

– В прошлой жизни. – На этот раз улыбка у меня получилась вымученной.

Мелинда посмотрела на Беннета, потом покачала головой.

– В наши дни это было излюбленным местом хиппи.

– Такого пляжа, как там, нет нигде, – сказала я.

– А почему бы не отправиться в Париж? – продолжала Мелинда. – Или в Венецию? Мы с Беннетом просто обожаем Венецию.

– Мама, – заговорил Райан, легко уловивший мое настроение, – мы с Кайли обязательно спланируем потрясающий медовый месяц. Не стоит беспокоиться.

– Как скажешь, дорогой, но Биг-Сур – это так... банально.

– Там познакомились мои родители. – Мой голос прозвучал не обиженно, а мечтательно.

– О, я не имела в виду...

– Я понимаю, – быстро ответила я. – Я не жду, чтобы это место было особенным для вас. Но для меня оно именно такое.

Принесли ужин, и наша беседа перетекла в обсуждение утки и завернутого в пергамент палтуса. Когда тарелки опустели, Беннет оплатил счет. Они с Райаном попросили их извинить и скрылись в мужском туалете. Мы с Мелиндой остались ждать у двери ресторана.

– Приятно видеть Райана таким счастливым, – обратилась ко мне будущая свекровь. Она долго смотрела на меня, и я поняла, что ее слова – это не наблюдение, а предупреждение. То есть имелось в виду совсем другое: *мой сын счастлив, не вздумай это испортить. Не сделай ему больно.*

Беннет и Райан вернулись раньше, чем я сумела ответить. Райан обнял меня за талию, и мы вышли на улицу.

– Я оставила машину чуть выше по улице, – сказала я, когда Беннет протянул парковщику квитанцию на автомобиль Райана.

Я посмотрела через улицу на ресторан, возле которого я впервые увидела бездомного Кэйда. Сердце в груди сжалось.

– Давай я провожу тебя до машины, – предложил Райан беря меня за руку. Мы сделали несколько шагов и обернулись, привлеченные громким возгласом Мелинды:

– Беннет! Этот человек напал на меня!

Отец Райана, разговаривавший с молодым человеком у стойки парковщиков, повернулся к жене. Когда Мелинда отступила назад, я почувствовала, как к моему лицу прилила кровь. Это был Кэйд в больничной рубашке и накинутой поверх нее военной куртке. Он явно ничего не понимал и выглядел еще более растрепанным, чем обычно.

– Он не причинит вам зла. – Я рванулась к Мелинде.

– Ну, – поморщилась она, – я полагаю, что в наши дни можно было бы поужинать в дорогом ресторане без того, чтобы тут же столкнуться с попрошайкой.

Я покачала головой.

– Уверена, что этот человек ничего у вас не просил, – выпалила я, не подумав.

– Он подошел ко мне, чтобы попросить денег, – продолжала охваченная ужасом Мелинда.

– Он не умеет разговаривать.

– Ты обвиняешь меня... во лжи?

– Нет, – ответила я, пытаюсь встретиться глазами с Кэйдом.

После недолгого молчания мать Райана уступила:

– Да, он ничего *не* сказал, но так на меня *посмотрел*... – Она приложила тыльную сторону руки ко лбу. – Он напугал меня.

– Ты в порядке? – спросила я Кэйда, забыв о времени, о месте и обо всем остальном.

Наши взгляды встретились, он взял меня за руку. Я не отняла ее.

Мелинда ахнула:

– Кайли, ты что, *знаешь* этого человека?

Они с Беннетом стояли на тротуаре, не веря своим глазам и ожидая моего ответа. С тем же успехом я могла бы стоять на авансцене в лучах софитов. Занавес только что поднялся.

– Я... э... я... – Я пыталась найти правильные слова, хотя нет, – любые слова. Я чувствовала, что взгляд Райана прожигает мое лицо. Он был обескуражен, встревожен. Два мира столкнулись прямо перед моими

глазами. Я могла солгать и сказать, что брала у него интервью для статьи. Я быстро заморгала, отрывая взгляд от Кэйда и высвобождая руку из его пальцев. Если женщина может сама разбить себе сердце, то именно это я и сделала.

– Нет, – наконец выдавила я. – Нет, я не знаю этого человека.

Когда Райан взял меня за руку, в глазах Кэйда отразилась моя боль.

– Вот возьми, приятель, – обратился он к Кэйду, пошарил в карманах и вложил ему в ладонь несколько купюр. Я опустила глаза. – Мама, папа, почему бы вам не взять мою машину? Я поеду домой с Кайли.

Райан взял ключи от моей машины. Я обрадовалась этому, потому что была слишком потрясена, чтобы сесть за руль. Каждая клеточка моего тела хотела броситься к Кэйду, спасти его от еще одной ночи на улице. Но как я могла это сделать? Привезти его в наш с Райаном дом и продемонстрировать Мелинде и Беннету? Обо всем рассказать Райану? И что потом?

С каждым светофором, с каждой милей, приближавшей нас с Райаном к дому, боль внутри меня становилась все сильнее. Я чувствовала себя так, словно только что оставила мое самое ценное сокровище на улице Сиэтла в надежде на то, что до утра оно так и останется нетронутым.

– Хочешь поговорить об этом? – все-таки спросил Райан после долгого молчания.

Я покачала головой.

– Когда ты откроешься мне, Кайли? Ты же знаешь, что ты можешь рассказать мне обо всем, я не стану любить тебя меньше.

Я кивнула и отвернулась к окну, смахивая слезы. Город пролетал мимо.

Глава 14

18 февраля 1997 года

– С днем рождения! – Кэйд заглянул в мой отсек в «Сиэтл Геральд». Я удивленно подняла голову от монитора и увидела его в дверях с огромным букетом красных роз. На нем была толстовка на «молнии», джинсы и черные кеды «Конверс». Волосы немного всклокочены.

– Ты запомнил. – Я встала, чтобы поцеловать его.

– Конечно же, я запомнил, – улыбнулся он. – А теперь мне нужно, чтобы ты поехала домой и собрала чемодан, потому что мы должны успеть на самолет в три тридцать.

Я посмотрела на него:

– Ты о чем?

Улыбка Кэйда оказалась заразительной:

– Я везу тебя в Биг-Сур.

– В Биг-Сур?

– Так точно, мэм, – отрапортовал Кэйд. – Я решил, что человек просто обязан увидеть место, где познакомились его родители. Не беспокойся, с твоим редактором я договорился. Следующие четыре дня ты официально свободна.

Я прикусила губу, с трудом сдерживая возбуждение. *Биг-Сур!*

– Но разве у тебя есть время? Ты можешь так надолго уехать?

– Ради тебя могу, – снова улыбнулся Кэйд. – Джеймс справится с делами, пока меня не будет.

Я вспомнила, как неделей раньше они с Джеймсом спорили о покупке студии звукозаписи, но не упомянула об этом. Если Кэйд готов лететь, то и я готова. Я была счастлива, возбуждена и тронута, все вместе. Прошло восемь месяцев с тех пор, как мы начали встречаться. А после того как Трэйси и Марк слетали в прошлом месяце в Нью-Йорк, я в глубине души умирала от желания съездить куда-нибудь с Кэйдом, пусть даже в короткую поездку на острова Сан-Хуан в нескольких часах езды к северу от Сиэтла.

– Значит, ты ей уже сказал? – раздался голос Джен от двери. На ее лице сияла довольная улыбка.

Я кивнула.

– Спасибо, – поблагодарила я ее, беря куртку и сумку. – Я еду в Биг-Сур!

– Жду от тебя колонку с отчетом о путешествии! – полушутя сказала

Джен.

Я никак не могла сдержать улыбку.

– С днем рождения, Кайли!

В Сан-Франциско Кэйд арендовал автомобиль с открывающимся верхом. Мы сразу опустили его и поехали на юг по автостраде 1 мимо Монтерея и Кармела. Прохладный ветер ерошил нам волосы, на наших лицах сияли улыбки, из динамиков гремела музыка. Дорога оказалась узкой и извилистой, и я сидела, вцепившись в сиденье, пока машина то взбиралась на вершины утесов, то спускалась с них на сотни футов к самому морю.

От окружающих пейзажей перехватывало дыхание, воздух пьянил. Я никогда в жизни не испытывала таких ощущений. Это была душистая смесь калифорнийских мамонтовых деревьев и соленого океанского воздуха. Ничего удивительно в том, что мои родители полюбили друг друга именно в этих местах. Это было какое-то волшебство.

Я посмотрела на Кэйда и заметила, что он слегка позеленел.

– Тебя укачало! – догадалась я. Меня и саму слегка подташнивало.

Он кивнул и свернул на смотровую площадку, где позировали туристы.

– Фу! – Кэйд глубоко вздохнул. – Дорога прекрасная, но укачивает.

Мы расхохотались. Он достал с заднего сиденья фотоаппарат и попросил меня попозировать у парапета.

– Останься там. – Кэйд посмотрел на меня через объектив. Я нервно улыбнулась, гадая, что он видит. – Красавица, – восхитился он, снова и снова нажимая на спуск.

К нам подошел мужчина и улыбнулся:

– Если хотите, я могу сфотографировать вас вместе.

– Спасибо, – поблагодарил Кэйд и передал ему фотоаппарат.

Изредка на вечеринках нас снимали на «Поляроид», но это была наша первая совместная фотография.

Кэйд поцеловал меня в щеку, когда щелкнул фотоаппарат, а я вдруг подумала, будем ли мы рассматривать этот снимок, когда состаримся. Будем ли мы его показывать нашим детям и внукам, вернемся ли на это место много лет спустя и вспомним эту минуту?

Мы вернулись в машину. Проехали еще несколько миль, а потом Кэйд свернул на дорогу, поднимающуюся по склону холма.

– Гостиница называется «Пост Рэнч Инн», – объяснил он. – Мне хотелось, чтобы ты жила в самом красивом месте Биг-Сура.

Я стиснула его руку, когда мы выехали на круговую подъездную

дорожку. Нам навстречу вышел мужчина, поприветствовал нас и взял багаж. Через несколько минут нас уже доставили в гольфкаре к нашему номеру, уединенному и современному на вид домику на скале. Мебель оказалась красивой, в деревенском стиле, мое внимание привлекла картина на стене с прибрежным пейзажем.

Кэйд лег на кровать, утонув головой в одной из подушек.

– Знаешь, что я люблю в гостиницах больше всего?

– Что? – с любопытством поинтересовалась я.

Он лукаво улыбнулся:

– Когда-то я очень много ездил по делам нашей компании. Больше времени проводил в разъездах, чем дома. Я провел столько ночей в гостиницах, что в конце концов нашел способ, как себя развлечь. – Он указал на картину на стене, которую я разглядывала. – Разумеется, это дорогая гостиница, но обычно гостиничное искусство – самое ужасное.

Я кивнула:

– Наподобие того, что можно увидеть в приемной у стоматолога.

– Точно, – согласился Кэйд. – Поэтому я стал возить с собой этикетки и кнопки. – Он сел и засмеялся. – Ты ведь знаешь, что в ресторанах и кафе иногда выставляют картины на продажу?

– Да.

– Так вот, оказавшись в каком-нибудь отеле, я выбирал самую дурацкую картину и писал для нее этикетку. Я придумывал название. Что-нибудь вроде «Прогулка под ивами. Ретроспектива» или любой другой набор слов, который приходил мне в голову. А потом приписывал внизу цену.

Я засмеялась:

– Зачем?

– А ты только представь: я выезжаю, на мое место вселяются, скажем, Миртл и Боб из Орландо, штат Флорида. Миртл видит, что картина выставлена на продажу.

– «Посмотри, Боб, настоящее искусство! И всего три сотни долларов. Боб, мы должны ее купить». Боб, желая угодить Миртл, звонит портье: «Здравствуйте, это Боб Смит из номера 402. Я хотел бы купить картину, которая висит на стене». Долгая пауза. «Прошу прощения, сэр, – обрывает голос девушка-портье. – Какую картину?» – «Она называется «Прогулка под ивами», – откашлявшись, отвечает Билл. – Она выставлена на продажу в нашем номере». – «Сэр, мы не торгуем картинами из номеров».

Я упала на кровать рядом с Кэйдом и хохотала как сумасшедшая:

– Прекрати, мне сейчас плохо станет!

Но Кэйд продолжал:

– «Нет, вы продаете картины». Миртл начинает нервничать. «Я же вижу ценник на раме. Моя жена хочет повесить ее в гостиной». – «Сэр, я должна сначала поговорить с менеджером». – «Послушайте, моей жене пришлось по вкусу эта картина, и мы бы хотели ее купить».

– Не понимаю, как ты до такого додумался, – еле выговорила я, захлебываясь слезами от смеха.

Кэйд повернулся на бок и оперся на локоть. Его глаза сверкали, и я вдруг почувствовала прилив чего-то такого, что толком объяснить не могла.

– Давай проведем остаток жизни вместе, – сказал он, заправляя мне прядь волос за ухо.

Я заморгала:

– Правильно ли я поняла твои слова?

Он пристально смотрел мне в глаза:

– Этого хочет мое сердце. А твое?

– Да, – ответила я, и мои глаза защипало от слез.

Я надела черное платье на тонких бретелях и туфли на платформе, собрала волосы в низкий пучок и взяла кардиган. Взявшись за руки, мы с Кэйдом зашагали по дорожке к ресторану.

По пути мы увидели девочку лет четырех-пяти в цветастом платьице. Она выбежала на дорожку, что-то негромко напевая.

– Грейс! – окликнул малышку мужской голос.

Она засмеялась, когда родители, державшиеся за руки, нагнали ее.

– Попалась! – воскликнул отец, подхватывая ее на руки. Девочка снова захихикала.

– Мне всегда нравилось имя Грейс, – сказал Кэйд.

– Мне тоже.

Он посмотрел вслед девочке и ее родителям, потом снова повернулся ко мне и кивнул, словно принял окончательное решение:

– Да, точно, Грейс.

Когда мы подошли к ресторану, солнце уже было готово опуститься за горизонт. Вид открывался потрясающий, и мы предпочли сначала выйти на террасу, чтобы полюбоваться небом, на котором появились теплые оранжевые и розовые полосы, и только потом сесть за столик.

– Тебе здесь нравится? – спросил стоявший позади меня Кэйд, обнимая меня за талию и прижимаясь ко мне всем телом.

– Я в восторге, – ответила я, глядя, как волны разбиваются внизу о камни.

– Давай вечером после ужина прогуляемся по берегу, – предложил он.
– Давай, – согласилась я.
– Теперь я понимаю, почему твоих родителей потянуло друг к другу именно здесь.

Я кивнула, думая об истории их любви. Бабушка рассказывала мне ее тысячу раз. Папа тогда сказал маме, что она самая красивая женщина на земле. Да и она решила, что красивей его никого нет. Они подошли друг другу, словно две горошины из одного стручка. Так говорила бабушка. Они были... родственными душами.

Воспоминания накатывали, как волны, обрушиваясь на меня с такой силой, что я обхватила себя руками. Я почувствовала запах лосьона от загара в коричневом флаконе. У меня были липкие руки от поджаренного зефира. Дельфиниумы в бабушкином саду застыли в ожидании. Я не знала, откуда взялись эти мысли. Но потом поняла, что отдельные картинки из моего детства забурлили в моем сердце только потому, что рядом стоит этот мужчина. Я поняла, что с ним я в любом месте буду дома.

Глава 15

24 ноября 2008 года

Родители Райана предложили нам встретить День благодарения вместе с ними в Северной Каролине, но, к счастью, рабочее расписание Райана не позволяло этого сделать. В каком-то смысле их присутствие в доме оказалось мне только на руку. У меня появилась причина не говорить правду Райану, а у него – причина не затрагивать снова эту тему. Но она висела в воздухе, та правда, которой я не готова была посмотреть в лицо.

– Я вернусь из Портленда в пятницу. Мне жаль, что мы не будем вместе в праздник, – сказал мне Райан в понедельник утром, стоя в спальне с чемоданом в руке. Он замолчал, давая мне возможность сказать хоть что-нибудь.

Я откашлялась:

– Райан?

Он кивнул и шагнул ко мне.

Мой мозг кипел. *Я должна рассказать ему о Кэйде. Я должна рассказать ему все.*

– Мне нужно с тобой кое о чем...

Меня мгновенно прервал звонок его мобильного телефона.

– Прости. – Он посмотрел на экран. – Это босс. Я должен ответить.

Я кивнула, повернулась на другой бок и сделала вид, что сплю, когда он через несколько минут поцеловал меня в щеку.

Этим же утром, но позже, позвонила Трэйси. Я как раз выгуливала Эдди.

– Ты что, умерла?

– Прости. У нас гостили родители Райана. И... я была сама не своя.

– Все из-за его эксцентричной матери?

– Нет, то есть да, но дело не только в этом, – вздохнула я. – Просто... *все не так.* – Я ковыряла носком ботинка гравий на дорожке, пока Эдди обнюхивал траву на газоне. – Я попала в ужасную ситуацию. Я не сказала Райану о Кэйде. А потом...

Я пересказала Трэйси ситуацию у ресторана, когда я стала отрицать свое знакомство с Кэйдом, не скрыв от нее и того, что я ушла и оставила Кэйда на улице.

– Ох, дорогая, не будь слишком строга к себе, – сказала Трэйси. – А

как еще ты могла поступить? Начать объясняться с родителями Райана прямо у ресторана? Поставить Райана в неловкое положение? Ты сделала то, что должна была сделать. И я понимаю, как тебе больно.

– Мне наплевать на то, что я чувствую, – ответила я. – Я боюсь, что уничтожила то зернышко доверия, которое посеяла в душе Кэйда. Трэйси, я боюсь, что потеряла его.

– Этим утром я проверила твой гороскоп. Ты его не потеряла. Кое-что подсказывает мне, что ты вот-вот найдешь его.

Начало дня я провела в офисе, отвечала на электронные письма, правила окончательный вариант очередной статьи из серии о площади Пионеров. Фраза Джен звенела у меня в ушах, поэтому я открыла новый документ Word и напечатала вверху страницы: «Люди улиц».

Слова полились потоком, я их даже не выбирала.

В конце девяностых годов Сиэтл знал Кэйда Макаллистера как успешного музыкального продюсера. Сегодня он бездомный.

Я писала дальше, и перед моим мысленным взором появилось лицо Кэйда из девяностых, когда он так любил соус «Табаско» и весь мир лежал у его ног. Этот образ преследовал меня, но я не могла забыть и то, как он смотрел на меня в тот вечер у ресторана, такой испуганный и потерянный. Помнила я и то, что ушла от него.

– Тук-тук.

Я повернулась от компьютера и увидела на пороге Джен.

– Рада видеть, что ты пишешь, – сказала она.

Я вздохнула.

– Не знаю, что еще делать, Джен.

Она кивнула.

– Нет, знаешь. – Она говорила решительно и уверенно. – И я даю тебе на сегодня задание, вернее, на всю неделю. Очень важное задание. – Джен промокнула бумажным носовым платком слезы на моей щеке. – Иди и найди Кэйда. Приведи его домой. Вылечи его. Помоги ему снова найти свой путь, и в процессе ты поймешь, каким путем следовать тебе.

– Но я...

– Никаких «но», – отрезала Джен. – Это задание редакции. И я хочу, чтобы ты об этом написала.

Я с трудом улыбнулась.

– И не думай, что ты на особом положении. – Она заговорила голосом

настоящего босса. – Если не сдашь отличный материал, я снова отправлю тебя освещать работу городского совета.

Я хмыкнула.

– А теперь иди и найди его.

Я припарковала машину перед «Ле Марше» и отправилась на поиски Кэйда. Заглянула во все уголки, как делала это недель раньше. Прошла вокруг торгового центра Уэстлейк, затем по Четвертой авеню, потом по Пятой, вернулась обратно на Вторую. Побывала в приютах, в парках и даже приподняла одеяло над лицом мужчины, спавшего на скамейке, но это оказался не Кэйд.

Часы бежали, как минуты, и я не успела оглянуться, как наступил вечер, шесть часов. Люди в деловых костюмах хлынули из офисных зданий, перетекая в рестораны и бары.

Когда солнце село, я уже едва не рыдала и решила вернуться к машине. Вздохнув, я вставила ключ зажигания, включила радио. Вливаясь в поток автомобилей, зазвучала песня Fade Into You группы Mazzy Star. Волоски на моих руках встали дыбом. Я прибавила звук, и мои глаза снова наполнились слезами. Доехав до выезда на автостраду I-5, я свернула на нее, словно на автопилоте, и вместо того чтобы поехать домой, я отправилась туда, куда звало меня мое сердце: к увитому плющом кирпичному дому на площади Пионеров.

Я остановила машину, фары выключать не стала. Они сияли на темной улице, словно маяки, освещая мое прошлое. Дверь в бывшую квартиру Кэйда была прямо передо мной. Мне сразу снова стало двадцать пять. Мы идем домой, возвращаясь с шоу, держимся за руки. Он шепчет что-то смешное мне на ухо, я откидываю голову назад и хохочу. А потом мы подходим к двери, он прижимает меня к кирпичной стене и целует с жаром тысячи солнц.

Я смахнула слезы, вспоминая каждую деталь того, что случилось и чего не случилось. Какой могла бы быть наша жизнь... Какое будущее у нас украли...

Я поцеловала свою руку, потом прижала ее к двери и отступила назад. Как еще попрощаться с мечтой, которую тебе до сих пор хочется видеть реальностью?

Я услышала шарканье шагов в ближайшем переулке и решила вернуться к машине. Когда я медленно отъезжала, то еще раз напоследок посмотрела назад, и тень в зеркале заднего вида привлекла мое внимание. Я затормозила и дала задний ход.

Это был Кэйд. Он остановился на углу, посмотрел сначала направо, потом налево.

Я ударила по тормозам и заглушила двигатель.

– Кэйд! – крикнула я и вылетела из машины.

Он поднял глаза и увидел меня.

– Кэйд, это я.

Он отвернулся, но я взяла его за руку, и в этот момент наши глаза встретились.

– Я здесь. Я больше никогда тебя не оставлю. Обещаю. – Я притянула его к себе, обняла, и мы долго стояли обнявшись. Мне показалось, целую вечность.

– Идем со мной, – позвала я, беря его за руку и ведя через улицу. Я открыла дверцу машины. – Я сейчас отвезу тебя домой.

Глава 16

17 июля 1997 года

– Моей бабушке ты точно понравишься, – сказала я.

Кэйд усмехнулся:

– А как насчет твоего деда? Меня больше беспокоит его реакция.

– Он человек старомодный, – гордо ответила я. – Поэтому пока он будет чувствовать, что ты его уважаешь, ты будешь золотым. Он служил в армии.

– И он любит свою внучку.

Я улыбнулась:

– Да. Для меня дед стал настоящим отцом.

– Он стремится тебя защитить, так и должно быть. – Кэйд поцеловал меня в щеку. – И для меня честь, что ты хочешь представить меня ему.

– Для стариков это непросто – взять и приехать сюда. Бабушка боится летать. – Я посмотрела на часы. – Они будут здесь через час!

Кэйд сжал мою руку.

– Слушай, прости еще раз за прошлый вечер.

Стресс на работе сделал свое дело. Он без всякого повода накричал на меня. Мне было больно, но я постаралась забыть об этом, зная, что он не хотел меня обидеть. Это была не первая наша стычка и наверняка не последняя. Глупо с моей стороны было бы думать, что в будущем между нами не будет ссор. Возможно, их будет множество. Но будут и примирения. А примирения дарят новую энергию.

Мы приехали в аэропорт на машине Кэйда, чтобы забрать бабушку и деда. Когда я увидела их возле вывески авиакомпании «Дельта», то помахала им рукой, и Кэйд подъехал к тротуару. Я выскочила из машины и обняла их обоих сразу.

– Кайли, ты красавица, – сказала бабушка.

– Вот она, моя девочка, – просиял дедушка. Я видела его около года назад, но он сильно постарел с тех пор, и мне было тяжело видеть, что ему не под силу справиться с багажом.

Кэйд выключил мотор и вышел из машины.

– Добро пожаловать в Сиэтл, – произнес он, протягивая руку моему деду, который скептически его рассматривал.

Бабушка обняла Кэйда, как обняла бы любого из моих друзей.

– Мы очень рады с тобой познакомиться, – тепло произнесла она.

Кэйд взял ее сумку, но дедушка свою не отдал. Он упрямо сам донес ее до багажника. Я уступила ему переднее сиденье, мы с бабушкой сели сзади. Она взяла меня под руку, и я снова почувствовала себя девятилетней, с хвостиками на голове, с вишневым леденцом на палочке во рту.

– Вы проголодались? – спросил Кэйд, как только мы влились в поток транспорта.

– Джерри поел в самолете, – ответила бабушка. – Ну а я бы не отказалась перекусить.

– Вам нравится мексиканская кухня? – поинтересовался Кэйд.

– Очень нравится. – Бабушка одобрительно улыбнулась мне.

– Отлично, я знаю хорошее место, – просиял Кэйд.

Дедушка не проронил ни звука, пока бабушка вела беседу. Есть ли у Кэйда родственники в Сиэтле? С какого возраста он заинтересовался музыкой?

В нашем любимом ресторанчике «Зеленая вода» на берегу озера Юнион мы уселись за столиком у окна. По глади воды скользили каяки, а мы окунали чипсы в зеленый соус сальса.

– Я всегда любил это место. Еда настоящая, мексиканская, но обстановка истинного Сиэтла, – пояснил Кэйд, заказав «Маргариту» для всех. Лицо деда как будто просветлело.

– Ты произнес слово «всегда», как истинный уроженец Среднего Запада, – заметила бабушка.

Кэйд улыбнулся:

– В самом деле? Никто никогда не говорил мне об этом.

Бабушка кивнула:

– Люсинда, мама Кайли, родилась в Олтоне, штат Иллинойс. Там она прожила только первые шесть лет, но среднезападный акцент навсегда остался с ней. Почему-то Кайли этого у нее не переняла. К нам с дедом он тоже не пристал. Легко определить место рождения человека по тому, как он произносит слово «всегда».

Я улыбнулась и произнесла это слово вслух. Кэйд повторил.

– Знаешь, ты и правда произносишь его совсем по-другому.

– Неужели?

– Точно, – подтвердила я. – Скажи еще раз.

Кэйд повторил слово.

Бабушка улыбнулась. Нам принесли «Маргариту».

– Ты все еще носишь медальон, – обратилась она ко мне, указав на украшение. – Полагаю, Кэйд знает его историю.

Я почувствовала, как Кэйд прикоснулся к моей ноге под столом. Он

давал мне понять, что хотя и знает историю медальона, не собирается волновать деда и бабушку рассказом о том дне, когда я его едва не потеряла. Точнее, когда они все трое едва не потеряли меня навсегда.

– Да, эту историю я ему рассказала в числе первых. – Я почувствовала, как к щекам прилила кровь.

Я открыла медальон, и мне на ладонь выскользнул крошечный зеленоватый осколок.

– Дедушка говорил, что это талисман на счастье.

– Ого! – воскликнул Кэйд. – Это же...

– Мне вовек не забыть тот пляж. – Дедушка откашлялся. – Никогда в жизни я не видел ничего похожего. Скалы вдоль всего берега и полоска песка... – он замолчал, вспоминая, – цвета янтаря. Тот пляж был особенным. Когда я нашел раковину, я сунул ее в карман. Она принесла мне удачу, потому что на обратном пути в лагерь я едва не наступил на противопехотную мину. Когда Кайли была маленькой, эту часть истории я ей не рассказывал.

– Удивительно. – Кэйд сглотнул. – Мой отец служил во Вьетнаме. Морской пехотинец. Но он умер. Я...

Я сжала его пальцы.

– Кэйд тоже потерял обоих родителей.

– Мне жаль, сынок, – сказал дедушка. Дедушка произнес эти слова так, что я поняла – Кэйд ему понравился. По его глазам было видно, что он принял моего парня. Я убрала осколок раковины в медальон и откинулась на спинку стула. Я смотрела на самых дорогих для меня людей, которые болтали о пустяках за столом, уставленным мексиканскими блюдами.

Неделя промчалась быстро. Кэйд был занят в офисе, но старался проводить с нами как можно больше времени. Он сводил бабушку и деда на экскурсию на рынок на Пайк-плейс, на ужин в «Дикий имбирь» и в «Космическую иглу», на прогулку вдоль залива.

– Они у тебя чудесные, – сказал он, когда мы высадили их в аэропорту.

– Дед и бабушка в тебя просто влюбились. – Я погрозила ему пальцем.

Мы зашли поужинать в маленький итальянский ресторан возле дома Кэйда, сели за столик, покрытый скатертью в красно-белую клетку. В бутылке из-под кьянти горела, роняя воск, белая свеча.

– Скромно, но очаровательно, – оценила я, – как раз мой стиль.

Кэйд кивнул и налил нам обоим по бокалу красного вина из графина. Свет свечи подчеркнул темные тени под его глазами. Он упоминал о том, что дела в офисе идут не слишком гладко, но, когда накануне я спросила

его об этом, Кэйд отмахнулся от моего вопроса. «Все как обычно», – ответил он.

– Ты в порядке? – спросила я.

– Просто устал.

– Что происходит на фирме? – Я протянула руку через стол и накрыла его пальцы. – Я знаю, что ты уверен, будто нагоняешь на меня тоску, говоря о работе, но, поверь мне, я хочу знать.

Кэйд скорчил гримасу:

– Хочешь, чтобы я испортил этот прекрасный вечер?

– Ничто из того, что ты скажешь, Кэйд, не сможет испортить этот вечер, – заверила я его.

– Что ж. – Он сделал большой глоток вина. – Я проиграл. Я убедил Джеймса вложить пятьдесят тысяч в новую группу, и эти парни теперь выкручивают нам руки.

– Что значит – «выкручивают вам руки»?

Кэйд потер лоб, снова глотнул вина.

– Их альбом, на который мы перерасходовали бюджет, провалился. А теперь они хотят разорвать с нами контракт и отказываются вернуть нам аванс.

– Но это незаконно, – сказала я.

– Так и есть, – ответил Кэйд, – но в любом случае убытки компания не сможет компенсировать.

Я кивнула:

– Не стоит так винить себя. У тебя было немало успехов. Можно иногда и промахнуться.

Кэйд пожал плечами:

– Джеймсу так не кажется. Он перфекционист.

– А он сам совершенен? – Я покачала головой. – Не думаю.

– Он повысил Алексис, теперь она руководит операционной деятельностью, – продолжал Кэйд.

– Алексис? Она довольно милая. Но хватит ли ей квалификации для этой работы?

Кэйд покачал головой:

– У нее финансовое образование, но в музыке она ничего не понимает.

– Кэйд, но это и твоя компания тоже, – не выдержала я. – Не позволяй Джеймсу отодвинуть тебя в сторону.

Я видела, что этот разговор ему в тягость, и после того, как официант принял у нас заказ, сменила тему.

Поев, мы вышли на улицу. Ночь была теплой, и мы не стали брать

такси, а пошли к дому Кэйда пешком.

– Послушай, – вдруг встрепенулся Кэйд, – сегодня вечером в клубе «Крокодил» играет одна хорошая группа. Хочешь пойти?

– Конечно, – откликнулась я. Мне нравилась его непредсказуемость.

Держась за руки, мы прошли несколько кварталов. Фамилия Кэйда была в списке гостей, поэтому мы сразу вошли, миновав длинную очередь.

Он купил нам обоим по двойной водке с содовой, и мы отправились на сцену.

– Эти парни еще не связаны с нашей фирмой, – объяснил он.

– А кто они? – поинтересовалась я.

– Группа называется Death Cab for Cutie^[38], играет инди-рок. Они из Биллингема. Я видел их несколько месяцев тому назад на небольшом концерте. Их музыка не выходила у меня из головы. Так бывает, когда слышишь что-то стоящее. – Кэйд отпил глоток коктейля. – Я пытаюсь уговорить Джеймса подписать с ними контракт. Но понимаю, что битва все равно будет проиграна.

– Нет, если ты этого не захочешь. Если ты в них веришь, подписывай с ними контракт.

Музыканты вышли на сцену, свет в зале приглушили. Толпа начала аплодировать.

– Раньше это срабатывало, – продолжал Кэйд. – Кажется, я теряю чутье. И думаю, Джеймс об этом догадывается.

– Не наговаривай на себя.

Группа заиграла, и меня поразило звучание, особенно голос солиста.

– Вау, они замечательные. По-настоящему хороши, – сказала я.

Мы оставались в клубе до последней песни, потом двинулись следом за толпой к выходу. От выпитого коктейля я чувствовала себя легкой и воздушной, поэтому Кэйд предложил заглянуть в бар и выпить еще по чуть-чуть. Я не стала отказываться.

После еще двух коктейлей мы оба уже смеялись. Все проблемы Кэйда, которые он носил с собой, растаяли как дым.

– Ты волшебница. Ты все превращаешь в счастье, – сказал он, сидя на соседнем табурете.

Я засмеялась и пригладила его волосы.

– Волшебница, значит?

Он кивнул, расслабленно прикрыв глаза от моего прикосновения:

– Заколдуй меня.

Я взмахнула соломинкой, делая вид, что это волшебная палочка.

– Фокус-покус, – произнесла я.

Смеясь и спотыкаясь, мы вышли из бара. Я чувствовала себя совершенно отрешенной. И я не могла вспомнить, когда пила так много. Кэйд взял меня за руку.

– Куда дальше, миледи? – спросил он, когда мы проходили мимо тату-салона. – погоди-ка, ни у меня, ни у тебя нет татуировок. Давай сделаем.

– Сейчас? – икнула я. – Правда?

– Почему нет?

– Ну я могла бы назвать парочку причин... К примеру, всепоглощающее чувство сожаления, которое охватит нас утром.

Кэйд провел рукой по волосам, и я увидела, как беззаботная улыбка тает на его лице. Как будто солнце закрывает туча.

– Твоя проблема в том, Кайли, что ты никогда не рискуешь. Ты боишься отойти слишком далеко от твоей зоны комфорта.

– Это нечестно, – возмутилась я.

Он пожал плечами:

– Может быть, это нечестно, но такова правда.

Я нервно усмехнулась:

– Что ж, если ты считаешь меня слишком осторожной, то я думаю, что ты чересчур импульсивный.

Мои щеки пылали. *Как он может быть таким резким? Таким...*

– Послушай, детка. – Кэйд взял меня за руку. – Я не должен был этого говорить, я просто...

– Ты хочешь, чтобы я прыгала, когда ты велишь мне прыгать?

– Нет, – торжественно ответил он.

– Кэйд, я не твои приятели-музыканты. Я не...

– Я знаю. – Он взял мои ладони. – Я был не прав. Не знаю, почему я это сказал.

– Но ты сказал.

– Послушай, – продолжал он, – забудь то, что я говорил. Ты не слишком осторожная, ты умная, красивая и мудрая.

– И, судя по всему, – добавила я, – с огромным изъясном, раз я не бросаюсь в первый попавшийся тату-салон, чтобы мне накололи на заднице дельфина.

Я не выдержала и расхохоталась. Кэйд тоже засмеялся.

– Вот на такую татуировку я бы взглянул, – хмыкнул он.

– А знаешь что? – Я снова посмотрела на салон. – Почему бы и нет?

У Кэйда расширились глаза:

– Дельфин?

– Нет, – ответила я. – Но что-нибудь еще, – я кивнула, – почему бы и

нет? Ты прав. Я слишком осторожная.

– И ты права, я чересчур импульсивен.

Я с силой выдохнула:

– Давай сделаем татуировку.

– Правда?

– Да, – ответила я с такой уверенностью, о присутствии которой я даже не догадывалась. – Что будем накалывать? – спросила я, рассматривая изображения драконов, римских цифр и индейских символов в витрине. – Никаких морских млекопитающих.

Кэйд почесал подбородок:

– Как насчет одинаковых бабочек?

Мы оба рассмеялись.

– А если слово? – предложил он.

– Какое, например?

Кэйд подошел ко мне поближе, его взгляд нежно коснулся моего лица.

– Как насчет «всегда»?

– Всегда, – повторила я с улыбкой.

Мы вошли в салон, Кэйд впереди, я за ним. В кресле в глубине комнаты сидел крупный лысый мужчина, весь покрытый татуировками.

– Добрый вечер, – поздоровался он. – Чем могу помочь?

– Мы бы хотели сделать две татуировки.

Когда Кэйд произнес эти слова, у меня упало сердце. *Неужели мы действительно это сделаем?*

– Хорошо, – ответил мастер.

Кэйд почесал голову:

– Вы знаете, как будет «всегда» по-французски?

– *Toujours*, – ответил лысый. – Я проучился один семестр во Франции.

– *Toujours*, – повторил Кэйд, повернувшись ко мне. – Во имя тебя. Во имя нас. Во имя Нормандии.

Мы перелистали альбом, выбрали шрифт, о котором мастер сказал, что он особенный, из 1940-х годов. Якобы он использовался на обложке альбома Фрэнка Синатры тех лет.

– Я первый. – Кэйд уселся в кресло. Тату-мастер набросал эскиз, и мы определились с размером. Кэйд решил, что хочет татуировку на плече. Я видела, как он сморщился, когда игла коснулась его кожи. Увидев кровь, я отвернулась. Когда подошла моя очередь, я заколебалась.

– Наверное, мне не стоит этого делать. – Я пошла на попятный.

– Сделай это ради меня, – попросил Кэйд. – Ради нас.

Его взгляд был таким властным, и в эту секунду я поняла, что ради

этого мужчины я сделаю все что угодно.

Я крепко зажмурилась.

– Ладно. – Я указала на свое правое плечо. – Вот здесь. Давайте.

Боль была сильной, я сжалась от первого укола иглы.

– Постарайтесь не шевелиться, – попросил мастер. Его голос был низким и успокаивающим. Я слушала его рассказ о паре, которая заходила незадолго до нас, чтобы сделать татуировку колец на безымянных пальцах. Я все время думала о том, останемся ли мы с Кэйдом вместе навсегда.

Когда мастер закончил, я посмотрелась в зеркало: кожа покраснела и опухла. Невозможно было понять, как будет выглядеть татуировка.

Кэйд расплатился с тату-мастером, потом взял меня за руку. Пока мы шли до его дома, плечо у меня пульсировало и горело, но я почти не замечала этого. Я чувствовала особую связь с Кэйдом, которую не ощущала раньше. И дело было не в татуировке, не в тех словах, которые мы шептали друг другу в минуты любви. Мы с Кэйдом стали единым целым. И я знала, что так будет всегда.

Глава 17

24 ноября 2008 года

– Вот здесь я живу, – обратилась я к Кэйд, когда мы подошли к двери дома, который я делила с Райаном. Было что-то сюрреалистическое в том, что Кэйд стоял в прихожей и не двигался с места, пока я клала сумочку и снимала свитер.

– Все в порядке, – негромко сказала я, берясь за ручку его спортивной сумки. Он поначалу крепко вцепился в нее, но потом разжал пальцы, и я поставила сумку у двери. – Проходи.

Эдди пробежал мимо меня и бросился к Кэйд. Тот протянул руку, чтобы его погладить. *Неужели он помнит?*

Кэйд шагнул вперед и оглядел гостиную. Я включила свет и увидела, что его раны, пусть и не такие опухшие, как раньше, все же выглядели ничуть не лучше, чем в больнице.

– Ты наверняка голоден, – нервно выпалила я. Я прошла в кухню и заглянула в холодильник. Впервые за долгие годы я не могла сообразить, что приготовить. Никаких идей вообще.

– Чего бы тебе хотелось? – Я задала следующий вопрос, не ожидая ответа на первый. – Могу приготовить буррито или кесадильи со шпинатом.

Я достала упаковку шпината, кусок сыра, тортильи.

– Вот так, – приговаривала я, собирая ингредиенты и беря проверенную временем чугунную сковородку, на которой я готовила с тех пор, как мы с Трэйси снимали вместе крохотную квартирку в центре города. Когда-то она принадлежала бабушке, но та потом почти перестала готовить. Мне нравилось думать о том, сколько вкусных блюд было приготовлено на этой сковороде за долгие годы.

Кэйд смотрел, как я делаю кесадильи. Когда они были готовы, я разрезала их на куски и положила на тарелку.

– Это не «Дикий имбирь», но и добрые старые кесадильи иногда бывают кстати. – Поставив тарелку на стол, я указала на стулья возле него. – Садись, пожалуйста. Располагайся.

Кэйд медленно сел на стул рядом со мной, Эдди устроился на ковре у его ног.

– Держи. – Я подвинула тарелку ближе к Кэйд. Он по-прежнему сидел без движения, тогда я поднесла кусок кесадильи к его губам, как

делала это в больнице. Это сработало, и Кэйд осторожно откусил кусочек.

Когда его тарелка опустела, я убрала со стола и нервно попыталась составить план на вечер.

– Ты можешь пожить в гостевой спальне наверху, – сказала я. – Наверное, ты захочешь принять ванну. Я принесу тебе полотенце и свежую одежду.

Кэйд взял с кофейного столика раковину и поворачивал ее, изучая каждый завиток.

– Если ты пойдешь со мной, я устрою тебя на ночлег.

Я пошла вверх по лестнице, Кэйд двинулся за мной. Я остро ощущала каждый сделанный шаг, каждый выдох, вырывавшийся из моих легких. Я взяла полотенце из бельевого шкафа, потом включила свет в ванной.

– Я сейчас наполню тебе ванну. Мыло вон там, шампунь тоже.

Он просто стоял и смотрел.

– Что ж, – я выдохнула, – я ухожу. Дай мне знать, если тебе что-то понадобится.

Я прошла в спальню и села на край кровати, прислушиваясь к звуку текущей воды. Минуты шли, и я начала волноваться. Может, стоит пойти проверить, как там Кэйд? Я встала, потом снова села. Наконец, я все-таки встала, переоделась в топ на тонких бретельках и легинсы, мой обычный наряд для сна.

– Прошу прощения. – Я заглянула в ванную через едва приоткрытую дверь, потом толкнула ее и увидела Кэйда. Полностью одетый, он стоял на том же самом месте, на котором я его оставила десять минут назад.

– Все в порядке?

Кэйд не ответил, поэтому я медленно вошла и закрыла кран. Вода вот-вот могла перелиться через край.

– Позволь мне тебе помочь, – сказала я.

Я глубоко вздохнула и подошла к нему поближе. Потом расстегнула пуговицы на его куртке, сбросила ее на пол. Сняла с него больничную рубашку, открыв худую грудь и знакомую татуировку на плече. Но заметит ли он мою в этот раз?

С трудом сглотив, я расстегнула пуговицу на его брюках. С каждым вдохом и выдохом его грудь поднималась и опускалась, подчеркивая впадину живота. Потянув вниз «молнию», я почувствовала знакомый трепет внутри. Когда брюки упали с Кэйда, я отвернулась, потом позволила глазам медленно рассмотреть тело, которое я когда-то так хорошо знала. Я помнила каждый его уголок, каждую веснушку, каждый дюйм мышц и кожи, как хорошо изученную карту.

Я взяла Кэйда за руку, подвела к ванне и попробовала воду свободной рукой.

– Температура в самый раз. Залезай.

Кэйд смотрел на ванну с таким выражением, будто перед ним был олимпийский бассейн, а его только что попросили проплыть брассом туда и обратно.

– Все в порядке. – Я попыталась успокоить его. – Вода тебя расслабит.

И тогда он все же со страхом опустил ногу в ванну. Но как только Кэйд опустился в воду, я поняла, что там ему хорошо. Я встала на колени рядом с ванной и душем намочила ему волосы, потом взяла шампунь и вымыла ему голову. Затем я протянула ему мыло, но он его не взял. Тогда я сама намылила ему руки и грудь. Он посмотрел на меня, когда я потянулась за мочалкой, а потом принялась его мыть. Вода потемнела. Хотя в больнице его протерли влажными салфетками, но ведь не искупали как следует. И когда я помогла Кэйду встать и завернула его в полотенце, дни или даже годы скитаний по улицам потекли в сток.

Я отвела его в спальню, заглянула в шкаф, выбрала джинсы Райана и его голубую футболку еще времен колледжа, обтрепанную по краям. Из ящика я достала белые боксеры и добавила их к стопке.

– Надень это, – сказала я Кэйду.

Я помогла ему надеть футболку через голову, руки сами нашли дорогу в рукава. Если он и застеснялся, когда полотенце упало с него, то вида не подал. Я осторожно надела на него трусы своего жениха, потом помогла влезть в джинсы и застегнула их, как сделала бы это для маленького ребенка.

– Готово, – оценила я, когда он был полностью одет. Кэйд провел руками по джинсам, которые были велики ему на пару размеров, и сделал это так, будто ему никогда раньше не приходилось ощущать текстуру только что выстиранного денима. Вымытый, нормально одетый, он стал больше похож на того Кэйда, которого я помнила, мешали только длинные волосы и борода. Я заглянула ему в глаза, склонила голову к правому плечу и как будто ждала, что сейчас он придет в себя, улыбнется и скажет: «Я вернулся. Кстати, где тут можно постричься и побриться?»

Но Кэйд все еще оставался в лабиринте своего разума, возможно, как раз там, где находились его воспоминания обо мне, о нас. Я вздохнула:

– Ты, должно быть, совершенно без сил, позволь мне...

Пока я говорила, он опустился на кровать и положил голову на подушку, потом поерзал немного, чтобы ничто не давило на сломанные ребра. Я слышала шаги Эдди на лестнице. Пес вошел в спальню,

вспрыгнул на кровать, устроился между животом и правой рукой Кэйда и положил морду на его левую руку.

Я улыбнулась про себя и ушла в гостевую спальню. Там я посмотрела на телефон. Райан прислал мне несколько сообщений. Портленд прекрасен. Как я? Вместо того чтобы ему ответить, я положила телефон на тумбочку у кровати и долго лежала без сна, глядя в потолок и размышляя. Когда я наконец уснула, мне приснились Кэйд и море.

Когда я открыла глаза, в окно лился свет. На дереве щебетали птицы. Я села в постели и зевнула, гадая, выпался ли Кэйд так же хорошо, как и я. Старые деревянные полы скрипели под моими босыми ногами, когда я прошла в свою спальню. Одеяло и простыни были расстелены, но кровать оказалась пуста. Я оглядела комнату, потом прошла в ванную, заглянула в приоткрытую дверь. Пусто.

– Кэйд! – позвала я с верхней площадки лестницы. – Ты здесь?

Эдди побежал за мной вниз. Я принялась осматривать первый этаж. Там было тихо, только подтекал кран на кухне – Райан уже вызвал мастера, чтобы его починить. *Кэйд ушел?* Я почувствовала, как во мне нарастает паника, побежала к задней двери, выглянула во двор.

– Кэйд! – снова позвала я.

И тут я заметила тонкую полоску света под парадной дверью. Я открыла ее, вышла на переднее крыльцо и увидела Кэйда. Он сидел на ступеньках и смотрел перед собой.

– Ох, – с облегчением выдохнула я, – вот ты где!

Я села рядом с ним. На мгновение я задумалась о том, что подумают обо мне соседи, увидев меня сидящей на переднем крыльце с чужим бородатым мужчиной. Но тут Кэйд повернулся ко мне и произнес два слова, которые заставили меня забыть обо всем:

– Доброе утро.

Я стиснула его руку и просияла:

– Доброе утро!

Птицы щебетали, солнце сияло, я была счастлива.

Я налила кофе из френч-пресса и смотрела, как Кэйд делает первый глоток из кружки, закрывает глаза, отпивает еще, как будто пытается вспомнить кофе, меня, жизнь.

– Пожалуй, я приготовлю нам омлет, – объявила я, открывая холодильник. Я достала упаковку яиц, сливочное масло, немного шпината, тертый сыр и несколько перышек полуувядшего зеленого лука.

Я налила себе вторую чашку кофе, потом нарезала шпинат и помыла лук. Пока я взбивала яйца в белой керамической миске, сливочное масло шипело на сковородке. Райану нравилось, как я готовила омлеты, и я часто ему их делала. Потом я вылила яйца на сковородку и наблюдала, как масса застывает по краям, а середина чуть булькает. Меня переполняло чувство вины. Райан вернется домой, Кэйд переедет в Харборвью, чтобы принять участие в программе для пациентов с травмой мозга, и тогда я расскажу Райану все. *Он поймет*, сказала я самой себе. Райан всегда все понимал.

Я разделила гигантский омлет на двоих и разложила по тарелкам. Рука Кэйда, державшая вилку, чуть дрожала, и несколько кусочков упали обратно на тарелку, так и не попав к нему в рот. Но все-таки он ел, и когда закончил со своей порцией, я предложила ему остатки моей, и Кэйд с радостью проглотил и их.

Я думала обо всем, что мне нужно было сделать: о планировании свадьбы, о необходимости участия Кэйда в программе для пациентов, перенесших травму мозга, о расследовании несчастного случая, произошедшего с ним, включая и выяснение того, что знает Джеймс и чего он не знает. И еще надо будет написать обо всем этом в газету. Но мне не хотелось делать ничего из вышеперечисленного. Я просто хотела оставаться здесь и сейчас.

После завтрака я молча убирала на кухне. Кэйд сидел на диване с Эдди. К одиннадцати часам он задремал, и я подозревала, что это его первый полноценный отдых за долгие годы.

Я тихонько вышла на крыльцо, чтобы позвонить Трэйси, давая Кэиду возможность поспать столько, сколько ему было необходимо.

– Привет, – негромко сказала я.

В трубке были слышны шумы больницы.

– Почему ты шепчешь? – спросила Трэйси.

– Кэйд у меня. Он спит.

– Кэйд в твоём доме?

– Ага, – подтвердила я. – Я привезла его вчера вечером. Я не знала, что делать.

– А что об этом думает Райан?

– Он всю неделю будет в деловой поездке в Портленде.

– Ох, Кайли, – вздохнула моя подруга. – И что же, Кэйд просто спит в твоей гостевой комнате?

– Сейчас он спит на диване в гостиной, а ночью спал в моей кровати. Не со мной, разумеется. Он просто там уснул, – выпалила я на одном

дыхании. – Я его искупала, передела в чистое. Он в одежде Райана.

– Вау. – Трэйси осознала все сказанное мной.

– Согласна, – нервно ответила я.

– Кэйд вскоре начнет участвовать в программе в Харборвью, верно?

– Да. – Я на мгновение замолчала. – Но я подумала: может быть, ему лучше остаться здесь? Ведь он только меня иногда узнает. Он может оставаться в моем доме до тех пор, пока не сумеет жить самостоятельно.

– Но, Кайли, ты не медик и не специалист. Кэйд нуждается в лекарствах и восстановлении. Не пойми меня превратно: я уверена, что ты отлично о нем позаботишься, но ему нужно намного больше.

Трэйси перевела дух после своей тирады и продолжала:

– Мы с тобой знаем, что Райану не придется по душе твоя такая длительная забота о Кэйде.

Я покачала головой:

– Райан поймет.

– Да что ты говоришь? – парировала Трэйси. – Кэйд – мужчина, которого ты когда-то любила всем сердцем. Он неожиданно возникает из небытия, и ты превращаешься в его персональную сиделку.

– Райан на моем месте поступил бы точно так же, – ответила я.

– Не уверена в этом, как не уверена и в том, что кто-то другой сделал бы это. Ты живешь по своим правилам. Я тебя знаю. Ты когда-то потеряла Кэйда, и ты просто не можешь потерять его снова. Я это понимаю. Но, Кайли, игра в семью с Кэйдом его не спасет. Если он действительно тебе безразличен, то ты проследишь за тем, чтобы он начал участвовать в программе в Харборвью. Тебе придется его отпустить, чтобы ему стало лучше.

Я вздохнула:

– Ты права.

– И ты это знаешь. – Трэйси отвлеклась на какой-то рабочий момент, потом продолжила разговор со мной. – Мне пора бежать, – объяснила она. – Но, Кайли, я думаю, что есть один замечательный способ помочь Кэйду.

– Какой же?

– Надо выяснить, что с ним случилось, – сказала Трэйси. – С тех пор как ты рассказала мне об истории болезни безымянного пациента, попавшего в Харборвью в 1998 году, у меня появилось очень неприятное чувство.

– У меня тоже, – призналась я.

– Кэйд жил полной жизнью, его бизнес процветал, и вдруг он все бросил. Или мы так думали, что он все бросил. Возможно, кому-то

понадобилось лишить его всего этого. И этот человек имеет отношение к тому, каким Кэйд стал теперь.

Я кивнула, хотя подруга меня не видела.

– Согласна с тобой. – Я еще больше понизила голос, поскольку мне показалось, что Кэйд заворочался на диване. – Что-то здесь не так.

– Помоги ему все исправить. – На этом Трэйси повесила трубку.

Остаток вторника пролетел незаметно, и к утру среды я задумалась о том, как мчится время, когда ничем особенно не занят. Я сидела на крыльце с Кэйдом, готовила нам еду, рассказывала ему истории, которые он скорее всего не помнил или даже не понимал смысла сказанного мною. Но каждую долю секунды, когда он смотрел на меня ясным взглядом, я чувствовала тепло, которое невозможно описать. Так случалось, как правило, в те минуты, когда я включала музыку, старые записи, которые мы когда-то оба любили. В эти мгновения я видела, что его дух жив, я видела прежний блеск в его глазах.

Когда Райан позвонил вечером в среду, я вышла на заднее крыльцо, чтобы поговорить с ним.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответила я.

– Я скучаю по твоему голосу. Я очень по тебе скучаю.

– Я тоже по тебе скучаю. – Я потянула за нитку, выбившуюся из рукава моего свитера.

– Как у тебя дела?

– Хорошо.

– Я пытался звонить тебе в офис, но ты не брала трубку.

– Прости, был просто сумасшедший дом.

– Понимаю, дорогая. Послушай, я вот что хочу сказать... – На мгновение он замолчал. – Ты так отдалилась от меня. Я понимаю, что тебя что-то мучает, что-то такое, о чем ты мне не говоришь или пока не готова мне сказать. Пожалуйста, что бы это ни было, не позволяй этому встать между нами. Кайли, я не могу тебя потерять.

Мои глаза наполнились слезами. Я плакала по Райану, по себе самой, по моему прошлому и моему будущему.

– Ты меня не потеряешь, – пообещала я ему и тут услышала звон стекла в доме. – Райан, прости меня, мне пора идти. Я позвоню тебе позже, хорошо?

Кэйд стоял посреди гостиной и нервно смотрел себе под ноги. Осколки творения Дейла Чихули^[39] – инсталляции из разноцветного стекла,

подаренного нам родителями Райана в честь помолвки, – лежали на полу.

– Все в порядке, – сказала я и бросилась к нему.

Кэйд опустился на колени, взял один осколок, потом другой и соединил их в безуспешной попытке исправить непоправимое. Спустя мгновение я заметила кровь, которая текла по его руке, и ахнула:

– Ты порезался! Брось это. Я потом все уберу.

Я вскочила на ноги, принесла влажную салфетку и пластырь, взяла руку Кэйда, чтобы обработать порез. Когда я закончила, он не отпустил мою руку, а сжал ее.

– Спасибо, – сказал он тем самым голосом, который я так хорошо знала. Этот голос заставлял меня смеяться и плакать, рассказывал тысячи историй и бесконечное количество раз повторял «я люблю тебя».

Глава 18

17 октября 1997 года

Я бросила взгляд на часы на стене: восемнадцать тридцать пять. Кэйд опаздывал уже на час.

– Ты нервничаешь? – Трэйси взглянула на меня с дивана: она смотрела повтор эпизода из сериала «Друзья».

Я открыла было рот, чтобы объяснить, но Трэйси продолжала:

– Ты читала свой гороскоп на сегодня?

Я покачала головой.

Она кивнула:

– Ретроградный Меркурий все разрушает, особенно для Водолеев. – Моя подруга нахмурилась. – Мне неприятно это говорить, ведь я знаю, как вы с Кэйдом любите друг друга, но отношения становятся сложными.

– Что ж, – вздохнула я, – ты знаешь, что я обычно не веду себя на все эти штучки, – но... – я снова посмотрела на часы, – придется признать, что ты права.

– Что происходит? – спросила Трэйси.

– Кэйд снова опаздывает, – ответила я. – Он должен был быть здесь в пять тридцать.

Я уставилась на приготовленный мной и уже остывший ужин – сибас и спаржа на пару – и снова вздохнула.

– Он звонил?

– Нет. – Я плюхнулась на диван рядом с Трэйси. Волосы Дженнифер Энистон на экране выглядели идеально, она пила кофе из огромной кружки. Я провела руками по собственной шевелюре и подумала, что надо было бы подстричься по-другому или сменить цвет волос. Возможно, стоило вообще все изменить.

Трэйси понимающе кивнула.

– Что-то не так, – сказала я.

– Ты о чем?

– О Кэйде. Он... изменился.

– Изменился?

Я со вздохом кивнула:

– Кэйд – звезда в каждой компании, самый веселый, самый общительный. Я поняла это, когда мы только познакомились. Он меня покорила с первой встречи. Когда его солнце светит тебе, ты просто...

чувствуешь это. Но если оно тебе не светит, становится холодно.

Трэйси выключила телевизор.

– Это всего лишь такой период, кочка на дороге. – Она попыталась меня успокоить. – В любых отношениях такое случается. Вы предназначены друг для друга. Я это знаю. И ты тоже знаешь.

Я кивнула, соглашаясь.

– И потом, – продолжала Трэйси, – твой гороскоп говорит, что ты справишься с этими трудностями и станешь только крепче.

Я выдавила улыбку и повернулась к двери. На пороге с глуповатой улыбкой стоял Кэйд.

– Привет. – Он провел рукой по волосам. – Прости, я опоздал.

Он подошел ко мне и быстро поцеловал в губы. Я ощутила запах спиртного и отвернулась.

– Пожалуй, я прогуляюсь немного, а вы пока поговорите. – Тактичная Трэйси встала, взяла свитер и направилась к выходу.

– Детка, – сказал Кэйд, беря меня за руку, – встреча затянулась, а потом Стив из группы Everland^[40] – ты же знаешь, что мы только что подписали с ними контракт, – заехал в офис, поэтому я повел его выпить и...

– Кэйд, все в порядке. – Я прервала его.

– Нет, не в порядке, – нежно ответил он, – я же вижу.

Я вздохнула, не отводя взгляда от панорамы города за окном. Клен с яркими оранжевыми листьями, казалось, пылал на улице внизу. Мое сердце горело огнем. Я повернулась к мужчине, которого любила.

– В последнее время ты часто отсутствуешь, – заговорила я. – Что бы мы ни планировали вместе, ты всегда опаздываешь. Такое ощущение, что ты... теряешь интерес ко мне, к нашим отношениям.

– Ох, Кайли, – глаза Кэйда сузились, на лице появилось выражение тревоги, – вот уж неправда!

– Тогда как ты все это объяснишь?

– Думаю, я просто устал.

– От работы?

Он нахмурился:

– Да. И от других вещей.

– Например?

Кэйд отвернулся:

– Не о чем беспокоиться.

– Расскажи мне, – попросила я.

– Послушай, – он чуть повысил голос, – просто поверь мне, когда я говорю, что беспокоиться не о чем.

Кэйд встал и подошел к окну.

– Я не хочу впутывать тебя в такие вещи... – Он замолчал, потом снова повернулся ко мне. – Детка, прости меня. Мой тон ужасен. Прости...

Я кивнула, чувствуя подступающие слезы.

Он опустился на колени рядом со мной.

– Обещаю, все наладится, только дай мне немного времени.

Кэйд взял меня за руку, и я не отняла ее.

– Что бы ни происходило в твоей жизни, – сказала я, – пожалуйста, не закрывайся от меня.

– Разве я могу это сделать? – спросил Кэйд.

Но я боялась, что он уже это сделал.

Глава 19

26 ноября 2008 года

Кэйд спокойно сидел на диване вместе с Эдди. Чуть раньше я позвонила доктору Брэнсон и узнала, что через день он уже может переехать в свою новую квартиру в Харборвью, чтобы принять участие в программе. Новость была хорошей, но мне была неприятна сама мысль о его уходе. Я не могла отделаться от неприятного чувства, что без моей защиты он может просто встать и уйти, исчезнуть снова на день, на год или навсегда.

Я села рядом с ним и заметила, что он все время отбрасывает отросшие волосы с глаз. Я вспомнила, что в ванной наверху в шкафчике лежит электрическая машинка для стрижки. Райан периодически пользовался ею, чтобы подстричь виски. Я побежала наверх, нашла ее и спустилась в гостиную, прихватив еще и ножницы.

– Давай-ка мы тебя подстрижем, – с улыбкой обратилась я к Кэйду.

Он непонимающе посмотрел на меня.

– Я умею, – добавила я, выдвигая стул из-за стола. – Иди сюда.

Кэйд не тронулся с места, поэтому я подошла и взяла его за руку.

– Обещаю, я буду осторожна.

Он опасливо последовал за мной в кухню и сел на стул, который я поставила на кафельный участок пола. Прикрыв ему полотенцем плечи, я включила в сеть электрическую машинку, вспоминая, какую прическу носил Кэйд. Короткие волосы по бокам и чуть длиннее на макушке. Он чуть сморщился, когда я провела по волосам расческой.

– Все в порядке, – шепнула я, срезая для начала длинные волосы, а потом подбравая их по бокам. Пряди падали на пол клочками. Кэйд сидел смирно, положив руки на колени, пока я стригла, подравнивала и расчесывала его волосы, приводя прическу в порядок. Потом я принялась за его бороду.

– Пожалуй, ее нужно немного укоротить.

Кэйд не стал протестовать, когда я прошлась машинкой по его щекам и подбородку, срезая жесткие волосы. Потом я смахнула волосы с его шеи, сняла полотенце и отступила на шаг, чтобы оценить результат. Он встал, провел руками по волосам, потом коснулся лица. Увидев свое отражение в зеркале на стене, Кэйд явно разволновался, как будто увидел привидение. Призрак из его прошлого.

– Ты выглядишь... замечательно. – Я была взволнована едва ли не сильнее, чем он сам. – Ты точно такой, каким я тебя помню.

Кэйд все еще продолжал смотреть на свое отражение, пока я подметала пол и убирала все необходимое для стрижки обратно в коробку. В мойке стояла посуда, но мыть мне ее не хотелось. Вместо этого я подошла к проигрывателю, тому самому, из-за которого Райан всегда сочувственно округлял глаза. Он остался у меня с того времени, когда я была с Кэйдом. Кэйд клялся, что на виниле звук лучше. С тех пор я редко его включала, но расстаться с ним было выше моих сил. Пусть даже мои старые пластинки, стоявшие на книжной полке, только собирали пыль, одно их присутствие меня успокаивало.

Я выбрала мой любимый альбом *So Tonight That I Might See*^[41] группы Mazzy Star, вытащила его из обложки, поставила игру на первый трек. Начальные ноты песни *Fade into You* вернули меня на двенадцать лет назад, в тот вечер, когда я встретила Кэйда. Я не ждала, что он помнит эту песню. Возможно, он ее помнил. Или не помнил. Но ее помнила я. Медленно покачиваясь, я вспоминала, как он взял меня за руку в тот вечер и повел за кулисы, чтобы мы могли смотреть концерт вместе. Я помнила, как он смотрел на меня. Как быстро летело время в его присутствии. Я крепко зажмурилась и сразу открыла глаза, как только почувствовала его руку на талии. Поначалу я решила, что мне это снится, что я представила себе прикосновение Кэйда. Но потом он положил мне на талию и другую руку и развернул меня к себе. Наши глаза встретились, и я увидела в его глазах слезы. Его руки лежали на моей талии, а мои руки, повинаясь инстинкту или мышечной памяти, легли ему на грудь, потом поднялись к худым плечам и обвили его шею. Кэйд притянул меня еще ближе, и мы покачивались под музыку, мелодия за мелодией, не в силах разомкнуть объятия, держась друг за друга.

Я понимала, что нужно отстраниться. Он был слишком болен, чтобы понимать, что он делает. Кэйд был не в себе. Но момент ощущался как слишком реальный, чтобы его отрицать. Он держал меня точно так, как когда-то. Мне хотелось сказать ему тысячи слов. *Ведь ты все помнишь, правда, Кэйд? Знаешь ли ты, как тяжело мне пришлось, когда ты исчез? Понимаешь ли, как долго я тебя оплакивала? Я так и не перестала тосковать по тебе. Я не перестала любить тебя. Ты знаешь об этом, Кэйд? И вот ты здесь, ты обнимаешь меня в гостиной. А я, черт побери, не знаю, что мне делать. Я напугана, если честно, я в ужасе. Боюсь за тебя, за себя, за ту жизнь, которую я выстроила после твоего ухода и которая, как мне кажется, вот-вот разлетится вдребезги.*

Эти мысли кружились вокруг меня, словно семечки одуванчика на ветру, свободные и неподвластные. И я как будто повисла в воздухе. Я оказалась между двумя мирами, одной ногой в одном, другой в другом, и с одним сердцем, разрывающимся пополам.

Я подняла голову с груди Кэйда и посмотрела на него долгим взглядом.

– Позавчера ты сказал, что помнишь. Кэйд, я должна знать. Ты действительно помнишь? Ты действительно вспомнил меня? Ты помнишь нашу жизнь?

По моим щекам уже текли слезы, и он нежно вытер их и кивнул.

И в ту же секунду я услышала, как в замке поворачивается ключ. Я в испуге обернулась и увидела Райана с чемоданом в руке. Он стоял в прихожей и смотрел на нас, открыв рот.

– Райан? – Я отступила назад, разорвав объятия Кэйда.

– Что происходит, Кайли?

– Ну, в общем, видишь ли... – Я посмотрела на Кэйда, потом снова на Райана.

Он поставил чемодан на пол.

– Я, конечно, *вижу*.

Райан остался стоять у входа, как будто между нами кто-то провел невидимую и непреступную черту, которую он не мог пересечь.

– Райан, это Кэйд, – сказала я.

– Кэйд... Ну разумеется.

– Райан, это не то, что ты подумал, – продолжала я. – Он стал бездомным и так и не оправился от последствий тяжелой травмы мозга.

Райан изучающее посмотрел на Кэйда.

– Это тот парень, которого мы видели у ресторана. Тот самый, который едва не напал на мою мать? – Он кивнул. – Это многое объясняет.

– Райан, – взмолилась я, – ему нужна наша помощь.

– Конечно, она ему нужна. – Райан потер лоб. – И ты, как я посмотрю, отлично справляешься, *помогая* ему.

– Я записала его на программу для пациентов с последствиями травматического повреждения мозга в Харборвью.

Я повернулась к Кэйду. Он стоял, уставившись в пол, и мне это не нравилось. Как не нравилось и это столкновение с Райаном. Но за Кэйда я переживала больше.

– Его примут в больницу в пятницу. Ему негде было пожить до этого времени.

Райан покачал головой.

– И ты все это от меня скрывала?

– Я собиралась сказать тебе. Я лишь пыталась выбрать удобный момент. Я боялась, что ты отреагируешь... именно так.

Райан вздохнул:

– Именно так? Кайли, а чего еще ты от меня ждала? Мы собираемся пожениться, а ты все никак не можешь разослать приглашения на свадьбу. У меня такое чувство, словно я совсем тебя не знаю.

Он потряс ключами.

– Не уходи. – Я шагнула к нему. Мне казалось, что я оказалась между двумя разрушающимися мирами, и я не в силах спасти ни один из них.

Райан долго молчал, глядя на меня своими красивыми глазами. Он ждал.

– Я уйду, – наконец сказал он тихим голосом человека, потерпевшего поражение. – Я поживу у своего друга Мэтта, пока мы не решим наши проблемы.

– Райан, пожалуйста, – взмолилась я. – Мне нечего от тебя скрывать.

Он посмотрел на меня, потом на Кэйда, и я все поняла по его лицу.

– Нечего скрывать? – Райан покачал головой. – Моя дорогая Кайли, ты все время пряталась от того, от чего убежать невозможно, – от правды. Тебе пора признать ее, даже если у меня разобьется сердце. – Он взялся за ручку чемодана. – Спокойной ночи.

Кэйд стоял позади меня, а я не отводила глаз от закрывшейся двери, думая, не стоит ли мне побежать за Райаном, упротить его остаться, понять меня. Он наверняка сможет понять. Но мои ноги не двигались с места, и голос почему-то пропал. Я не могла пошевелиться. Упав на колени, я разрыдалась. Мне казалось, что я тону в своих печалях, не в силах оставаться на поверхности. И тут Кэйд положил руку мне на плечо, как будто бросил спасательный круг.

В тот вечер Райан так и не ответил на мои звонки. На следующее утро я позвонила его другу Мэтту, который должен был стать шафером на нашей свадьбе.

– Мэтт, это Кайли. Райан с тобой?

– Был, – ответил он. – Сказал, что если не может быть с тобой, то ему лучше быть одному.

– Насколько я понимаю, он рассказал тебе о...

– Да.

– Я сама собиралась ему обо всем рассказать, но Райан вернулся домой из поездки раньше времени, и все пошло не так... – Я вздохнула. – Ох,

Мэтт, момент оказался совсем неподходящим.

– Кайли, ты действительно собираешься бросить Райана ради бездомного парня?

– Прежде всего, я его не бросаю, – сказала я. – И Кэйд не просто какой-то бездомный тип. Он мой бывший парень. Мы были вместе два года.

– Тогда ты сама можешь понять, почему Райан буквально убит этим, – ответил Мэтт.

– Да, все слишком запуталось, и я хочу во всем разобраться. Но я обязана помочь Кэйду. У него больше никого нет. – Я понизила голос, чтобы не разбудить Кэйда, еще спавшего наверху. – Он остался у меня только потому, что ему некуда больше идти. Завтра я отвезу его в Харборвью. Его взяли в программу помощи пациентам с последствиями черепно-мозговых травм. Кэйд будет жить там под наблюдением специалистов, которые смогут помочь ему снова вернуться к нормальной жизни. Ему придется почти всему учиться заново.

– Понятно, – отозвался Мэтт. – И я не осуждаю тебя, Кайли. Просто...

– Райан твой лучший друг, я все понимаю. Пожалуйста, поверь, я никогда не хотела причинить ему боль.

– Спасибо, – сказал Мэтт и повесил трубку.

В пятницу я выбрала свежую одежду для Кэйда из шкафа Райана и помогла ему одеться. В машине по дороге в Харборвью он молчал, и я тоже.

– Доброе утро. – Доктор Брэнсон встретила нас на втором этаже. На неделе я несколько раз говорила с ней о Кэйде, когда она звонила, чтобы узнать о его состоянии. – Это моя помощница Тэсс. Если вы готовы, то мы сейчас вами займемся.

Я кивнула за нас обоих, и мы направились по длинному коридору к другим лифтам.

– Я полагаю, в случае крайней необходимости звонить нужно вам? – спросила Тэсс, глядя в папку, которую держала в руках.

– Крайней необходимости?

– Это всего лишь мера предосторожности, – объяснила женщина, – на тот случай, если пациент, к примеру, уйдет. Как я уже говорила вам по телефону, пациенты с последствиями черепно-мозговой травмы склонны к бродяжничеству.

– Понятно. – Я с трудом сглотнула. Мы снова оказались на первом этаже, вышли во двор и пошли по дорожке к кирпичному строению,

похожему на офисное здание. – Да, разумеется, вы можете звонить мне.

Доктор Брэнсон указала на здание впереди.

– Нам туда. – Она улыбнулась. – Это центр Эдварда Миллера для лечения и реабилитации пациентов с травмами головного мозга.

Врач повернулась к Кэйдду:

– Здесь вы будете жить весь следующий год. У вас будет своя квартира. Посмотрите, – она указала на угловое окно на верхнем этаже, – вон там ее окна.

Кэйд перевел взгляд сначала наверх, потом на меня. Я не поняла, испуган он, или обескуражен, или то и другое вместе.

– Персонал находится в центре круглые сутки семь дней в неделю. Каждый день у вас будут занятия по развитию речи, физические упражнения, тесты и социальная реабилитация, чтобы вы могли снова освоить то, что было вами потеряно после травмы. – Она положила руку на локоть Кэйда. – Мы намерены помочь вам вернуться в жизнь.

На лифте мы поднялись на третий этаж. Тэсс прошла вперед, остановилась у двери с цифрами 304 и вставила ключ в замок. Следом за ней мы вошли в квартиру-студию. Она была маленькой, в воздухе пахло дезинфекцией и мастикой для полов. Ничего даже отдаленно похожего на квартиру Кэйда на площади Пионеров, но она была чистой и солнечной, высокие потолки добавляли пространства.

Я смотрела, как Кэйд обходит свой новый дом по периметру. Он остановился возле двуспальной кровати с простым больничным бельем, потом повернулся к коричневому дивану для двоих и кофейному столику. В крохотной кухне уместились шкафчики, мойка для посуды и мини-холодильник.

– Для общей безопасности пациентов мы настаиваем на том, чтобы жильцы не пользовались плитой или духовкой. Поесть можно в кафетерии на первом этаже. Завтрак подают в восемь часов, ланч в полдень, обед ровно в пять, – объяснила Тэсс.

– Надеюсь, ему здесь понравится, – обратилась ко мне доктор Брэнсон.

– Я тоже надеюсь.

– А теперь, – продолжала она, – вам пора сказать друг другу «до свидания». У Кэйда сегодня очень насыщенный день. Ему предстоит познакомиться с теми, кто будет с ним работать. Бригада неврологов соберется в два часа, чтобы оценить состояние пациента. Нам необходимо определить его нынешний уровень, чтобы следить за прогрессом.

Я кивнула и отступила назад.

– Всегда тяжело оставлять их, – сказала доктор Брэнсон. – Но, я

уверяю вас, здесь Кэйд будет в отличных руках.

– Спасибо, – поблагодарила я, еще раз посмотрев на Кэйда, прежде чем повернуться к двери. Он стоял у окна, глядя на Капитолийский холм Сиэтла, расположенный по соседству, где располагалось огромное количество магазинов звукозаписей. На небе города отчетливо выделялась «Космическая игла». – Завтра я зайду его навестить.

Он смотрел прямо перед собой. Я не была уверена, что он меня услышал. Трэйси оказалась права. Как бы мне ни хотелось спрятать Кэйда от мира, чтобы не потерять снова, я должна была отпустить его на свободу. И это самое безопасное место для него. Но, спускаясь на лифте на первый этаж и возвращаясь к своей машине, я не могла отделаться от ощущения, что в квартире 304 я оставила часть самой себя.

Я ехала через площадь Пионеров. Вторая статья из моей серии вызвала еще более оживленную дискуссию, чем первая, но это не повлияло на тот факт, что на улицах оставалось слишком много бездомных. Третья статья, в которой я рассказывала о девелоперах и предложенном ими «пакете переселения», была полна цифр и фактов. И все же мне не удавалось пока завершить статью о Кэйде. Она была не закончена, потому что не закончилась его история. Но, пусть и медленно, я все же писала ее. Статья ни на минуту не выходила у меня из головы, как и сам Кэйд.

Я так глубоко задумалась, что почти не заметила, как доехала до дома. Когда я припарковала машину, у меня потеплело на сердце – машина Райана оказалась у входа.

– Привет, – поздоровалась я, остановившись в прихожей, где накануне он стоял с таким лицом, как будто его мир рушился.

– Привет, – ответил он, поднимая глаза от ноутбука, стоявшего на столе в кухне.

– Не ожидала увидеть тебя здесь.

Райан долго смотрел на меня, потом встал и подошел ко мне.

– Кайли, у меня было время подумать, – сказал он. – Мне было больно, но накануне вечером я отреагировал слишком бурно. – Райан набрал в легкие побольше воздуха. – Как я могу обвинять тебя в том, что мне нравится в тебе больше всего? Ты щедрая и добрая. Тебе не безразличны люди. И ты верная.

Мои глаза наполнились слезами, когда он взял мои руки в свои.

– Прошлому трудно смотреть в лицо, но это именно прошлое. А твое будущее ты обещала мне. Если твои чувства остались прежними, мне бы хотелось продолжить наш путь в будущее, потому что я люблю тебя. Все так просто. Я люблю тебя так, как никого и никогда не любил. И я готов

дать тебе столько времени и пространства, сколько тебе нужно.

Райан пристально смотрел на меня, его глаза горели. Я понимала, что ему больно, что он напуган.

– Я пытаюсь сказать тебе, – продолжал он, – что я хочу жениться на тебе, несмотря ни на что. Я хочу любить тебя, заботиться о тебе и провести свою жизнь рядом с тобой. И я не думаю, что твое прошлое может нам в этом помешать.

Я бросилась в его объятия и расплакалась.

– О, Райан...

Он долго обнимал меня, потом приподнял мое лицо, чтобы наши глаза встретились.

– Думаю, нам вдвоем надо отправиться в путешествие, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Пять дней в Мексике. Я как раз искал авиарейсы и отели. Я могу забронировать для нас номер в «Педрегале». Это тот самый курорт, который я недавно показывал тебе в журнале «Путешествия и отдых», помнишь? При каждом номере есть свой бассейн. Мы можем спать допоздна, пить «Маргариту» у бассейна, дремать, разговаривать целыми днями и получать сообщения.

Райан улыбнулся.

– Мы могли бы улететь через пару недель. Что скажешь?

– Замечательно, – ответила я. – Но можем ли мы уехать? У нас обоих столько всего происходит на работе и...

Я подумала о Кэйде, который только что поселился в новой квартире. Могу ли я его оставить? Все ли с ним будет в порядке?

Райан заставил меня замолчать долгим страстным поцелуем.

– Это будет наш праздник, – прошептал он. – Нам есть за что благодарить жизнь.

Когда Райан притянул меня к себе своими сильными руками, которые успокаивали и любили меня на протяжении стольких лет, я растаяла в его объятиях.

– Согласна, – шепотом ответила я и закрыла глаза. Его губы скользнули от моего лица к шее, потом к плечу.

Глава 20

31 декабря 1997 года

– Ты просто милашка, – оценила мой вид Трэйси, стоявшая на пороге ванной комнаты, где я накладывала блестящие серые тени на веки.

– Спасибо, – отозвалась я, поворачиваясь к ней. – Тебе не кажется, что платье слишком...

– Нет, в нем ты сведешь Кэйда с ума, – заверила она.

Черное, облегающее и усыпанное сверкающими пайетками, это платье я нашла на распродаже в «Нордстроме» неделей раньше и сразу же его купила. Но почему-то в нем я чувствовала себя неудобно.

– Правда? – Я поправила платье в талии. Вот только я не сказала своей лучшей подруге, что сомневаюсь во всем, начиная с наряда и заканчивая любовью Кэйда. В последнее время он очень сильно отдалился от меня, был сам не свой.

– Поверь мне, ты будешь самой горячей девчонкой на вечеринке, – убежденно заявила Трэйси.

– Только после тебя, – с улыбкой ответила я.

Она посмотрела на свое красное платье без рукавов и пожала плечами.

– Скорее всего Марк его даже не заметит.

Я знала, что они в последнее время не слишком ладили, но была рада услышать, что Марк все же придет на ежегодную вечеринку Кэйда в «Стихия Рекордс».

– Он обязательно заметит. Сегодня ты выглядишь просто сногсшибательно.

Через мое плечо Трэйси бросила на себя долгий взгляд в зеркало и пробежалась пальцами по воображаемым мешкам под глазами.

– В медицинской школе трудно с личной жизнью, – заметила она. – Это утомительно и эмоционально опустошает.

Трэйси вздохнула, потом рассмеялась:

– Возможно, мне все же стоило завести отношения с Уэсом.

– Мормоном?

– Ага, – с тоской ответила она. – Он меня любил.

– Но ты его не любила, – фыркнула я.

– Уэс был такой красивый и такой... милый.

– Мормоны вообще очень милые.

Трэйси кивнула:

– Вот только он носил брекетy.

– Бедняга, – посочувствовала я. – А разве он не сбежал со службы только ради того, чтобы приехать домой и оказаться брошенным тобой?

– Да, два года в Джексоне, штат Алабама, – в глубокой задумчивости ответила Трэйси. – Но он совершенно не умел целоваться.

– Брекетy, – хором выпалили мы и расхохотались.

– Готова? – спросила я, в последний раз проводя щеткой по волосам и собирая их в аккуратный низкий конский хвост.

Трэйси посмотрела на наручные часики.

– Да, Марк освободится через час. Он придет прямо туда.

Мы могли бы дойти пешком, но надели туфли на каблуках, да и день выдался достаточно холодным, пошел снег. Поэтому Трэйси возле нашего дома остановила такси. Когда мы приехали в квартиру Кэйда, было уже пять минут девятого, и человек десять уже были там.

– Привет, красотка. – Хозяин дома мгновенно оказался у двери, как только увидел меня. – Выглядишь невероятно.

– Спасибо, – просияла я.

Квартира превратилась в зал для вечеринки. Мебель отодвинули к стенам, чтобы осталось место для танцев. Стробоскопы и зеркальный шар создавали атмосферу. Бармен стоял наготове в кухне Кэйда, а стереоустановкой командовал один из стажеров «Стихия Рекордс» по имени то ли Том, то ли Тони.

– У меня для тебя сюрприз, – сообщил Кэйд, ведя меня за собой в кухню.

Я свернула следом за ним за угол и увидела двух женщин с выбеленными волосами, стоявших на коленях возле черного щенка лабрадора.

– Заранее поздравляю с днем рождения, – с улыбкой сказал Кэйд.

Мои глаза расширились:

– Кэйд!

– Ты всегда говорила, что хочешь черного лабрадора, поэтому я дарю его тебе.

Я опустилась на колени, в моих глазах стояли слезы.

– Я думала, что мы могли бы растить его... вместе.

Щенок ткнулся носом мне в щеку, стоило мне только нагнуться к нему.

– Привет, малыш.

Одна из блондинок подняла голову и улыбнулась, когда Кэйд опустился на колени рядом со мной и спросил:

– Как мы его назовем?

– Эдди, – ответила я, беря щенка на руки.

– Пусть будет Эдди, – одобрил Кэйд.

Спустя несколько минут появились новые гости, и я предложила перенести Эдди в гостевую спальню. Шум вечеринки наверняка стал бы для щенка слишком большим потрясением.

– Что выпьешь? – спросил Кэйд, устроив щенка в комнате и оставив ему миску с водой и несколько одеял.

Мы подошли к барной стойке, где стояла Трэйси. Она держала в руках бокал с мартини, и я решила последовать ее примеру. Мы немного поболтали со служащими «Стихия Рекордс», старыми друзьями Кэйда, музыкантами из групп, о которых я никогда не слышала, и некоторыми из тех, кого я знала, такими как Дэйв Грол из Foo Fighters^[42]. Тот сам представился Трэйси и налил себе рюмку «Егермейстера». Наконец появились Джеймс и Алексис. Он выглядел рассеянным и усталым, как будто эта вечеринка была обязательным мероприятием, с которого ему не терпелось сбежать. Если Алексис испытывала те же чувства, то она этого не показывала. Она улыбнулась мне.

– Привет. – Я помахала им рукой. Хмурое лицо Джеймса разгладилось, когда он увидел меня, и они с Алексис подошли к нам сразу после того, как взяли напитки в баре.

– Счастливого Нового года, – пожелал Джеймс и потянулся ко мне с бокалом мартини, чтобы чокнуться.

– Джеймс и Алексис, познакомьтесь, это моя подруга Трэйси, мы вместе снимаем квартиру, – представила я.

– Рад познакомиться, – улыбнулся Джеймс.

Кэйд в противоположном углу комнаты ставил пластинку, и когда наши взгляды встретились, он понимающе улыбнулся мне.

Трэйси прижала руку к груди:

– Я обожаю этот альбом.

– Я тоже, – сказала Алексис. – Нил Янг никогда не устареет.

Я кашлянула.

– Ты имела в виду Гарри Нилссона, верно?

Щеки Алексис порозовели.

– Ах да, верно.

– На мой взгляд, они похожи, – добавила я, помогая ей достойно выйти из ситуации.

– Нил Янг и Гарри Нилссон? – Кэйд хмыкнул. – Ну это вряд ли.

Я сурово посмотрела на него:

– У них обоих звук из семидесятых.

Джеймс улыбнулся, а взгляд Алексис заметался по комнате. Я не могла сказать, обижена ли она до глубины души или ей просто неловко. По выражению ее лица ничего невозможно было понять.

– Давно вы встречаетесь? – спросила Трэйси, изо всех сил пытаясь разбить лед.

Алексис открыла было рот, но Джеймс ее опередил.

– Около года, – ответил он.

– А чем ты занимаешься? – поинтересовалась Алексис у Трэйси, меняя тему. Ее глаза неотрывно следили за Кэйдом, который отправился к бару.

– Я учусь в ординатуре в медицинском центре университета Вашингтона.

– Сейчас вас примет доктор Гринфилд, – пошутила я.

Джеймс засмеялся, но лицо Алексис даже не дрогнуло.

– Фантастика, – сказал он. – Я даже представить не могу, насколько трудно учиться на медицинском факультете.

Трэйси кивнула:

– Очень трудно. Честно говоря, это просто чудо, что у меня сегодня выходной и я смогла прийти сюда.

– Я рад, что у тебя получилось. – Джеймс кивком указал на ее бокал. – У тебя пусто. Давай-ка сходим за добавкой.

Трэйси улыбнулась, посмотрела на меня и пошла к бару вместе с Джеймсом. Алексис рассеянно двинулась вслед.

Вернулся Кэйд. Он поцеловал меня в щеку и спросил:

– Как моя девочка?

Язык у него немного заплетался. В руке он держал бокал, а я видела, что шесть бокалов он уже выпил. Но мне не хотелось портить ему праздник, все-таки канун Нового года.

Я посмотрела в сторону бара и увидела, что Джеймс смеется вместе с Трэйси, а той явно неловко. Он дотронулся сначала до ее спины, потом коснулся руки.

– Не понимаю я этого. Что вдруг Джеймсу вздумалось подбивать клинья к Трэйси? – сказал Кэйд, и тут у него за спиной возникла Алексис. – Прости, – быстро извинился он, – я...

– Все в порядке, – ответила она. Если поведение ее бойфренда и причинило ей боль, она ничем этого не выдала.

– Отличная вечеринка. – Алексис посмотрела в глаза Кэйду. Она выглядела очень хорошенькой в черном платье и темно-бордовых ботинках «Док Мартенс».

– Принести тебе выпить? – спросил Кэйд.

Алексис улыбнулась:

– Что-нибудь покрепче.

Он повернулся ко мне:

– А тебе, Кайли?

– Нет, спасибо.

– Что ж, а мне необходимо добавить, – усмехнулся Кэйд. Алексис пошла за ним к бару, и я почувствовала укол ревности, заметив, как он коснулся ее плеча. Глупо, да. Кэйд никогда не стал бы мне изменять, тем более с Алексис, но в последнее время мне никак не удавалось избавиться от чувства неуверенности. Наша связь, такая крепкая поначалу, почему-то ослабела, как будто сердце стало биться тише, и я не понимала, почему это происходит.

Мне не хотелось признавать это или обсуждать ситуацию с Трэйси, но я беспокоилась за Кэйда. Он выглядел более встревоженным, чем обычно, да и выпивал чаще обычного.

Я подошла к бару и обняла Кэйда за талию. Взгляд Алексис переместился с Кэйда на бокал, она сделала большой глоток.

– Мне повторить, – обратился Кэйд к бармену. – А еще лучше сделай двойной.

Джеймс неодобрительно посмотрел на него:

– Дружище, это уже четвертая? Или пятая?

– Тебе какое дело? – парировал Кэйд. – Я не знал, что ты считаешь.

– Ты слишком много пьешь, – не удержался Джеймс. – Ты бы подумал...

– Подумал о чем?

Джеймс выпятил грудь.

– Ну, скажем, о том, что тебе, возможно, стоило бы перестать столько пить, и тогда ты, вероятно, хотя бы изредка появлялся в офисе и выполнял свою работу.

– Как ты смеешь! – возмутился Кэйд, приближаясь к нему. – Я работаю не покладая рук, и тебе об этом известно.

Джеймс пожал плечами:

– Да, когда ты не пьян.

Кэйд бросился на своего друга.

– Нет! – воскликнула я, кладя руку ему на грудь. Все взгляды в комнате были устремлены на них. – Не надо, Кэйд, не делай этого.

Он посмотрел на меня и отступил назад. Прежде чем я успела остановить его, Кэйд быстро прошел через толпу, схватил свою кожаную куртку и ушел.

– Из-за чего сыр-бор? – поинтересовалась Трэйси, подходя ко мне. Она оставила Джеймса и Алексис в углу комнаты.

– В последнее время Кэйд и Джеймс совсем не ладят, – объяснила я.

– Почему?

Я пожала плечами:

– У них практически противоположные представления о том, как управлять компанией. Противостояние достигло апогея.

Мы с Трэйси общались с другими гостями, выпивали, разговаривали. Я часто посматривала на дверь, надеясь, что Кэйд вернется. Но он все не возвращался, и я начала нервничать.

Я заглянула в гостевую спальню проверить, как дела у Эдди, нашла его поводок и решила вывести его погулять.

– Пойду поищу Кэйда, – сказала я Трэйси, взяла пальто и вышла на улицу. Воздух был ледяным. Я прошла по переулку вдоль квартала. Кэйда я нашла за углом. Он сидел на скамейке и разговаривал с бездомным.

– Вот ты где! – обрадовалась я, отпуская щенка погулять, понюхать замерзшую траву и сделать свои дела.

– Привет. Прости, но я не мог там оставаться, – откликнулся Кэйд. У него изо рта вылетали облачка пара, а я инстинктивно переступала с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть.

– Из-за Джеймса?

Кэйд пожал плечами.

– Айвен, – обратился он к бездомному, одетому в кожаную куртку Кэйда, – это моя девушка Кайли.

– Приятно познакомиться, – ответил старик, сверкнув беззубой улыбкой.

– Мне тоже, – улыбнулась я ему, подышала на руки, пытаюсь согреть их, и снова повернулась к Кэйд. – Может быть, вернемся? Уже совсем поздно.

Кэйд одним глотком допил то, что оставалось в его стакане, Айвен отпил из бутылки в коричневом крафтовом пакете.

– Я не могу больше выносить это, – сказал Кэйд. – Всех этих людей, компанию, которую мы создали. Я все это ненавижу.

– Но «Стихия Рекордс» – твоя мечта, – возразила я.

– Я любил компанию такой, какой она была вначале. Но это? – Он указал на свою квартиру. – Ты видела этих людей? Богатые парни с нанюхавшимися кокаина подружками. – Он покачал головой. – Это не та «Стихия Рекордс», которую я знал и любил.

– Тогда измени ее, – предложила я.

– Боюсь, эту битву мне уже не выиграть, – ответил он.
– Тогда ты не тот Кэйд, которого я знаю. Ты же никогда не принимаешь «нет» в качестве ответа. Ты всегда сражаешься за то, во что веришь. Ты не сдаешься. Только не ты. Поэтому не сдавайся сейчас.

Уголки его губ дрогнули в слабой улыбке. Я коснулась его руки.

– А теперь идем. Давай вернемся домой. Забудем обо всех и поднимем наш новогодний тост.

Кэйд, пошатываясь, поднялся на ноги:

– Думаю, на этом я пожелаю тебе спокойной ночи, Айвен.

Бездомный что-то пробурчал в ответ и хмыкнул.

– Ты не заберешь у него свою куртку? – шепотом спросила я.

– Не-а, – ответил Кэйд. – Ему она нужнее, чем мне.

Мои слова, должно быть, подействовали на Кэйда. Когда мы вернулись на вечеринку, он мгновенно влился в компанию, начав разговор с музыкантами у дверей. Я сжала его руку, а потом через толпу гостей отправилась на поиски Трэйси. Мне нравилось то, как Кэйд умеет общаться с людьми. Мне нравилось и то, что, хотя всем всегда хочется поговорить с ним, он всегда возвращался ко мне. Я видела, как зажигались лица гостей, когда Кэйд приветствовал их, говорил что-то хорошее об их последней песне, благодарил за визит. Когда наши глаза встретились, мне понравилось, что у меня в животе снова запорхали бабочки.

Трэйси нервно посмотрела на свои часики. Когда до полуночи оставалось полчаса, в ее глазах засверкали слезы.

– Марк не придет. Я знаю.

– Вполне вероятно, его просто не отпустили из больницы, – предположила я. – Или...

Трэйси покачала головой, потом отпила большой глоток коктейля.

– Если бы Марк хотел прийти, то он сейчас был бы здесь.

Я и ответить не успела, как услышала звуки потасовки возле двери, потом кто-то закричал.

Мы с Трэйси обернулись и увидели стоявших кружком мужчин, одетых так, словно они только что сошли со сцены шоу в стиле панк-рок. В центре этого круга Кэйд медленно поднимался с пола. Я сразу же бросилась к нему.

– Что случилось? – воскликнула я.

Он поднес руку к губам:

– Ничего серьезного. Они уже ушли.

– Кэйд, кто они такие?

– Парни из группы. Неважно. Им больше здесь не рады.

– У тебя кровь, Кэйд!

Трэйси убежала на кухню и вернулась с бумажным полотенцем и льдом.

– Приложи это к лицу.

Я помогла Кэйду удержаться на ногах.

– Я волнуюсь за тебя, – шепнула я ему.

– Это все ерунда, – отмахнулся он. – Не стоит позволять этому недоразумению испортить нам канун Нового года.

– Ладно, – неохотно согласилась я. Распахнулась дверь, появился Марк, и Трэйси побежала к нему.

– Привет, – поздоровалась я с Марком минутой позже. Он выглядел рассеянным, или уставшим, или сонным, или все вместе.

– Сумасшедший вечер в больнице, простите за опоздание, – объяснил он и повернулся к Кэйду. – Привет, приятель, рад тебя видеть.

Кэйд рассеянно кивнул, потом поймал чей-то взгляд и помахал рукой. Трэйси вернулась от бара со спиртным и предложила стакан Марку. Но он отказался:

– Пожалуй, сегодня вечером я пить не буду. Мне еще надо будет вернуться в больницу. Мне просто... э... хотелось зайти и пожелать вам счастливого Нового года.

Трэйси поставила его стакан на столик у дивана. Она как будто растеряла весь свой задор, как и Алексис, стоявшая рядом с Джеймсом в нескольких футах от нас.

Кэйд взял два бокала с шампанским, один передал мне. Он выглядел измученным, психически и физически. В его взгляде появилась странная пустота, которую я не узнавала. Конечно, Кэйд слишком много выпил, и, когда он покачнулся, пристраиваясь поближе ко мне, я почувствовала комок в горле. Он стоял рядом со мной, но при этом казалось, что он вообще не здесь.

Десять, девять, восемь. Я посмотрела на Кэйда. Семь, шесть, пять. У меня заболело сердце. Четыре, три, два. Вот так один год закончился, и начался следующий.

Глава 21

12 декабря 2008 года

За окном моей кухни свет струился сквозь ветки вишневого дерева, отбрасывавшего изломанную тень на тротуар, темную и зловещую. Я не могла прийти в себя от двойственности жизни, от того, что мир может быть одновременно прекрасным и жестоким.

Этот день... Годовщина... Я смахнула слезы, окунувшись в воспоминания, которые я старалась похоронить. Цвет стен в маленькой больничной палате, обтрепавшиеся по краям тоненькие белые занавески, отделяющие две койки друг от друга. Эти воспоминания, от которых я так долго надеялась избавиться, упрямо не хотели уходить. Возможно, они останутся со мной навсегда. Я глубоко вздохнула, налила себе двойной эспрессо из ультрамодной новой кофемашины, которую прислали родители Райана, потом взяла ключи и поехала в Харборвью навестить Кэйда.

С порога я наблюдала, как он завтракает в кафетерии вместе с двумя другими пациентами. Он выглядел более окрепшим и сосредоточенным. К нему подошел кто-то из персонала и заговорил. Я сделала несколько шагов, чтобы тихонько послушать, как они общаются.

– У вас, случайно, нет какого-нибудь острого соуса? – спросил Кэйд.

Сотрудница кафетерия улыбнулась.

– «Табаско» подойдет?

Кэйд помолчал, потом улыбнулся в ответ.

– Раньше я любил «Табаско».

Я усмехнулась про себя. *Кэйд и острая еда.*

– Посмотрите на него. – Над моим плечом раздался голос доктора Брэнсон.

Я просияла, с гордостью глядя на Кэйда, удивленная тем, как быстро прогрессирует его состояние. В его глазах появилась сила, та самая сила, которой в них давно не было.

– Ему все еще предстоит долгий путь, но он делает поразительные успехи, – продолжала врач-невролог, как будто подслушав мои мысли. – Мы даем ему новый препарат. Это лекарство пока еще не одобрено, но в прошлом году провели исследование, доказавшее его эффективность для лечения пациентов с последствиями травмы головного мозга. Пока еще рано говорить, поможет ли оно Кэиду, но при сканировании заметно, насколько улучшилось его состояние.

– Я так рада это слышать, – сказала я. – Завтра я уезжаю в Мексику. Могу я немного с ним пообщаться?

Доктор Брэнсон посмотрела на часы, потом кивнула:

– Да. У него свободное утро.

– Тогда, может быть, вы разрешите отвезти Кэйда к его старому другу?

– Кто этот друг?

– Лучший друг детства и бывший бизнес-партнер, – объяснила я.

– Не знаю. – Невролог явно сомневалась. – Это непростой визит для него. Если этот человек хоть как-то связан с травматическими происшествиями из его прошлого, то я бы вам не советовала.

– Видите ли, я до сих пор не знаю, что именно случилось с Кэйдом, а встреча с Джеймсом может помочь это выяснить.

– Оставляю это решение за вами, – ответила доктор Брэнсон. – Возвращение в мир – это часть выздоровления. Мы не можем защищать наших пациентов от сложностей жизни. – Она немного помолчала. – Но не слишком давите на него.

Я поблагодарила врача и стала ждать, когда Кэйд закончит завтрак. Когда он вышел в коридор, я поймала его взгляд.

– Привет, – поздоровалась я.

– Привет, – ответил Кэйд.

Я подняла повыше коричневый пакет для покупок.

– Я кое-что тебе принесла.

– Спасибо.

Я посмотрела на лифт в конце коридора.

– Хочешь, чтобы мы поднялись в твою квартиру и оставили пакет там?

Кэйд кивнул, и мы вместе поднялись на лифте на третий этаж. Солнце вливалось в маленькую комнату через большие окна. Я села на маленький диванчик, Кэйд опустился на край кровати.

– Как тебе нравится программа? – поинтересовалась я. Пока слова формировались в моей голове, они звучали нормально. Но, слетая с губ, они становились нелепыми и официальными.

Он в ответ кивнул.

– Я так за тебя волновалась, – сказала я. – Надеюсь, это правильный выбор. Ведь тебе здесь нравится, да?

– Да.

Я просияла.

– Очень рада. Я надеялась, что так и будет.

Я поставил пакет с покупками на столик.

– Скоро ты начнешь вспоминать, Кэйд. И ты вернешь свою жизнь, я

знаю это.

Я начала выкладывать из пакета вещи – две пары джинсов, свитер, три футболки – и сложила их аккуратной стопкой на кофейном столике.

– Кстати, – продолжала я, – мне пришло в голову, что мы могли бы сегодня навестить Джеймса, твоего старого друга.

Имя явно ничего не говорило Кэйд.

– Джеймс, – повторил он, словно пробовал имя на вкус.

– Вы вместе выросли, – объяснила я. – И он был твоим деловым партнером.

Кэйд кивнул.

– Доктор Брэнсон узнала, что ты был госпитализирован в эту больницу в 1998 году. Согласно истории болезни, ты отказался продолжать лечение твоих травм.

Кэйд сидел молча.

– Понимаю, что это для тебя многовато. Но мне показалось, что встреча с Джеймсом слегка встряхнет твою память.

– Ладно, – согласился Кэйд.

* * *

Мы доехали до Четвертой авеню и нашли место для парковки на улице.

– Офис Джеймса на седьмом этаже.

Кэйд настороженно посмотрел на здание, и я сжала его руку.

– Все будет хорошо, – пообещала я.

Мы поднялись на лифте до нужного этажа, кабина резко дернулась и остановилась. Я с облегчением заметила, что секретаря с галстуком-бабочкой на месте нет, поэтому мы спокойно прошли дальше.

– Нам вот сюда, – сказала я Кэйд. Кабинет Джеймса был уже виден. Усевшись на стол, он говорил по телефону, сидя спиной к стеклянной двери.

– Тук-тук. – Я приоткрыла дверь и заглянула в кабинет.

Джеймс обернулся. Когда он увидел Кэйда, его глаза расширились.

– Я вам перезвоню, – торопливо произнес он, заканчивая разговор. – Кайли и... Кэйд. Вау! Я...

– Вот и он, – с улыбкой объявила я.

Джеймс подошел к Кэйд, протянул было руку, потом смущенно рассмеялся и обнял старого друга. Кэйд не шевелился, прижав руки к

бокам.

– Давненько не виделись, – сказал Джеймс. – Как поживаешь?

Кэйд отстраненно смотрел перед собой.

– Отлично выглядишь, дружище, – продолжал Джеймс. – Когда Кайли рассказала мне о твоём... состоянии, я ожидал увидеть совсем другое.

– Кэйд проходит программу реабилитации в Харборвью, – объяснила я.

Глаза Джеймса сверкнули.

– Здорово! Я рад слышать, что тебе оказывают помощь. Если я могу сделать что-то для тебя, дружище, просто дай мне знать.

Он говорил быстрее обычного, и меня удивило его предложение помочь Кэйду, ведь я хорошо помнила нашу прошлую встречу. Тогда Джеймса, казалось, вывело из себя одно лишь предположение, что Кэйд может быть в Сиэтле.

Если Кэйд его и слушал, то никак не реагировал. Он подошел к стене офиса Джеймса и принялся рассматривать фотографии в рамках и памятные сувениры. Красивые семейные портреты. Дипломы о достижениях. Джеймс пожимает руку Джорджу Бушу. Я заметила, что взгляд Кэйда остановился, когда он увидел снимок Алексис и Джеймса на их яхте. Я обратила внимание на эту фотографию еще в свой первый визит сюда. Мне легко было представить, как эта парочка веселилась и попивала шампанское, пока Кэйд прятался за ржавым мусорным баком на Четвертой авеню.

– Джеймс, могу я кое о чем тебя попросить? – спросила я.

– Разумеется, – ответил он.

Я понизила голос:

– Врач Кэйда проверила архивные записи. Судя по всему, в августе 1998 года его доставили в Харборвью без документов и с серьезной черепно-мозговой травмой. Некоторое время Кэйд находился в коме, а потом ушел из больницы.

Я глубоко вздохнула.

Джеймс пожал плечами.

Я с подозрением посмотрела на него.

– Есть что-то, о чем ты мне не сказал? – Кэйд по-прежнему рассматривал фотографии на стене. – Пожалуйста, – продолжала я почти шепотом, – ты же когда-то любил его, как брата. Я всего лишь пытаюсь помочь ему вернуться в жизнь. Можешь мне помочь?

Джеймс обошел стол, открыл ящик и вынул чековую книжку.

– Конечно, – ответил он. – Сколько тебе нужно? Может быть, оплатить

ему машину, чтобы он ездил на работу? Или деньги на продукты? Сколько тебе нужно?

Я покачала головой.

– Я пришла к тебе не за деньгами, я пришла с искренней надеждой на твою помощь, чтобы мы могли понять, что с ним произошло.

Джеймс вздернул подбородок:

– А я сейчас расскажу тебе, что с ним случилось. Твой бойфренд сломался. У него случился нервный срыв, и он ушел, оставив «Стихия Рекордс» в руинах. Он даже не стал возражать, когда я предложил ему выкупить у него его долю. Кэйд хотел все бросить, как я тебе и говорил. Это мне пришлось собирать и спасать то, что еще осталось от фирмы. И позволь мне сказать тебе, что осталось совсем немного. Ты являешься сюда и ведешь себя так, словно я ему что-то должен. Что ж, прости, Кайли, но меня этим не проймешь.

– Тсс. – Я потянула Джеймса за рукав, и мы вышли в коридор. – Кэйд не глухой. Он все слышит.

– Тогда пусть слушает.

Я закрыла дверь в кабинет.

– Кэйд Макаллистер. – Джеймс произнес эти имя и фамилию так, словно объявлял со сцены. В его голосе в равных долях смешались ностальгия и гнев. – Он мог очаровать любого. И делал это. Кэйд и тебя очаровал, верно? Он всегда добивался своего, будь то логотип компании, прием на работу или увольнение сотрудников. Черт, он даже пинбол приволок к нам в офис. Автомат стоил шесть штук. Он спросил разрешения у меня, его делового партнера? Нет. Кэйд захотел и сделал. Ты хоть представляешь, каково это – работать с таким человеком? Я изо всех сил старался удержать компанию на плаву. Когда я попытался обсудить с Кэйдом нашу финансовую ситуацию, из него полезло дерьмо. Наша фирма шла на дно, а он не желал этого видеть. Он всегда отрицал очевидное.

Я недоверчиво покачала головой.

– Знаю, ты никогда не хотела в это верить, но это правда, – сказал Джеймс.

– У Кэйда действительно был нервный срыв?

Джеймс кивнул.

– Мне неприятно это говорить, но так и было. Это был один из худших дней в моей жизни. Все наши сотрудники видели, что он вытворял. Это стало началом конца.

– Если не ты забрал его из больницы в тот день, тогда кто?

Джеймс явно был измучен этим разговором, и я впервые заметила

темные круги вокруг его глаз, глубокие складки между бровями.

– Откуда мне знать? – ответил он.

– Ладно, тогда мы уходим, – сказала я.

Джеймс снова достал чековую книжку:

– Разреши мне хотя бы выписать тебе чек.

– Не стоит. Как ты сказал, ты уже достаточно ему дал.

Я отвезла Кэйда обратно в Харборвью, довела до квартиры и посидела несколько минут вместе с ним на диване, пока в два часа не начался его сеанс терапии.

– Прости меня за сегодняшний день, – попросила я. – Джеймс, он... Видишь ли, в вашей с ним прошлой дружбе все было слишком сложно.

Я повернулась к Кэйду, но он смотрел в окно.

– Думаю, так бывает всегда, если два человека руководят одной компанией.

Я немного помолчала.

– Я волновалась, не зная, как на тебя повлияет встреча с ним, но я пытаюсь найти ответы.

Кэйд повернулся ко мне и заговорил:

– Значит, он был моим другом?

Я никак не могла привыкнуть к тому, что он обращается ко мне, поэтому целое предложение ошеломило меня. Я стиснула его руку.

– Да, – с улыбкой ответила я. – В это трудно поверить, но когда-то вы были с ним как братья.

– Я пытаюсь вспомнить. Но это так тяжело.

Я кивнула:

– Могу только представить, каково это – потерять память. Должно быть, это страшно. Но посмотри на себя. Ты здесь, ты делаешь успехи, и я очень тобой горжусь.

Кэйд улыбнулся и повторил слово вслух, словно пытаясь понять его:

– Горжусь.

– Горжусь, – подтвердила я.

– Кайли.

Мои глаза наполнились слезами.

– Я вспоминаю.

– Я так счастлива! Я буду с тобой, мы вместе пройдем весь путь, пока ты не поправишься. А ты обязательно поправишься. Я знаю.

Я замолчала, вспомнив о предстоящей поездке в Мексику и желая, чтобы поездка каким-то образом отменилась. Но я обещала Райану.

– Кэйд, завтра мне нужно уехать из города. Всего на пять дней, но я не смогу тебя навещать. Я...

– Мексика, – сказал Кэйд.

Я улыбнулась:

– Мексика.

– Мне всегда хотелось свозить тебя в Канкун.

Мы посмотрели друг другу в глаза, и мое сердце едва не выскочило из груди. В нем вдруг проявился прежний Кэйд. На мгновение он снова стал самим собой.

Раздался стук в дверь.

– Входите, – откликнулась я. Дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина в костюме. Я сразу же заметила красный галстук-бабочку.

– Здравствуйте, я доктор Фридман, член команды неврологов, – представился он, указывая на бейджик, висящий на шнурке. – Сегодня я буду работать с вами, мистер Макаллистер.

Глаза Кэйда расширились, он вскочил и неожиданно возбудился. С каждым шагом доктора Фридмана Кэйд отступал назад, пока не прижался спиной к подоконнику.

– Все в порядке, мистер Макаллистер? – спросил врач. Он посмотрел на меня, потом снова на Кэйда.

– Нет! – крикнул тот. – Нет! Не надо! Не надо! Не надо!

Кэйд запаниковал, испугался. Когда доктор Фридман осторожно сделал следующий шаг, Кэйд испугался еще больше. Он опустился на пол, подтянул колени к подбородку и прикрыл голову руками, скорчившись словно эмбрион.

Я бросилась к нему:

– Кэйд, все в порядке. Доктор Фридман никогда не обидит тебя.

– Нет, нет, нет! – снова и снова повторял Кэйд.

Я посмотрела на доктора Фридмана. Тот изо всех сил старался сохранять спокойствие.

– У него приступ, – объяснил врач ровным неторопливым голосом. – У наших пациентов часто случаются провалы в памяти, иногда они проецируют травматические воспоминания из прошлого на нынешнюю ситуацию.

– Кэйд, – прошептала я, надеясь, что мой голос вернет его в настоящее и вырвет из того ужасного места, куда отправил его мозг. – Это я, Кайли. Здесь с нами доктор Фридман. – Кэйд опасливо посмотрел на меня. – Мы проследим за тем, чтобы тебя никто не обидел. Тебе не нужно бояться.

Доктор Фридман ободряюще улыбнулся ему.

– Все будет хорошо, я обещаю, – продолжала шептать я.

Кэйд кивнул и поднялся на ноги.

– Отлично, – обрадовался доктор Фридман. – А теперь, если вы готовы, я отведу вас вниз на занятия.

Кэйд глубоко вздохнул, потом посмотрел на меня.

– С тобой все будет в порядке, – подбодрила я его, стараясь скрыть дрожь в голосе. – Ты не успеешь оглянуться, как я вернусь.

Я припарковала машину у дома, но в дом не пошла, а отправилась гулять по кварталу, вдыхая ароматы ужинов, которые успели приготовить соседи и теперь наслаждались ими. Справа, кажется, жареная картошка, слева азиатская кухня. Где-то неподалеку в кустах щебетали птицы. Я свернула за угол и прошла мимо дома с низким частоколом и вишневым деревом с таким толстым стволом, что его место было скорее в лесу, чем в садике городского дома.

Заметив на тротуаре красную ленточку, я остановилась. Должно быть, она соскользнула с хвостика какой-нибудь маленькой девочки. Я нагнулась, чтобы поднять ее, и вдруг вспомнила, как Трэйси повязала красную ленточку на вишневое дерево в центре города. Это было много лет назад, но ее слова по-прежнему эхом отдавались в моих ушах и в моем сердце. *Завяжи красную ленточку на ветке дерева ради своего единственного, кого ты по-настоящему любишь.*

Я набрала в легкие воздуха и завязала потерянную ленточку на нижней ветке. С того дня столько всего произошло, но все же многое осталось по-прежнему.

Глава 22

1 августа 1998 года

Мой телефон зазвонил, когда я в офисе дописывала колонку.

– Ты уже сделала тест?

Я поморщилась.

– Нет еще.

– Кайли, сделай тест, – настойчиво сказала Трэйси. – Возможно, это ошибка. У тебя был стресс на работе. Уверена, что этим все и объясняется. Но ты почувствуешь себя намного лучше, когда будешь знать наверняка.

Я уставилась на свою сумочку, как будто в ней лежала тикающая бомба с часовым механизмом. Я призналась Трэйси, что у меня было пять дней задержки. Теперь прошло уже семь дней, но месячные так и не появились. По дороге на работу я зашла в аптеку и купила тест на беременность.

– Ладно, – с тяжелым вздохом ответила я.

– Позвони мне потом, хорошо?

– Позвоню. – Я повесила трубку.

Я взяла сумочку и отправилась в женский туалет в конце коридора. Я ничего не сказала Кэйдю о задержке. Пока не сказала. И потом, как я могла быть беременной? Я же принимала в этом месяце противозачаточные пилюли, пропустила только один день. Всем известно, что один пропущенный день – это пустяки. Или нет?

Я посмотрела на тест и отвернулась. Три минуты. Достоверный результат будет через три минуты. Я затаила дыхание, когда в маленьком окошке показался розовый фон. Одна полоска, потом две.

И что это значит?

Я принялась искать в коробочке инструкцию. *Две полоски – беременна или не беременна?* Сердце забило чаще. И тут я прочитала ответ.

Я... беременна.

Я ахнула, вцепилась в стенку кабинки. Беременна.

Я кое-как дошла до своего отсека, но Трэйси звонить не стала. Я никому не позвонила. Я просто смотрела на пустой экран монитора, пока не зазвонил телефон. Он все звонил, звонил, звонил.

Эл, редактор, сидевший за перегородкой, заинтересовался:

– Ты ответишь или как?

– О! – Я как будто вышла из транса. – Да, прости. Алло? – Я говорила,

словно робот.

– Кайли, это Джеймс.

Я выпрямилась в кресле.

– Привет, Джеймс.

– У тебя есть минутка поговорить?

– Что случилось?

– Сегодня состоялось заседание правления, и мы все пришли к единодушному мнению, что Кэйд не может дальше работать в «Стихия Рекордс».

Я мотнула головой.

– Какое заседание? Кэйд не говорил ни о каком заседании.

– Вот именно, – буркнул Джеймс. – Правление собирается регулярно, но Кэйда никогда не интересовали подобные детали, хотя именно они очень важны для деятельности компании.

– Ладно-ладно, но что ты имел в виду, когда сказал, что все проголосовали за уход Кэйда из компании?

– Кайли, ты, разумеется, в курсе его проблем с алкоголем? – спросил Джеймс.

– Да, иногда он слишком увлекается, – согласилась я, – но я бы не назвала это *проблемой*. Кэйд все равно работает больше всех остальных, Джеймс. Он постоянно присутствует на шоу, старается для компании.

Он кашлянул.

– Мне не хотелось говорить тебе об этом, но...

– Что говорить?

– Дело в том, что Кэйд подсел на таблетки.

– На таблетки? О чем ты говоришь? Кэйд против наркотиков. Я никогда не видела, чтобы он что-то принимал.

– Значит, наш друг чертовски хорошо притворяется, чтобы скрыть это от тебя.

– Я тебе не верю, – не выдержала я. – Откуда ты знаешь?

– Одна из практиканток нашла у него в ящике огромное количество виколина и перкосета. Она искала степлер, а вместо этого обнаружила годовой запас наркотиков.

– Это просто лишено смысла, – отрезала я, но в глубине души встревожилась, потому что в этом как раз и заключался смысл. В последнее время Кэйд был сам не свой. Пару дней назад я спросила его, почему у него так дрожат руки. Он ответил, что у него всего лишь понизился сахар в крови, но ведь это могло быть и от таблеток.

– Понимаю, – продолжал Джеймс. – Но и позволять ему продолжать

вести себя в том же духе тоже лишено всякого смысла.

– Ты с ним об этом говорил?

– Да. Разумеется, Кэйд все отрицал.

– Может быть, его кто-то подставил?

– Это невозможно, – отрезал Джеймс. – Я понимаю, что это тяжело принять, но мне хотелось, чтобы ты была рядом с ним, когда мы разорвем партнерство.

– Джеймс, пожалуйста, – взмолилась я, – ты не можешь так с ним поступить.

– Я вынужден. Руководство компании проголосовало, и мы решили выкупить его долю. Сумма невелика, но и «Стихия Рекордс» сейчас стоит немного.

– Кэйд никогда на это не согласится, – сказала я.

– Мы будем его уговаривать, – ответил Джеймс. – Может быть, и ты попробуешь поговорить с ним?

– Вы хотите уговорить его уступить свою долю в компании, которую он создавал с нуля?

– Время Кэйда в «Стихия Рекордс» истекло, – отрезал Джеймс. – Он может либо принять наше предложение, либо попытаться решить дело в суде, потратив на это последние деньги. Но любой здравомыслящий судья поймет, что его действия нанесли бизнесу вред. Кайли, фирма в ее нынешнем состоянии не нужна и самому Кэиду. Он должен заниматься тем, что ему нравится. – Джеймс вздохнул. – И ему требуется помощь.

Я легко коснулась рукой живота и держала трубку возле уха до тех пор, пока не раздался записанный голос оператора:

– Если вы хотите позвонить, пожалуйста, повесьте трубку и попробуйте сделать это еще раз.

Я не стала звонить Кэиду и прямиком отправилась к нему домой. Что с ним произошло? Что произошло с нами? Конечно же, мы сможем найти выход. Если ему нужна помощь, я буду рядом с ним. В моем мозгу крутились мысли о реабилитационном центре, о необходимости отговорить Джеймса от смехотворного сценария с выкупом доли Кэйда. И о ребенке... У нас будет ребенок. Об этом мы тоже сможем поговорить. Мы поговорим обо всем.

Я почувствовала приступ тошноты, когда парковала машину и шла по тротуару к дому Кэйда. Полдень давно миновал, но когда он открыл мне дверь, вид у него был заспанный, на щеке отпечатался след от подушки. Было очевидно, что я подняла его с постели.

– Который час? – спросил он, сонно потирая глаза.

– Почти *час* дня, – ответила я. Мне не понравилось, что мои слова прозвучали обвиняюще, как будто я была раздраженной женой. Но меня взвинтил разговор с Джеймсом.

– Я вчера поздно лег, – зевнул Кэйд.

– Значит, ты вечером выходил?

– Да, посидели с парнями из одной группы.

– А мне ты так и не позвонил. – Я была обижена.

– Прости, детка. – Кэйд потер лоб рукой. – У меня чертовски болит голова. У тебя, случайно, не найдется таблетки адвила?

– Нет. – Я сложила руки на груди. – Но я слышала, что в ящике твоего стола в офисе можно найти куда более сильнодействующие средства.

Лицо Кэйда застыло.

– Значит, ты говорила с Джеймсом.

– Говорила.

Я прошла следом за ним в дом, где он, порывшись в кухонном шкафчике, нашел оранжевый пузырек. Открыв крышку, Кэйд бросил две таблетки в рот.

– Ты же знаешь, Кайли, что у меня болит спина.

Я с силой выдохнула:

– Кэйд, я уже не знаю, чему верить. Ты задерживаешься по вечерам, напиваешься до бесчувствия, а потом целыми днями спишь. Уже много месяцев ты не похож на себя.

Он попытался обнять меня за талию, но я отстранилась.

– Я даже не знаю, как ты относишься... ко мне. – Мой голос дрогнул.

Кэйд снова потянулся, пытаясь обнять меня.

– Кайли, дорогая, ты же знаешь, что я люблю тебя. Я люблю тебя больше жизни. Пожалуйста, не позволяй тому, что тебе наговорил Джеймс, заставить тебя думать иначе.

Он поморщился, когда сквозь жалюзи солнечный свет проник в гостиную.

– Будь проклята эта головная боль.

Я отвела глаза, сердце забилось быстрее. Я подумала о нашем прошлом, о нашем будущем, о крошечной жизни, развивающейся во мне.

– Послушай, – сказал Кэйд, – я знаю, что мне необходимо кое-что изменить, и я это сделаю. Ради тебя, ради нас. – Он потер татуировку на плече. – Я сделаю все, что для этого потребуется.

Я отвернулась.

– Давай поедem в Мексику, – предложил Кэйд. – В Канкун. Мы могли

бы улететь на следующей неделе.

Я покачала головой.

– В Мексику? На следующей неделе? Кэйд, у меня работа. Или ты совсем потерял связь с реальной жизнью?

Было заметно, что он обиделся, и мне сразу захотелось взять свои слова обратно.

– То есть я хотела сказать...

– Все в порядке. Во всем виноват этот город. – Кэйд замолчал, снова потер лоб. – Мне просто нужно уехать.

Он посмотрел через плечо, как будто за ним кто-то следил, и только тут я увидела свежий синяк у него под глазом.

– Это что? – спросила я, легонько касаясь рукой его лица.

– Пустяки, – отмахнулся он, не глядя мне в глаза.

– Да нет, не пустяки.

Кэйд мотнул головой:

– Я подрался со старым другом.

– С кем? Я его знаю?

– Неважно.

– Нет, Кэйд, это важно, – сказала я, когда он притянул меня к себе. – Я за тебя беспокоюсь.

– Все наладится, я обещаю.

Я покачала головой.

– Джеймс собирается выдавить тебя из компании.

– Что он собирается сделать?

– Он сказал, что правление проголосовало за то, чтобы предложить тебе деньги за твою долю.

Лицо Кэйда стало пепельным, он буквально рухнул на диван. Эдди вскарабкался на подушку рядом с ним. Словно ребенок разводящихся родителей, пес проводил одинаковое количество времени и у меня, и у Кэйда.

– Они не могут тебя заставить принять их предложение, – негромко сказала я, села рядом с ним и почесала Эдди за ухом.

Кэйд смотрел прямо перед собой.

– Джеймс прав. С их точки зрения, я просто пускаю деньги на ветер. Будет лучше, если я просто уйду.

– Нет, – возразила я, – ты же знаешь, что это неправда. Кэйд, ты должен...

Мы оба повернули головы, когда в дверь постучали. Кэйд не двинулся с места, поэтому открывать пошла я. На пороге стояла женщина, на вид ей

было не больше двадцати одного года. Она жевала жвачку. Поправив бретельку розового бюстгальтера, девушка удивленно посмотрела на меня.

– Ой, простите, я, наверное, не туда попала.

Она отступила назад, посмотрела на табличку на стене дома, затем заглянула в листок бумаги, который держала в руке.

– Не-а, я пришла по адресу. – Она помолчала, потом негромко рассмеялась. – Погодите, вы же не его *жена*, нет? А то было бы... неловко.

Кэйд тоже подошел к двери.

– Привет, – поздоровалась девушка и шагнула вперед.

Кэйд выглядел одновременно удивленным и смущенным.

– Прошу прощения, но я вас не помню.

– Мы познакомились вчера вечером в баре, – подсказала девушка. – Я Алисия. Ты сказал, что я могу прийти посмотреть твою коллекцию пластинок. Я люблю пластинки.

У нее были слишком белокурые волосы и журчащий голосок. Такие девушки в старших классах школы обычно состоят в молодежной группе при церкви, а потом в колледже вставляют кольцо в нос, как только начинают встречаться с парнем из музыкальной группы. Их легко соблазнить.

– Простите, – повторил Кэйд, – я действительно вас не помню. Я...

– Ладно. – Блондинка выплюнула жвачку на тротуар. – Я вижу, что ты... занят. Что ж, номер моего телефона у тебя есть, – она указала на джинсы Кэйда, – лежит в кармане.

Он посмотрел на джинсы, потом на меня.

– Позванивай мне.

Слова девушки эхом отозвались в моей голове, превращая боль в сердце в слепую ярость. Я втокнула Кэйда в дом.

– В Биг-Суре ты обещал провести со мной остаток дней. Я не знала, что в это уравнение входят блондинки в розовом белье. – Я сунула руку в правый карман его джинсов и нашла обрывок бумаги с номером телефона на нем и надписью под цифрами: *Позвони мне, Алисия. Чмоки.*

– Вау. – Я положила записку на кофейный столик.

Впервые Кэйд не нашел что сказать. Он никогда меня такой не видел.

Мне хотелось наорать на него за его непростительное поведение. Но гнев, так быстро накативший, с такой же быстротой уступил место печали. Мои глаза наполнились слезами.

– Я поняла, меня одной тебе недостаточно.

– Кайли, пожалуйста, – взмолился Кэйд. – Кроме тебя, мне никто не нужен. Ты для меня все.

– Тогда что это было? – заплакала я. – Кто *она*?

– Никто. Послушай, я заключил несколько провальных сделок и, наверное, слишком много пил в последнее время.

– Наверное? Кэйд, ты каждый день напивался уже к полудню.

Он вздохнул.

– Согласен, вчера вечером я слишком много пил. Но ничего не было. Ты должна мне верить. Девушки всегда ко мне пристают. Это музыкальный бизнес, ты сама знаешь. Разве я когда-нибудь этим пользовался?

Я всплеснула руками:

– Откуда мне знать?

– Но ты же *знаешь*, – сказал он, беря меня за руку. – Я ничего от тебя не скрываю.

Я покачала головой.

– Нет, это когда-то ты ничего от меня не скрывал.

Взяв поводок Эдди, я прикрепила его к ошейнику.

– А теперь я едва узнаю тебя.

Я повернулась к двери с ужасным ощущением финала. И это чувство пробежало по моим венам, словно яд, смешанный с адреналином.

– Кайли, подожди! – воскликнул Кэйд. – Пожалуйста, не уходи. Только не так.

Я еще раз посмотрела на него. Его синие глаза, такие печальные, смотрели прямо в мое сердце. Я любила его каждой клеточкой моего существа и буду любить всегда. Но я должна была уйти. Кэйд потерян, и я не могу больше освещать его путь. Я не могу больше быть его картой. Ему придется найти новый внутренний компас.

Слезы текли по моим щекам, пока я шла по улице. Прежде чем повернуть за угол, я обернулась, надеясь увидеть бегущего за мной, зовущего меня Кэйда. Но его не было. Я легко дотронулась до живота, и мы с Эдди пошли к машине.

Глава 23

13 декабря 2008 года

Когда мы вышли из самолета в Кабо, Райан взял меня за руку. Я никогда не бывала в Мексике, но сразу вспомнила Кэйда в тот день, когда мы расстались в его квартире на площади Пионеров. Он предложил мне поехать с ним в Мексику, в Канкун. Если бы я согласилась, как бы это изменило нашу историю? Я вздохнула и пошла вперед. Воздух был теплым и сухим, и я порадовалась тому, что надела белый льняной сарафан, а не джинсы, которые всегда предпочитала. Когда я включила телефон, он запищал. Я поняла, что пришли голосовые сообщения, но я их проигнорировала, решив сосредоточиться на Райане и не думать ни о чем другом.

Такси довезло нас до отеля. Там нас приветствовал консьерж, предложивший две «Маргариты» в бокалах с солью по краям. Он проводил нас в номер – трехкомнатные апартаменты с видом на океан.

– Это действительно великолепно, – восхищенно сказала я Райану.

– Я надеялся, что тебе понравится, – ответил он.

– Все восхитительно. – Я оглядела комнату. Она на самом деле была удивительно хороша, строгая и современная, но при этом уютная. Кровать со столбиками из красного дерева выглядела роскошно под белым крахмальным покрывалом и с подушками, украшенными розовой и бирюзовой вышивкой. В смежной ванной комнате, отделенной занавеской, стояла большая ванна для двоих и был паровой душ. Идеально, и все же я почувствовала боль, когда подумала о том, как люди живут на улицах, как долгое время жил Кэйд. Мир контрастов: с одной стороны – красота, с другой – мрак, а между ними, ровно посередине, разделяющая их черта.

На шкафчике бара стояла бутылка дорогой текилы, блюдо с лаймами и тарелочка с солеными орешками кешью – подарок от отеля. Райан налил нам обоим по глотку и вышел на террасу с персональным панорамным бассейном, как и было обещано на сайте. Он сменил брюки на купальные трусы, я быстро надела голубое бикини, и мы вместе скользнули в теплую воду.

– За нас, – с улыбкой произнес Райан.

– За нас, – повторила я, проглатывая текилу. Она обожгла мне горло, но одновременно согрела и успокоила.

Я смотрела вдаль и наблюдала, как волны разбиваются о берег.

Свирепые, мощные, они снова и снова ударялись о песок, не останавливаясь ни на минуту. Меня восхищала их мощь, восхищала сила, которую мы не могли контролировать. Солнце садилось, на небе появилась луна. Приливы сменялись отливами. А еще я думала о том, почему нас влечет к людям. Много лет назад меня привлек Кэйд. Наше влечение друг к другу было магнетическим, физически ощутимым.

Разумеется, меня влекло и к Райану с самого начала, но по-другому. Это влечение было спокойнее, мягче. Было ли оно от этого лучше и долговечнее? Я сильно его любила, но наши волны не были такими мощными. В нашем с ним море плавать безопасно. А с Кэйдом? Волны нашего прилива разбились о берег. Я пожала плечами.

Райан устроился поближе ко мне, положил руку мне на талию. Мне было хорошо с ним, как всегда. Я положила голову ему на плечо, уткнулась носом в шею, вдыхая его любовь ко мне, впитывая ее, отдыхая в ней.

– Я рад, что мы здесь, – сказал Райан, бросая в рот кешью. – Иногда надо уехать подальше, чтобы оценить свой дом.

Я повернулась к нему:

– Тебе кажется, что мне не нравится жизнь, которую мы строим вместе?

– Не совсем так. Мы вместе мечтаем о нашем общем будущем. Это как дом, который мы так давно придумываем. Ты выбрала окна, я нашел вариант парадной двери. Мы поссорились из-за бордюра и плитки в ванной, но в процессе нашли компромисс. И вот теперь мы готовы начать строительство. Все разрешения получены. Цементовозы и бульдозеры стоят наготове. – Он замолчал и заглянул мне в глаза. – Но я не до конца уверен, что ты готова заливать фундамент.

Райан был прав и знал это. Впервые я поняла, что могу потерять этого красивого замечательного мужчину, если я не буду осторожной.

– Берег явно не для купания. Не хочешь искупаться в большом бассейне? – спросил Райан. – В журнале водопад выглядел потрясающе. Не терпится посмотреть на него.

– Конечно, иди. Я приду к тебе. Только переоденусь и достану кое-что из чемодана.

– Как скажешь, детка, – улыбнулся он в ответ.

В Мексике восхитительно уединение. Я думала об этом, лежа в шезлонге у бассейна и наблюдая, как Райан плавает от бортика до бортика, пока бармен готовит нам еще по одной порции «Маргариты». И все же совершенство этого места не могло успокоить боль в моем сердце.

Рядом со мной стояли два пустых шезлонга.

– Не возражаете, если мы здесь устроимся? – спросил голос.

Я подняла глаза и увидела пару примерно моих лет. На ней был белый купальник-бикини и подобие парео из черной сетки, искусно задрапированное вокруг талии. Мужчина был высокий и красивый, в темно-синих купальных трусах и очках «Рей-Бен Вайфарер».

– Нет-нет, пожалуйста, – ответила я.

– Спасибо, – сказала женщина. – Я Элли.

– Привет, я Кайли.

Она улыбнулась и отпила глоток фруктового коктейля.

– У вас тоже медовый месяц?

Райан сел на шезлонг рядом со мной и улыбнулся паре.

– Нет, – сказала я, – мы просто... в отпуске.

– У нас скоро свадьба, – вступил в разговор Райан. – Думаю, этот отпуск можно назвать репетицией медового месяца.

Элли рассмеялась.

– Жаль, что Рэй не подумал об этом. – Она посмотрела на своего спутника. – Мы поженились в прошлые выходные.

Я почувствовала взгляд Райана.

– Поздравляю.

– А вы приедете сюда в настоящий медовый месяц?

– Не знаю, – ответила я. – Мы пока не решили.

– В самом деле? – Элли явно была шокирована. – Мы забронировали здесь номер за полтора года. – Она с нежностью посмотрела на мужа. – В любом случае приятно, что свадьба у вас еще впереди. Мне просто нравится говорить о Рэе как о моем муже. С этим ничто не сравнится. – Она повернулась ко мне, как будто желая поделиться секретом. – Но мне понравилось планировать свадьбу. У меня было двенадцать подружек.

– Вау, – оценила я. – Звучит... впечатляюще.

– Шестьсот гостей, да, – добавила Элли.

Я вдруг почувствовала слабость и потеряла липкие ладони. Неужели бармен сделал мне двойную «Маргариту»?

– Букет был из роз и фрезий, – щебетала Элли. – И торт! Пять ярусов из белого шоколада и фондана. Мы с Рэем сохранили кусок, чтобы съесть на первую годовщину свадьбы.

Мое сердце забилось чаще. Появилось странное ощущение. Меня как будто заперли в крохотной комнатке без окон и дверей.

– Все было очень красиво, – продолжала Элли. – Я в восторге от своего платья. Хотите посмотреть фото?

Нет, я не хотела рассматривать снимки ее свадебного платья. Нет, я не хотела говорить о ее свадьбе или о моей или о любом другом варианте счастливой семейной жизни.

Я резко встала.

– Прошу прощения. Я... я, кажется, перегрелась на солнце, или слишком много выпила, или то и другое сразу. Мне что-то нехорошо. Пойду немного полежу в номере.

У меня кружилась голова. На лбу выступили капельки пота.

– Я пойду с тобой, – встревожился Райан и подхватил мою сумку.

– Выздоровливай, – пожелала мне Элли, в ее голосе звучали одновременно смущение и досада.

В номере две горничные стелили постель. Райан вежливо попросил их уйти, и я рухнула в кровать.

– Выпей воды. – Райан сел рядом со мной и подал мне стакан. – Солнце слишком жаркое. Ты обезвожена.

Я взяла стакан и выпила его залпом. Если бы только вода смогла меня успокоить.

За ужином Райан заказал бутылку вина с одного из наших любимых виноградников в долине Напа.

– «Кеймус», – повторила я название, пытаюсь развеселиться.

– Хорошо, что оно у них есть, правда?

Я улыбнулась, вспомнив, как он удивил меня поездкой в долину Напа через пять месяцев после начала наших отношений. Мы оба мгновенно влюбились в маленькую винодельню. Вдоль извилистой дороги росли полевые цветы, и я попросила Райана остановить машину, чтобы я могла сорвать красный мак. Теперь я тосковала по тем дням.

Когда официант наполнил наши бокалы, я заметила пару, с которой мы общались у бассейна. Они сидели за столиком в другом конце зала и склонились друг к другу так близко, что казалось, их носы соприкасаются.

– Мой брат собирается прилететь на праздник по случаю нашей помолвки, – сказал Райан, вращая бокал, а потом отпивая большой глоток.

– Отлично, – отозвалась я, неожиданно осознав, что до этого момента я даже не вспоминала о нашей помолвке и празднике в честь нее. Райан зарезервировал банкетный зал в ресторане «Серафина», который нравился нам обоим. Но я полюбила его задолго до Райана. Честно говоря, каждый дюйм Сиэтла был связан для меня с воспоминаниями. Воспоминаниями о другом времени.

– Я видел в списке откликнувшихся на приглашение имена Грегори и

Кэти, они тоже приедут, – продолжал он. – Едва ли они поедут из Портленда на машине.

Я подумала обо всех тех людях, которые будут на празднике. Грегори и Кэти. Майк и Лиза. Иви и Джонатан. Джен. Трэйси. Босс Райана. Милая пара, которая живет на углу нашей улицы и ждет первенца к Новому году. Все они приедут на праздник в честь нашей любви. Я почувствовала вибрацию телефона в сумочке. Я оставила доктору Брэнсон мой номер и попросила позвонить или прислать сообщение, если у Кэйда возникнут проблемы.

– Кайли, – негромко окликнул меня Райан.

Я оторвалась от телефона. Это была всего лишь СМС от Трэйси.

– Могу я попросить тебя уделить этот вечер только мне? – спросил он. – Я не хочу ни с кем тебя делить: ни с твоим телефоном, ни с твоим прошлым. И, уж конечно, я не хочу делить тебя с твоим бывшим бойфрендом, который, возможно, все еще живет в твоём сердце.

Я постаралась улыбнуться и протянула к нему через стол руку.

– Райан, я принадлежу тебе, – сказала я, сдерживая слезы.

– Правда? – спросил он. Его голос звучал нежно, ласково.

– Да. – Я сжала его пальцы. – Да.

На другое утро я открыла глаза после девяти. Я лежала в объятиях Райана, и мне не хотелось двигаться – было так уютно. Мне нравилось тепло его кожи и то, как он держал меня. Я чувствовала себя в безопасности, защищенной от мира. Но в другом углу номера зазвонил мой телефон. Райан заворочался, когда я разомкнула его руки, чтобы ответить.

Номер был незнакомым.

– Алло?

– Кайли, это доктор Брэнсон. Простите, что беспокою вас. Я знаю, что вы за рубежом. Но с Кэйдом проблема.

– Что случилось?

Райан сел в кровати.

Доктор Брэнсон откашлялась.

– Он ушел, и мы не смогли найти его.

– Что значит – он *ушел*?

– Персонал находится в центре круглосуточно, – начала объяснять она, – но охранник на входе отлучился в туалет. В этот момент Кэйд вышел из помещения. Камера зафиксировала его на выходе из здания в четыре часа утра.

– Это ужасно...

– Да, – продолжала доктор Брэнсон. – Но я не думаю, что нам стоит паниковать. Вполне возможно, что он вернется позже. Я попросила охрану Харборвью проверять, нет ли его поблизости.

Я посмотрела на открытые двери, выходящие на террасу. Внизу на белоснежный песок набегали волны. Вся сцена дышала покоем, вот только у меня внутри поселился ужас. Кэйд снова на улицах. А я в тысячах миль от него.

– Я прилечу первым же рейсом, – пообещала я. – Я смогу его найти. Я знаю, куда он пошел.

– Мне неприятно погружать вас в эти проблемы, – ответила врач, – только...

– Он бы сделал для меня то же самое, – сказала я.

Райан не произнес ни слова, когда я положила телефон.

– Кэйд пропал, – объяснила я. – Ты, наверное, слышал.

Он кивнул и откинулся на подушки. Я не могла понять, расстроен он или раздражен.

– Мне очень жаль. Но я должна лететь. Я не могу сидеть здесь, зная, что Кэйд снова на улице. Он не в себе, Райан. Ему нужна моя помощь. Я понимаю, что тебе, должно быть, трудно это понять, но я должна ему помочь.

Райан вздохнул.

– Разумеется, я не хочу, чтобы ты уезжала, – сказал он. – Но ты должна сделать то, что необходимо. В наших отношениях всегда присутствовало доверие. Каждый волен поступать так, как требуется.

– Спасибо. – Я торопливо собирала вещи, потом позвонила в авиакомпанию, чтобы перерегистрировать билет. Если бы мне удалось сесть в такси немедленно, то я успевала на одиннадцатичасовой рейс в Сиэтл.

Я натянула джинсы, собрала волосы в хвост. Перед тем, как покатить чемодан к двери, я подошла к кровати, где под простыней лежал обнаженный Райан.

– Я не хочу уезжать, но я должна.

Он долго смотрел на меня, потом притянул к себе.

– Мне бы хотелось, чтобы ты осталась. Но поступай так, как тебе нужно, детка.

К моим глазам подступили слезы, я поцеловала его на прощание.

– Спасибо. Ты даже не подозреваешь, как много это для меня значит, Райан.

Глава 24

10 октября 1998 года

Меня разрывала боль.

– Дыши, – говорила Трэйси, которая везла меня в своем «Форде» по Джеймс-стрит в Шведский госпиталь. – Мы почти приехали.

Я кивнула, глубоко вдохнула, потом выдохнула и снова закричала от боли. Я никогда не видела столько крови. Полотенца, которые подложила на сиденье Трэйси, промокли насквозь.

– Держись, – попросила она, – осталось всего несколько минут.

У меня кружилась голова, накатила слабость. Я знала, что со мной. Я понимала, что ребенок, которого зачали мы с Кэйдом, покидает мое тело, как и сам Кэйд покинул меня. Он просто исчез с лица земли. Я повернулась к Трэйси и крикнула:

– Очень больно!

А еще я подумала о том, что физическая боль ничто по сравнению с тревогой, наполнявшей мое сердце. Мне придется пройти через это одной. Смогу ли я?

– Приехали, – выдохнула Трэйси, въезжая на территорию госпиталя. – С тобой все будет в порядке, обещаю.

– Ненавижу его, – простонала я сквозь боль, разрывающую мой живот. – Ненавижу за то, что его нет рядом.

– Дыши, дорогая. – Трэйси подъехала к приемному покою.

Слезы текли по моим щекам, когда она опустила окно и крикнула санитару в голубой форме:

– Кресло-каталку сюда!

Через несколько секунд меня уже везли на пятый этаж. Я почти ничего не видела, перед глазами все плыло. Вокруг меня суетились медики.

– Господи, она истекает кровью!

– Позовите врача!

– Где отец?

– Ставьте капельницу, быстрее!

– Давление падает!

Это было похоже на ночной кошмар, когда хочешь закричать и не можешь. Я была одна с моей болью, физической и эмоциональной. Я стонала и рыдала. Вместо меня говорила Трэйси. Она сжимала мою руку, вытирала пот со лба. Мне казалось, что боль пронзает мое тело кинжалами.

Я чувствовала абсолютно все, хотя хотелось не чувствовать вообще ничего.

– Трэйси! – позвала я.

– Я здесь.

– Я потеряла ребенка, да?

Она сжала мой локоть:

– Мне очень жаль, Кайли.

Я повернула голову на бок и застонала, когда ко мне подошел врач в очках с затемненными стеклами со шприцем в руках.

– Это снимет боль, – сказал он.

Игла вонзилась в кожу, и спустя несколько секунд меня укутало одеяло покоя. Медсестры и врачи суетились около меня, выскабливая остатки жизни, которой не дано осуществиться.

Когда все закончилось, я безучастно смотрела в окно. Вишневые деревья вдоль Джеймс-стрит начинали ронять листву. Два года назад мы с Кэйдом шли, держась за руки, по этой улице, когда вишни были в цвету. Он остановился и потряс ветку. Посыпались розовые лепестки.

– Снег для моей любимой, – сказал он тогда.

– Прошу прощения, Кайли, – сказал врач, осторожно подходя ко мне. – Я подумал, что вы, возможно, захотите знать... – Он опустил голову. – Это была девочка.

У меня защемило сердце. Мой дочка. Дочка Кэйда. Нас навсегда соединила маленькая жизнь, которую мы создали. Но он ушел. Они оба ушли. В мире воцарился мрак.

Трэйси погладила меня по руке.

– О Кайли... Мне так жаль. Мне очень, очень жаль.

Я закрыла глаза и заплакала.

Глава 25

15 декабря 2008 года

В самолете, летящем в Сиэтл, я не находила себе места. Я ерзала в кресле, не могла сосредоточиться на фильме, который показывали в салоне, попыталась уснуть, но не смогла. Я просто чувствовала себя несчастной. Полет в самолете всегда завораживал меня, удивляла сама по себе возможность находиться над землей на высоте тридцати тысяч футов между точками А и Б. По сути, нигде. Обычно я чувствовала себя комфортно в этом «нигде» – ни там, ни тут, а между, – но на этот раз такого ощущения не было. Мне казалось, что авиалайнер летел недостаточно быстро, и, глядя на облака, я испытывала только тревогу. *Кэйд, я лечу к тебе. Я лечу.*

Я быстро прошла через таможню и взяла такси. Позвонила в Харборвью, но когда звонок перевели в здание центра, мне никто не ответил. Поэтому я попросила таксиста отвезти меня туда. По моей просьбе водитель ждал, пока я говорила с охранником. Кэйд все еще не вернулся.

Затем мы отправились в центр города мимо «Ле Марше», мимо прежней квартиры Кэйда на площади Пионеров, шесть раз проехали туда и обратно по Четвертой и Пятой авеню.

– Мисс, может быть, мне отвезти вас куда-то еще? – спросил таксист, обернувшись ко мне на светофоре.

Это была самая дорогая поездка на такси в моей жизни, но мне было наплевать. Я попросила его еще раз объехать центр города. Мы сделали это, Кэйда нигде не было...

– Пожалуй, теперь вы можете отвезти меня домой. – Я назвала водителю свой адрес.

Спустя десять минут такси остановилось у моего дома. Я заплатила, таксист вынул из багажника мой чемодан. Я постояла на тротуаре, глядя вслед отъезжающему автомобилю, потом повернулась к дому. Мои глаза расширились, когда я заметила фигуру, сидящую на второй ступеньке крыльца в тени глицинии.

Я бросила сумку.

– Кэйд!

Он сидел с чуть приподнятыми коленями, руки свободно лежали вдоль тела. Увидев меня, Кэйд просиял.

– Привет!

– Кэйд, что случилось? Почему ты здесь?

Он потер лоб.

– Не знаю... Я... я скучал по тебе.

У меня в груди как будто что-то взорвалось. Ощущение было невероятно сильным и всепоглощающим.

– Правда?

– Тебя так долго не было, – пожаловался Кэйд.

– Всего три дня, – ответила я, беря его за руку. – Я вернулась домой сразу, как только мне позвонила доктор Брэнсон и сказала, что ты пропал.

– Прости... Я просто...

– Я больше не уеду ни на один день, пока тебе не станет лучше. Ты делаешь такие успехи. Новое лекарство как будто помогает.

Мы вошли в дом. Кэйд взялся за ручку моего чемодана, я сначала покачала головой. Но он настоял, и я позволила ему нести багаж.

Кэйд посмотрел на меня:

– Я вспоминаю все больше и больше.

– Что, например? Расскажи мне что-нибудь.

Он улыбнулся:

– Тебя... И корабли...

– Корабли?

– Мы с тобой плавали на пароме, верно? На остров.

– Да, – подтвердила я. Потом я достала из кармана телефон и прокрутила мои фотографии, старые и новые, которые я сохранила. Я искала снимок, который Кэйд сделал на палубе парома много лет назад. – Помнишь это?

Он заморгал, взял мой телефон и долго смотрел на фотографию.

– Помню, – улыбнулся он. – Это как призрачный сон.

– В тот день ты спас мне жизнь, – продолжала я. – Помнишь?

Кэйд кивнул.

– Как странно, что на мой вопрос «что ты помнишь?», ты ответил «корабли».

На его лицо как будто упала тень. Я села на диван, он опустился рядом.

– Что такое? – спросила я.

– Я еще кое-что помню, – ответил Кэйд.

– Что?

Он как будто вспоминал что-то ужасное, такое было у него лицо. Кэйд явно хотел отправить это воспоминание в дальние закоулки памяти. Мне бы тоже этого хотелось, но у меня было такое ощущение, что это

воспоминание важно для нас обоих.

– Кэйд, расскажи мне, – попросила я, накрывая его пальцы своей рукой.

Он смотрел прямо перед собой.

– Было темно. Везде вода. – Его рука задрожала. – Что-то ударило меня по голове.

– Что?

– Не знаю, – признался Кэйд, – было холодно. Всюду плескались волны. Во рту вкус крови.

– Кэйд, ты уверен? Доктор Брэнсон говорила, что память вернется, но ты можешь вспомнить то, чего не было.

– Может быть, не знаю.

– Что-то еще? Что-то конкретное?

Кэйд долго молчал, и я не пыталась заполнить паузу пустой болтовней. Я давала ему возможность вспомнить.

– Принцесса, – сказал он.

– Что?

– Это слово было на борту лодки.

– Ты уверен?

Кэйд кивнул.

– Думаю, да. Оно было написано темно-синими буквами.

Я снова взялась за телефон и открыла окно браузера.

– Это может быть яхта. – Я набрала в поисковике Google слова «яхта принцесса». Сразу же появилась одноименная компания-производитель. – Ладно, этим займусь я.

– Как ты думаешь, что все это значит? – спросил Кэйд.

– Пока не знаю, – ответила я. – Но обещаю тебе, я это выясню.

Я отвезла Кэйда обратно в Харборвью. Мы вместе поднялись на лифте на третий этаж и вошли в его квартиру.

Он сварил мне кофе в кофеварке, которую я купила ему. Я улыбнулась, когда он протянул мне кружку.

– Раньше ты любил кофе, – сказала я.

– Правда?

Я хмыкнула:

– Ты купил одну из этих огромных кофемашин для эспрессо La Marzocco, которые стоят только в кафе.

– Неужели я это сделал? – Кэйд расхохотался.

– Да. Она была красного цвета.

Он сел на диван, я устроилась рядом. Места было немного, поэтому наши бедра и руки соприкасались.

– Каким я был? – неожиданно спросил Кэйд, вдруг задумавшись.

– Ты был невероятным, – ответила я. – Ты любил музыку и мартини с водкой и оливками, фаршированными сыром.

Он поднял брови.

– Ты любил путешествия и людей, у тебя была тысяча пластинок. Ты рассказывал смешные истории. За те два года, что мы с тобой были вместе, эти истории у тебя никогда не заканчивались, и ты всегда мог меня рассмешить.

– Два года... – с нотками сожаления и восхищения повторил Кэйд.

– Да, – подтвердила я. – И я любила тебя каждый день, даже те трудные дни в конце нашей истории.

– Почему они были тяжелыми? – спросил он. Мозг Кэйда выдавал такое количество вопросов, что его речь, казалось, не успевала за ними.

Я рассказала ему о том, что случилось со «Стихия Рекордс», о том, как он начал много пить. Я озвучила и обвинения Джеймса.

Кэйд повернулся ко мне и посмотрел на меня такими огромными и честными глазами, что мне захотелось прижать его к себе и крепко обнять.

– Как бы мне хотелось снова рассмешить тебя, как я делал это раньше, – сказал он.

– О Кэйд. – На меня нахлынули эмоции. – Я так счастлива, что снова нашла тебя. Мне очень тебя не хватало. Каждый день с тех пор, как ты ушел. Я искала тебя по городу, заглядывая во все уголки. Я всегда искала тебя, даже когда внутренний голос сказал мне, что пора остановиться. Мне надо было оплакать тебя, словно ты умер. Я должна была попрощаться. И с тех пор я никогда не была прежней.

Он коснулся моей щеки, чтобы стереть слезу.

– Чем ты занималась все эти годы?

Я судорожно глотнула.

– Я получила работу в Нью-Йорке в женском журнале. Это было тяжелое испытание. У меня был ужасный босс, и я ненавидела каждую минуту в офисе. – Я рассмеялась. – А в моей квартире жили мыши.

Кэйд улыбнулся. Он слушал меня внимательно, терпеливо.

– Четыре года назад я вернулась в Сиэтл, когда редактор предложила мне место в «Сиэтл Геральд». Потом я встретила Райана.

Кэйд посмотрел на свои ступни.

– Прости, я... – Мой голос прервался. Я не знала, что ему сказать о моем женихе.

– Ты любишь его? – спросил он.

– Да. – Это была непростая правда.

Кэйд кивнул:

– Мне очень повезло.

– В чем же?

– В том, что ты была в моей жизни, – честно и с сожалением ответил он.

– Но я до сих пор в твоей жизни. И я буду в ней всегда. Это никогда не изменится.

– Мне бы этого хотелось...

Мне бы тоже этого хотелось. Очень-очень.

Наши глаза встретились, и снова между нами, как когда-то, возникло магнетическое притяжение, поэтому я крепко зажмурилась. Я не могла. Это было неправильно. Он не в себе, а я...

Я почувствовала его пальцы на своих губах, и волна чувств накрыла меня с головой.

– Открой глаза, – неожиданно попросил Кэйд с тем же напором и той же уверенностью, которые раньше были присущи ему. – Мне нужно, чтобы ты меня видела.

Я послушалась и не запротестовала, когда он притянул меня к себе. Я таяла в его объятиях. Мои руки обвились вокруг него, а потом и мои ноги, когда он посадил меня к себе на колени. Наши тела прижались друг к другу, и тогда Кэйд меня поцеловал. Когда встретились наши губы, прошлое, будущее перестали иметь значение. Были только мы, только это мгновение.

Раздался стук в дверь, и я отстранилась, быстро вскочила и нервно провела пальцами по волосам, где секунду назад были его руки.

Кэйд открыл дверь. Это была доктор Брэнсон.

– Как приятно снова видеть вас, Кэйд, – сказала она. – Я надеюсь, что в ближайшее время вы больше от нас не уйдете.

Он кивнул, потом посмотрел на меня.

– Здравствуйте, я просто... помогала Кэйду успокоиться.

– Разумеется, – врач вышла в коридор, – не буду вам мешать, но мне хотелось бы позже провести с Кэйдом несколько тестов.

Когда невролог ушла, мы стояли и молчали. Я чувствовала себя виноватой и испуганной. Как бы сильно мне ни хотелось вернуться к нему, продолжить с того места, на котором мы остановились, выплеснуть на него всю ту любовь, которую я все еще испытывала к нему, я понимала, что это неправильно. Я выхожу замуж за Райана.

– Прости. – Я нарушила ледяное молчание. Воздух вокруг нас

потрескивал, словно зимнее озеро в солнечный день. – Нам не стоило этого делать.

Кэйд смущенно посмотрел на меня, но потом кивнул.

Я сделала шаг к двери.

– Ты могла бы... остаться, – сказал он.

В его голосе было желание, и мне отчаянно хотелось броситься к нему, заполнить пустоту в сердце его любовью, той самой любовью, которую когда-то он с такой щедростью дарил мне. Но я не могла.

– Я должна идти. Я...

Кэйд сел и уставился в окно.

– Пожалуйста, не обижайся, – попросила я. – Это не значит, что я не хочу. Но я просто... не могу.

Он сидел и молчал, когда я повернула ручку двери.

– Я приеду навестить тебя завтра во второй половине дня. Обещаю.

Когда я ехала домой, позвонил Райан.

– Привет. – Мой голос звучал устало и безразлично, как будто после отъезда из Мексики я прожила три жизни. На сердце лежала тяжесть вины.

– Ты нашла своего пропавшего бродягу?

Тон Райана сразу вызвал у меня раздражение, но я понимала, что у меня нет на это права.

– Да, я нашла его и отвезла обратно в Харборвью, – ответила я.

– Хорошо, – сказал Райан. – Я думал было вернуться домой сегодня, но отель не возместит убытки, поэтому мне придется остаться здесь и наслаждаться солнцем.

Дождь барабанил по ветровому стеклу машины. Вокруг все было серым: свет, облака, тротуары. Мир был унылым и печальным.

– Все в порядке, оставайся.

– Я люблю тебя, – продолжал Райан. – Я не всегда тебя понимаю, но люблю.

– Я тоже тебя люблю. – Меня терзали слова, слетевшие с губ. Они эхом звучали в моем сердце, когда я уже нажала на кнопку «отбой».

Я крепче вцепилась в руль и заплакала.

Глава 26

16 декабря 2008 года

– Отклики на твои статьи продолжают бить все рекорды, – объявила Джен утром в офисе. – Отличная тема для редакционной страницы.

Я вздохнула, думая о том, что проекты Райана относительно реконструкции площади Пионеров близки к завершению.

– Возможно, нам стоит на этом остановиться. В конце концов, я представила историю с точки зрения обеих сторон. Высказались и защитники бездомных, и девелоперы.

Джен покачала головой.

– Одной статьи не хватает. – Глаза редактора впились в меня. Я знала, что она права. – Когда ты дашь мне ее прочитать?

Я отлично понимала, о чем она говорит. Статья о Кэйде. Она продвинулась, но до завершения было еще далеко.

– Скоро, – ответила я, переводя взгляд на наше с Райаном фото в рамке, стоявшее на столе.

– Праздник в честь твоей помолвки в эту субботу, верно?

Я кивнула.

– Постараюсь прийти, хотя бы ненадолго, – пообещала Джен.

Я улыбнулась.

– Кайли, ты не обязана делать то, что тебе не хочется.

– Я собираюсь выйти замуж за Райана, Джен, – сказала я. – Я выйду за него, и ты придешь на десятую, двадцатую и пятидесятую годовщины нашей свадьбы.

Я повернулась к двери, чтобы не видеть выражения ее лица.

За ланчем я встретилась с Трэйси, потом планировала поехать навестить Кэйда. Она рассказала мне о мужчине по имени Трент, с которым только начала встречаться.

– Мне все в нем нравится, – призналась она, – за исключением имени.

Я не сумела удержаться от смеха:

– Чем тебе не угодил *Трент*?

– Всем, – ответила Трэйси. – Тренты никогда ни на что не годятся. Они либо невыносимо скучные с ровненькой челкой на лбу – тип бухгалтера, – либо оказываются поклонниками тяжелого металлического рока и выглядят соответственно.

Я улыбнулась:

– Судя по всему, ты нашла лучшего в мире Трента.

– Вот именно, – воскликнула Трэйси. – Ему самое место в Зале славы Трентов. Он умный, веселый, и у него есть яхта. А еще мы отлично подходим друг к другу с точки зрения астрологии.

– Счастлива за тебя. – Моя улыбка стала еще шире. – Ты приведешь его на праздник в честь нашей помолвки с Райаном в субботу?

– Да. Ты с ним познакомишься. Не поверишь, но я добилась выходного! То есть мне не пришлось никого убивать ради этого, хотя я могла бы.

Я хмыкнула:

– Меньшего я от своей лучшей подруги и не ожидала.

Я рассказала ей о Кэйде все, за исключением того, что произошло накануне в его квартире.

– Похоже, Райан с этим смирился, – констатировала Трэйси. – Хороший он парень, всегда такой понимающий.

– Верно. Знаешь, Кэйд вспомнил, что был на лодке.

– Он в этом уверен?

– Не знаю, – сказала я. – Его врач говорит, что воспоминания могут возвращаться, но детали не всегда соответствуют действительности.

– Это так, – согласилась Трэйси. – У меня однажды была пациентка с амнезией. У нее была такая же неустойчивая память, как у Кэйда, судя по словам врачей. Она настаивала на том, что одно событие, явно из детства, произошло на ее сорок третий день рождения.

– Память к ней вернулась? – спросила я, страшась услышать ответ.

– У нее был потрясающий муж. Он вспоминал вместе с ней все события из ее жизни, пока она не заполнила этот пробел в памяти.

– У нас это не получится, – ответила я. – Я не была с Кэйдом в тот вечер. Но если он не помнит того, что с ним случилось, кто-то помнит обязательно. Я попытаюсь сложить вместе все фрагменты головоломки.

Я нашла Кэйда в общем зале здания центра. Он играл в шахматы с другим пациентом. Когда я подошла, он поднял голову и улыбнулся, увидев меня.

– Привет, – поздоровалась я.

– Привет, – ответил он.

Я сидела рядом с ним, пока он не закончил игру и не выиграл.

– Отлично.

Другой пациент, пожилой мужчина, встал и ушел.

– Забавно, как такие вещи возвращаются, – заметил Кэйд.

– Ты делаешь удивительные успехи.

Он улыбнулся.

– Я вот о чем подумала, – продолжала я. – Рождество уже близко, тебе нужна елка.

Лицо Кэйда просветлело:

– Поедешь со мной, чтобы выбрать деревце?

– Поеду.

Предупредив о том, что я забираю Кэйда, мы дошли до машины и отправились на елочный базар на Капитолийском холме. Возле входа стоял надувной снеговик.

– Как тебе вот эта? – Я показала Кэйдку маленькую елочку в дальнем углу.

Он внимательно осмотрел ее, потом кивнул. Вокруг нас толпились семьи и пары. Маленькая девочка с белокурыми хвостиками в розовых резиновых сапожках бегала между рядами рождественских елок.

– Грейс! – шутливо окликнул ее отец. – Я тебя вижу!

Услышав имя, Кэйд посмотрел на меня. Он вспомнил, как вспомнила и я. По моим рукам поползли мурашки.

Я заплатила за елку, и продавец предложил привязать ее к крыше машины, но Кэйд протянул руку к деревцу.

– Я этим займусь, – сказал он.

Я смотрела, как он поднимает елку и привязывает ее к багажнику на крыше. Он был не таким сильным, как раньше, но решимости ему было не занимать. Я смотрела и сияла от гордости, когда его руки ловко завязали веревку.

– Этой малышке лучше не падать, – сказал он со смехом и повернулся ко мне. – Согласна?

Но я не думала о дереве. Мне было все равно, оно могло упасть на обочину. Для меня был важен лишь мужчина, стоявший передо мной: у меня на глазах недуг спадал с него, словно панцирь.

– Может, ее еще раз привязать к багажнику? – спросил Кэйд. От рождественской иллюминации его глаза сверкали, и я усилием воли остановила слезы, готовые хлынуть из моих глаз.

– Нет, – ответила я, – все идеально. Ты все сделал очень хорошо.

Мы доехали до ближайшего магазина, нашли отдел рождественских украшений, и я набила тележку моими любимыми разноцветными гирляндами, коробками с красными и серебристыми украшениями, не забыв про подставку для елки. Повинуясь порыву, я взяла еще и пакет

серебристой мишуры.

– Веселого Рождества, – пожелал продавец на кассе, протягивая мне сдачу. По пути к выходу я опустила ее в красное ведерко Армии спасения.

Вернувшись в центр, мы донесли елку и украшения сначала до лифта, а потом внесли в квартиру. Кэйд поставил деревце в подставку, а я возилась с радиоприемником, который принесла ему несколько недель назад. Качество звука было, разумеется, не то, что у стереосистемы Кэйда, звучанием которой он когда-то наслаждался, но все же это была музыка. И это было хорошо.

При звуке голоса Бинга Кросби, певшего *White Christmas*^[43], я остановила поиски. Кэйд установил елочку у окна, и мы вместе распутали гирлянду из лампочек и распределили ее на ветках. Потом повесили украшения и завершили елочный наряд мишурой.

Потом мы выключили свет и сели на диванчик, любуясь рождественским деревом. Я положила голову на плечо Кэйда. Это было так естественно, словно это место отдыха было создано специально для меня и предназначалось только мне.

Мозг кипел. *Райан. Свадьба. Выздоровление Кэйда*. Столько надо было сделать, обо всем подумать. Столько решений необходимо было принять. Но пока достаточно и этого. Рождественская елка, как и сама жизнь, была несовершенна. Она чуть-чуть клонилась влево, и звезды на верхушке не хватало. Подарков под ней тоже не было. Но и такая она была хороша.

Глава 27

20 декабря 2008 года

– Райан, – позвала я его из ванной комнаты, где одевалась к празднику в честь нашей помолвки. Я никак не могла сосредоточиться ни на платье, явно нуждавшемся в глажке, ни на волосах, которые неплохо было бы уложить щипцами. – Среди твоих знакомых нет специалистов по судебно-бухгалтерской экспертизе?

– Конечно, есть. Почему ты об этом спрашиваешь? – ответил он, заглядывая в ванную и одновременно завязывая галстук.

– Это связано с Кэйдом.

Выражение лица Райана мгновенно изменилось.

– О!

– Дело в том, – продолжала я, – что его деловой партнер, похоже, присвоил себе все его имущество.

– Тогда, пожалуй, этим стоит заняться. Но, Кайли, эти парни недешевы.

Я понимала, что нечестно ждать от Райана, чтобы он в очередной раз заплатил за Кэйда из своего кармана. Он уже был в курсе того, во сколько обходится его пребывание в Харборвью, но не задал ни одного вопроса. За это я была ему благодарна.

– Ты могла бы найти того, кто станет работать за комиссионные от той суммы, которую они смогут найти и вернуть.

– Отличная идея, – одобрила я, выбирая сережки-гвоздики с бриллиантами, которые Райан подарил мне год назад на День святого Валентина.

Он достал из кармана телефон, пролистал записную книжку.

– Вот, «Дэвис, Эмерсон и Баррет». Поговори с Брюсом Барретом. Он адвокат, но работает в тесном контакте с командой специалистов по судебно-бухгалтерской экспертизе, которые постоянно занимаются такими делами. Возможно, они тебе помогут. Я скину тебе их контактную информацию.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Райан долго смотрел на меня. Если бы я смогла пробраться в его мозг, я бы наверняка увидела, с какой силой он желает, чтобы я наконец оставила Кэйда в покое. Пусть система о нем позаботится. Прекрати беспокоиться о нем и сосредоточься на мне, на нашей жизни. И все же я не могла. Райан

это знал. Я это знала.

– Ты красавица, – улыбнулся он мне, когда я надела черное платье с кружевным лифом.

– И ты хорош собой, – ответила я. Честно говоря, Райан всегда был красавцем.

Когда мы приехали в «Серафину» на праздник, не меньше десятка наших друзей уже ждали нас. Я увидела Трэйси рядом с привлекательным седовласым мужчиной. Я помахала ей рукой и направилась к ним. Райан остался у входа в ресторан, чтобы поговорить с коллегой из офиса, который пришел в сопровождении шикарной брюнетки.

– Вы только посмотрите на нее! – воскликнула Трэйси. – Какое замечательное платье!

– Спасибо, – улыбнулась я. – А это, должно быть, Трент.

– Да. – Она повернулась к своему спутнику. – Трент, это моя лучшая подруга Кайли.

– Наконец-то мы встретились. – Мужчина протянул руку. Пожатие оказалось твердым, глаза были добрыми. Мне он сразу понравился.

– Я слышала, у вас есть яхта, – поинтересовалась я.

– Когда-то я ходил под парусом, – ответил Трент, – но после сорока обленился.

– Трент скромничает, – вмешалась Трэйси, – у него красивая яхта.

– Здорово.

– Если у вас и вашего жениха будет перед свадьбой свободный день, я приглашаю вас на яхту, чтобы отпраздновать наше знакомство.

– Мы будем очень рады.

В эту минуту к нам подошел Райан и обнял меня за талию.

– Я Райан, – представился он Тренту. – Рад с вами познакомиться.

– Трент.

– Мы говорили о яхте Трента, – объяснила я Райану. – Он пригласил нас выйти вместе с ним в море.

– Замечательно, – обрадовался Райан. – Я вырос на яхтах. Надеюсь когда-нибудь уговорить Кайли купить собственное судно. Ну а до тех пор будем пользоваться вашим гостеприимством.

– Трент, вам, случайно, не знаком бренд «Принцесса»? – спросила я.

– Яхты «Принцесса»? Разумеется, я их знаю. Это качественные лодки. У меня «Охотник за солнцем», но «Принцесса» котируется так же высоко.

Райан помахал рукой коллегам, которые только вошли, и чмокнул меня в щеку.

– Прошу меня извинить, – сказал он. – Рад был познакомиться, Трент.

Когда Райан ушел, я продолжила:

– Если кто-то владел яхтой «Принцесса» в 1998 году, можно ли найти такого владельца?

– Трэйси говорила мне, что вы работаете в газете, – сказал Трент. – Вы занимаетесь расследованиями?

– Да, но я больше занимаюсь социальной тематикой, чем морской, – улыбнулась я. – Это мой личный проект.

– Что ж, если человек купил новую яхту, то можно найти дату покупки. У меня есть приятель, который когда-то торговал яхтами. Я мог бы у него спросить.

– Это было бы замечательно, спасибо, – поблагодарила я.

Праздник удался. Гости улыбались, пили, смеялись, три главных пункта веселья были выполнены. На какое-то время я забыла о том, что это вечер в честь моей помолвки, а не просто встреча старых друзей. Но потом я услышала, как Райан постучал по микрофону. В зале установилась тишина.

– Эта штука работает? – спросил он.

Все засмеялись, а один из его коллег отпустил шутку, которую я не совсем поняла.

– Хорошо! Теперь, когда я привлек ваше внимание, буйные наши гости, я бы хотел поднять тост за мою будущую невесту, красавицу Кайли!

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам, когда взгляды присутствующих устремились на меня. Я улыбнулась, но улыбка получилась натянутой, и у меня от напряжения даже заболели мышцы.

– Моя девочка, – продолжал Райан, обращаясь ко мне, – в тот день, когда я встретил тебя, я погиб. Стрела попала в сердце. Я пал у твоих ног. И я могу назвать для этого миллион причин: твоя улыбка, твоя доброта, то, как ты морщишь нос, когда смеешься, то, что ты можешь отличить эстрагон от тимьяна и знаешь все специи от А до Я.

Я улыбнулась, вспоминая одно из наших первых свиданий, когда я приготовила для Райана ужин в своей старой квартире в Беллтауне и прочла ему целую лекцию о пряных травах и специях.

– Я столько всего в тебе люблю, что мне не хватит времени все перечислить. Но больше всего я люблю твою душу и твое сердце. Ты оказала мне честь, согласившись провести свою жизнь со мной. – Райан откашлялся. – Дорога к этому дню не всегда была идеальной. Тебе пришлось намного труднее, чем мне. – Он поднял свой бокал. – Этот тост за тебя, Кайли, и за все планы, которые не осуществились, за все провалы, неудачи и объезды на этом пути. Потому что без них жизнь, которую мы

проживаем, и любовь, которую мы чувствуем, не были бы возможны. Разочарование – это всего лишь ступенька на пути к лучшему, к самому лучшему.

Райан замолчал, вытер слезу, потом он повернулся ко мне:

– Кайли, несмотря на все отступления, которые были у нас с тобой, ты – лучший пункт назначения. И я благодарен, что мой путь привел меня к тебе.

Все заплодировали, гости разошлись в стороны, позволяя мне пройти к Райану. Я поцеловала его. Оставалось только надеяться, что он не заметил, как дрожат мои губы.

– Спасибо, – шепнула я. – Это было прекрасно.

– Эти слова от души, – успел сказать Райан до того, как к нему подошел брат и похлопал его по спине.

Заметив Трэйси в толпе гостей, я прошла к ней, помахала рукой Джен и одной из моих коллег из «Сиэтл Геральд».

– Тренту пришлось уйти пораньше, чтобы забрать дочку, – объяснила Трэйси.

Я теребила платье, не в силах смотреть ей в глаза.

– Кайли, я наблюдала за тобой во время речи Райана. Он говорил от души, но его слова пролетели мимо тебя.

– Я в порядке, – солгала я, пытаюсь справиться с трясущимися губами и дрожащим подбородком.

– Нет, не в порядке, я же вижу. – Она взяла меня за руку. – Прошу тебя, я твоя лучшая подруга. Если ты не можешь быть честной со мной, то с кем ты можешь быть честной? Кайли, ты не обязана проходить через все это одна.

Я кивнула.

– Ты не можешь выйти за него, Кайли.

– Но я собираюсь сделать это. – Я вскинула голову и посмотрела на Райана, стоявшего в отдалении, такого красивого, такого уверенного, такого... – Трэйси, я люблю его, правда люблю.

– Да, – согласилась она. – Но, дорогая, тебе не хуже моего известно, что иногда любви недостаточно.

Когда я подняла глаза, Райан как раз шел ко мне. Если он и переживал из-за Кэйда, то успешно справился со своими страхами и решил поверить мне. От собственной неспособности справиться с чувствами мой желудок как будто завязался в узел.

– А вот и я. – Он поцеловал меня в щеку и улыбнулся Трэйси.

– Мы как раз говорили о том, какой замечательный тост ты произнес, –

пришла мне на помощь подруга.

– Это было прекрасно. – Я наконец смогла заговорить.

Джазовый ансамбль, который мы нанимали, вернулся к инструментам и начал играть. Я не сразу узнала мелодию. А узнав, ахнула. Это была старая песня All of Me, которую так любила моя бабушка.

All of me, why not take all of me?^[44]

Мои глаза увлажнились, когда Райан привлек меня к себе. И в это мгновение я поняла, что, как бы сильно я ни старалась, я никогда не смогу отдать ему всю себя.

Глава 28

22 декабря 2008 года

Нам повезло. Кто-то из клиентов отменил встречу, поэтому Брюс Баррет, адвокат, которого рекомендовал Райан, встретил нас с Кэйдом в приемной фирмы в девять утра. Он оказался крупным седым мужчиной в твидовом костюме, темно-синем галстуке и с улыбкой Чеширского кота. Его рукопожатие оказалось чересчур крепким, даже немного болезненным. Я решила, что именно поэтому Кэйд явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Спасибо, что согласились встретиться с нами, – поблагодарила я.

– Я рад нашей встрече, – ответил Баррет и провел нас по короткому коридору в конференц-зал. На столе стоял не слишком свежий завтрак: черствые бейгели, увядший виноград и ломтики дыни печального вида. Яйца выглядели окаменевшими.

– Угощайтесь, пожалуйста, – предложил адвокат. В зал вошел другой мужчина, помоложе и более серьезный на вид.

– Спасибо, мы уже поели, – отказалась я.

Он внимательно посмотрел на нас.

– Это Том Лоутон, один из наших лучших специалистов по судебно-бухгалтерской экспертизе. Уверяю вас, Том не пропустит ни одной детали.

Брюс Баррет сцепил пальцы и приступил к делу:

– У вас очень непростой случай. Я взял на себя смелость и обсудил все с Томом. Утром он провел небольшие раскопки. Правда, времени у него было мало. Мы думаем, что вам понравится то, что он успел найти.

Адвокат открыл папку и подвинул к нам лист бумаги. Я взяла его, Кэйд смотрел так, словно на нем были написаны иероглифы.

– Мистер Макаллистер, – продолжал Брюс, – когда вы исчезли, вы были весьма состоятельным человеком.

Кэйд скептически посмотрел на меня, потом на Баррета.

– Вам принадлежала половина активов фирмы «Стихия Рекордс», – объяснил тот, – машина, квартира в кондоминиуме на площади Пионеров, и у вас были доли в двух зданиях в центре города.

Я кивнула.

– Но «Стихия Рекордс» была на грани банкротства, – сказала я. – Компания боролась за выживание.

Адвокат покачал головой, сверкнув своей улыбкой Чеширского кота.

– Возможно, в какой-то момент так и было. Но компания продолжала получать миллионные прибыли, и все эти деньги были вложены в новую компанию, которая принадлежит некоему мистеру Китли.

Я покачала головой.

– Так что же случилось? Где накопления Кэйда? Где его доля? У него же должен был сохраниться к ней доступ.

– Оказывается, нет, – ответил Баррет. – Все имущество мистера Макаллистера исчезло. Его квартира перешла к «Стихия Рекордс LLC», ликвидированной некоторое время назад.

Мое сердце забилось быстрее.

– То есть кто-то все забрал?

– Все, до последнего цента.

Я снова покачала головой.

– Но как они могли?

– Легко, – ответил Брюс. – Стояла ли фамилия мистера Китли на всех документах, на всех контрактах? Были ли у него полномочия действовать по доверенности? Мог ли он изымать средства?

– Думаю, да. Он управлял финансами компании. Кэйд в большей степени занимался творческими вопросами.

Брюс опять улыбнулся:

– Вот так все и вышло.

Том, бухгалтер-ниндзя, достал еще один документ и показал нам его копию.

– Мистер Макаллистер, мы полагаем, что вам принадлежали по меньшей мере восемь миллионов долларов, возможно, больше, если учитывать нынешнюю стоимость квартиры и вашего личного имущества.

Глаза Кэйда расширились. Я стиснула под столом его руку.

– Есть одна оговорка, – продолжал Том. – Эти деньги принадлежали вам, но вопрос в том, существуют сейчас эти средства или нет. Дело сложное, и будет непросто доказать криминальную составляющую. Имущество мистера Макаллистера, включая квартиру и машину, было связано со «Стихия Рекордс». Но за этим стоят люди, и я полагаю, что они должны ответить за свои поступки.

Я впитывала каждое его слово.

– Пришлось повозиться, – сказал Том, – но я нашел несколько переводов со счета «Стихия Рекордс» на личный счет.

– Знаете, чей это счет?

– Пока нет, но мы намерены докопаться до истины.

– Мы тоже, – сказала я. – Из нашего телефонного разговора я поняла,

что вы берете двадцать процентов от суммы, которую сумеете вернуть. Это так?

– Верно, – ответил Брюс.

– Мы согласны, – решила я и посмотрела на Кэйда, ожидая подтверждения.

Глаза Брюса сузились. Он подался вперед, не осталось даже намека на улыбку.

– Должен предупредить вас. Не пытайтесь выяснять отношения с вашим бывшим деловым партнером. – Адвокат говорил очень серьезно. – Нам необходим элемент неожиданности, чтобы раскрыть это дело. – Он подмигнул нам. – Лучше всего застать их со спущенными штанами, если вы понимаете, о чем я.

– Видите ли... Я уже говорила с ним, – виновато призналась я.

– Он в курсе, что вы работаете с адвокатом, с бухгалтером?

Я покачала головой.

– Отлично. Продолжайте в том же духе. – Баррет посмотрел на Кэйда, потом на меня. – И вам необходима защита. Когда на кону такие деньги, люди теряют рассудок и делают невероятные вещи. Деньги – страшный зверь.

Я почувствовала, как по спине пополз холодок.

– Будьте осторожны, только и всего, – добавил Брюс. – Не суйте нос туда, куда не следует. Позвольте нам разобраться с этим.

Перед уходом Кэйд, промолчавший большую часть встречи, протянул руку адвокату, и тот крепко тряхнул ее.

– Спасибо, что помогаете мне, – поблагодарил его Кэйд и бросил на меня уверенный взгляд. – Я готов вернуть свою жизнь.

Я отвезла Кэйда обратно в Харборвью. Как только он отправился на сеанс, я зашла в кабинет доктора Брэнсон.

– О, Кайли. – Она подняла голову от компьютера. – Рада вас видеть.

На стене за ее спиной висели в рамках художественные изображения головного мозга.

Я опустилась в кресло у ее стола.

– Кэйд быстро идет на поправку, – сказала я. – Сегодня, когда я везла его в центр, он декламировал стихотворение Роберта Фроста, которое я когда-то любила.

Она улыбнулась:

– Какое?

– «И золотая цветов недолог свет».

– Это одно из моих любимых стихотворений тоже. Я сначала думала

посвятить себя литературе, но потом все-таки выбрала медицину.

Доктор Брэнсон закрыла глаза, как будто пытаясь извлечь слова из полушарий мозга:

– «Уходит в день рассвет...»

Заключительную фразу мы произнесли в унисон:

– «И золота цветов недолог свет».

Врач улыбнулась:

– Такие красивые стихи... Мне всегда казалось, что это реалистичный взгляд на жизнь, хотя и несколько пессимистичный.

– Почему?

– «И золота цветов недолог свет», – повторила она еще раз. – Это ведь о том, что хорошее не может продолжаться долго. Иногда так и случается. Не все хорошее длится вечно, поэтому, когда оно с нами, им надо наслаждаться. Не уверена, что я могла бы подписаться под этой строчкой. Честно говоря, я верю в то, что хорошее *может* и *должно* длиться.

– Неужели? – скептически поинтересовалась я. – Сомневаюсь. Возможно, в этом суть всего прекрасного. Оно дается нам лишь ненадолго.

Я подумала о цветах, которые расцветают и увядают летом, о листьях, приобретающих сверкающие оттенки золота, а потом они сморщиваются и падают на землю. Родители умирают. Любовь исчезает. В мире и в моей жизни у золота век недолгий.

Невролог покачала головой:

– Я бы не стала заниматься медициной, если бы я не верила в то, что мозг может издоравливать и регенерировать. Разумеется, ничто не вечно, но золото может оставаться надолго. И мое дело – помогать сохранять его.

– Что ж, я почти готова в это поверить, – с улыбкой ответила я. – С Кэйдом вы сотворили чудо.

– Удивительно, как далеко он продвинулся за такое короткое время, – согласилась со мной доктор Брэнсон. – Наука о мозге – это последняя не до конца изученная область в медицине. Мы не знаем, почему некоторые пациенты реагируют на лечение и уверенно прогрессируют, а другие нет. Но Кэйд говорит, говорит без запинок. Память возвращается к нему, и, судя по снимкам, его мозг восстанавливается.

– Я вижу, – ответила я, – он почти такой, как прежде. Почти.

Доктор Брэнсон задумчиво посмотрела на меня:

– И это «почти» может остаться навсегда.

Я кивнула, думая о том Кэйде, которого я когда-то знала. Этот мужчина очаровал меня с той самой минуты, как только я увидела его. Он всегда умел рассмешить меня и свозил в Биг-Сур, решив сделать мне

сюрприз.

– Я ожидаю, что процесс восстановления будет прогрессировать, – сказала врач. – Мы обычно стремимся к тому, чтобы наши пациенты прошли всю годовую программу до конца. Но мы тоже учимся. Поэтому вполне возможно, что Кэйд сможет вернуться к обычной жизни раньше. Возможно, нам пора начать говорить с ним о его планах в отношении поиска работы и жилья. Вы уже думали о том, какую работу мог бы выполнять Кэйд?

– Работу?

– Может быть, дворник или уборщик в ресторане?

Мне было трудно представить Кэйда, моющим посуду в ресторане или пылесосящим ковер в офисе дантиста.

– Раньше он управлял огромной компанией, – напомнила я.

– Да, я понимаю, – невозмутимо ответила доктор Брэнсон. – Но сейчас Кэйд, возможно, будет счастливее, выполняя более простую работу.

– Верно. – Я вспомнила нашу утреннюю встречу с адвокатом и понадеялась на то, что они сумеют вернуть хотя бы часть денег, положенных Кэйду.

– Что ж, – врач встала, – я уже опаздываю на очередной сеанс.

Я вышла следом за ней в коридор, и она повернулась ко мне с улыбкой:

– Золото *может* долго оставаться в нашей жизни. Не забывайте об этом.

* * *

– Вау, не могу поверить, что он придет на свадьбу, – воскликнул Райан. Был вечер, и он сидел за кухонным столом, глядя в телефон.

– Кто? – спросила я, поднимая глаза от блюда с подгоревшей лазаньей, которую приготовила и оставила в морозилке мать Райана. Я забыла прогреть духовку, и верхняя корочка запеклась слишком сильно.

– Джош Грэм, – ответил он – Старый друг из Йеля. Он только что прислал мне письмо по электронной почте.

– Раньше ты никогда о нем не вспоминал. – Я сморщила нос.

– Джош – мой друг юности, – объяснил Райан. – Теперь он живет в Нью-Йорке с женой и двумя детьми. Руководит страховым фондом, дела у него идут отлично.

Я представила письмо от Джона Грэма о том, что он приедет. И в письме указана дата. Я безразлично отвернулась.

– Что-то не так, дорогая? – спросил Райан.

Я вздохнула.

– Не знаю. – Я потянула ворот свитера, который вдруг начал царапать мне шею. – Может быть, нам следовало бы включить в список гостей только близких друзей и членов семьи.

– Но когда мы это обсуждали, ты ничего не говорила о количестве гостей. И потом, Джош – близкий друг.

– Близкий друг? Я никогда о нем не слышала, да и ты, судя по всему, не видел его после колледжа.

– Да, – Райан явно обиделся, – но мы время от времени переписываемся по электронной почте и говорим по телефону. К тому же это полезный деловой контакт.

Он, явно обиженный, снова повернулся к ноутбуку.

– Деловой контакт? – повторила я несколько раздраженно. – Значит, наша свадьба превращается в корпоративное мероприятие?

– Кайли, ты преувеличиваешь.

Я снова вздохнула.

– Ты, кажется, говорил, что на свадьбу приглашены и некоторые коллеги твоего отца?

– Хартманы, да, – подтвердил Райан. – Но я знаю их с детства.

– Хорошо-хорошо, – продолжала я. – Но твой отец сказал, что хочет зарезервировать столик для своих служащих. Райан, что это? При чем тут его *служащие*?

Я чувствовала, как тревога поднимается из глубины моего существа все выше и выше.

Теперь вздохнул Райан:

– А чего ты ждала, Кайли? Мои родители оплачивают свадьбу.

Он встал, прошел через кухню, открыл холодильник и достал пиво.

– Я знаю, прости. Не хотела огорчить тебя.

Зазвонил мой телефон. Я была рада поводу прекратить разговор о свадьбе. После праздника в честь нашей помолвки каждый наш контакт, каждый разговор стали натянутыми и неприятными.

Я узнала номер на экране. Звонили из Харборвью. Может быть, доктор Брэнсон?

– Алло?

– Привет, это Кэйд.

– Привет. – Я повернулась к Райану. Тот что-то печатал на своем ноутбуке.

– Прости, что я тебя беспокою, – продолжал Кэйд.

Я вышла в гостиную.

– Все в порядке. Что-то случилось?

– Я...

– Кэйд, в чем дело?

Райан оторвался от компьютера. На мгновение наши взгляды встретились, потом он отвернулся.

– Думаю, я просто... соскучился по тебе, – произнес Кэйд.

Эти слова пронзили мое сердце. Я вспомнила, как он сказал мне об этом в первый раз. Мы встречались около месяца, когда он позвонил мне как-то вечером и сказал именно эти слова, от которых моя душа затрепетала. И вот я снова слышу его голос по телефону. Мир изменился, но слова Кэйда поразили меня с такой же силой, как и много лет назад. Возможно, даже сильнее.

– Хочешь, чтобы я приехала? – спросила я, понимая, что Райан слушает этот разговор.

– Если можешь. Если это не слишком сложно для тебя.

– Разумеется, не сложно. – Я бросила взгляд на часы на стене. Половина восьмого. – Я буду у тебя к восьми.

Я повернулась к Райану:

– Это звонил Кэйд. У него сегодня непростой вечер. Я поеду и проверю, как он там.

Райан что-то буркнул в ответ, но при этом даже не оторвал глаз от компьютера.

– Я скоро вернусь, – пообещала я. – Только туда и обратно.

Я схватила ключи и сумочку. Райан не попрощался со мной.

Тем вечером Сиэтл был великолепен. Пока я ехала по автостраде I-5, небо над озером Юнион переливалось огнями. Меня поразило осознание того, насколько я люблю этот город во всех его проявлениях, со всеми его особенностями. Он привлек меня с того самого момента, когда мы с Трэйси приехали сюда с нашими пожитками, сложенными на заднем сиденье ее машины. Я влюбилась в его мокрые от дождя улицы, соленый запах моря, гудки паромов, новые виды, новые звуки за каждым углом.

Но моя любовь к Сиэтлу была неотделима от Кэйда. Сколько песен мы слушали вместе, сколько кварталов прошли, в скольких маленьких кафе сидели... Мы вместе оставили свой отпечаток на лице этого города, и без этих воспоминаний Сиэтл, возможно, остался бы для меня всего лишь еще одним мегаполисом планеты, таким же, как Чикаго, Лос-Анджелес или Нью-Йорк. Кэйд – это Сиэтл. А Сиэтл – это Кэйд.

– Добрый вечер, – поздоровалась я с охранником в здании центра. Я попыталась вспомнить его имя. Голова моя была как в тумане. Крис, кажется. Да, точно.

– Он будет рад вас видеть, – сказал Крис. – У него сегодня был тяжелый день.

– Что случилось?

Охранник наклонился ко мне:

– Кто-то до смерти его напугал.

– То есть как напугал?

– Около четырех часов ваш друг отправился на прогулку, – объяснил Крис. – Вернулся через час, сам не свой.

– Ему разрешают выходить одному?

– Доктор Брэнсон сказала, что он может гулять. – Охранник указал на лист с разрешениями на выход. – Посмотрите, она расписалась вот здесь.

Я кивнула:

– Вы сказали, он был сам не свой?

– По его словам, кто-то гнался за ним и хотел его ударить.

– Как по-вашему, это случилось на самом деле или же это проявления посттравматического стресса, о котором говорила доктор Брэнсон?

Крис пожал плечами:

– Хоть убейте, не знаю, но парень выглядел перепуганным. Он все время оглядывался через плечо, видно думал, что его поймают.

– Какой ужас, – ахнула я. – Понятно, почему Кэйд не захотел оставаться один.

– Хорошо, что вы приехали, – крикнул мне вдогонку Крис, когда я уже шла к лифту. – Дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится.

Я вышла из лифта на третьем этаже, постучала в дверь Кэйда. Он сразу же открыл мне.

– Привет. – Я обняла его.

– Привет. – Он крепко прижал меня к себе. Его руки скользнули мне на талию.

– Прости меня.

– Не извиняйся, – ответила я. – Я рада, что ты позвонил. А теперь расскажи мне, что произошло. Кто-то тебя преследовал?

– Откуда ты знаешь?

– Крис мне сказал.

Кэйд непонимающе посмотрел на меня.

– Охранник.

– Ах да. Кайли, мне небезопасно здесь находиться.

– Сядь, – попросила я. – О чем ты говоришь?
– Меня правда кто-то преследовал. Я пошел быстрее, и этот человек ускорил шаг. Потом я побежал, и он тоже побежал.
– Ты уверен, что он гнался именно за *тобой*?
– Да.
– Ты видел, кто это был?
– Нет, – ответил Кэйд. – Было слишком темно.
– Нам надо позаботиться о твоей безопасности. Пожалуйста, не выходи из здания один. Я не знаю, что происходит. Не знаю и того, кто хочет причинить тебе вред. Но, Кэйд, пожалуйста, обещай мне, что ты останешься в центре, пока мы во всем не разберемся.

Он кивнул.

– Я рад, что ты здесь. Мир кажется лучше, когда ты со мной.
Я и ответить не успела, как у Кэйда зазвонил телефон.
– Я отвечаю, – сказала я. – Алло?
– Кайли?
– Да?
– Это Крис, охранник. Здесь мужчина, который говорит, что ему нужно вас увидеть.

– Мужчина? Кто?
– Он говорит, что его зовут Райан.
Райан? Зачем он здесь?
– Хорошо, я сейчас спущусь.
– Видите ли, он только что вошел в лифт. Я пытался остановить его, но он представился вашим женихом.
– Так и есть. Все нормально. Спасибо, – поблагодарила я и обратилась к Кэйдду:

– Я выйду на минуту.
Закрыв за собой дверь квартиры, я увидела выходявшего из лифта Райана. Его лицо было серым.
– Что ты здесь делаешь? – спросила я.
– Я тоже рад тебя видеть.
– Райан, в чем дело?
Он взмахнул руками:
– В чем дело? Я думаю, ты знаешь, в чем дело.
– Тсс, не так громко, он тебя услышит.
– Кайли, вот как раз сейчас мне совершенно все равно, слышит ли меня *он*.

Я уставилась в пол.

– С меня хватит, – сказал Райан. – Я больше не могу делать вид, что эта маленькая шарада меня не беспокоит, потому что это не так. Ты женщина, которую я люблю. И я должен сидеть и смотреть, как ты тратишь каждую свободную минуту, каждую унцию твоей эмоциональной энергии на этого человека. А мне достаются крохи. Кайли, я бы довольствовался и крохами, если бы я знал, что ты по-настоящему любишь меня, если бы я был уверен, что ты так же хочешь быть со мной, как я хочу быть с тобой. – Он покачал головой. – Но я в этом не уверен. Честно говоря, я думаю, что, пока Кэйд жив, твое сердце никогда не будет принадлежать мне.

Мои глаза расширились:

– Райан, ты этого не сделаешь.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

– Чего не сделаю?

Мне никогда раньше не приходила в голову та страшная мысль, которая вертелась в моей голове в ту минуту, но я никогда и не видела, чтобы глаза Райана так сверкали от гнева. Я никогда не видела у него такой страстной реакции. Да и с работы сегодня он вернулся позже обычного. Мое сердце гулко забилося.

– Скажи мне, что ты не причинишь вреда Кэйду.

Райан ухмыльнулся:

– О чем ты говоришь?

– Сегодня вечером кто-то преследовал Кэйда. Кто-то хотел напасть на него.

Райан откинул голову:

– Не могу поверить! Даже теперь, когда я стою перед тобой, делюсь с тобой своими страхами, ты беспокоишься только о *нем*? Или, того хуже, ты обвиняешь *меня* в том, что я пытался причинить вред *ему*?

Я шагнула ему навстречу.

– Но я...

Райан натянуто улыбнулся:

– Все в порядке. Я знаю, как тебе тяжело. Я всего лишь хотел облегчить тебе жизнь. Я лишь хотел, чтобы ты была счастлива. Но если ты счастлива с Кэйдом, то тебе следует быть с ним.

– Райан, пожалуйста, я...

– Прощай, Кайли. Я люблю тебя. И всегда буду любить. Мне жаль, что я... Мне жаль, что я не тот самый, единственный.

Он быстро вошел в лифт.

Я рухнула на колени и заплакала.

Через несколько минут я взяла себя в руки, вытерла слезы, вернулась к двери Кэйда и заглянула внутрь.

– Кэйд?

Квартира была пуста.

– Кэйд! – крикнула я и тут заметила на кофейном столике записку, написанную его почерком. В ней говорилось:

«Драгоценная моя Кайли!

Ты спасла меня, и единственное, чем я могу отплатить тебе, – это не разрушать твою жизнь. Мне пора сказать тебе «до свидания».

Я буду всегда любить тебя, где бы я ни был, близко или далеко.

Кэйд»

– Нет! – крикнула я. – Кэйд, нет!

Должно быть, он незаметно проскользнул мимо нас и спустился по лестнице, пока я разговаривала с Райаном. *Неужели он все слышал? Он огорчен...*

Я не стала ждать лифта и побежала к лестнице. Мои ступни барабанили по цементным ступеням, шаги эхом отлетали от стен. На первом этаже я метнулась к столу охранника.

– Кэйд ушел?

Крис кивнул:

– Около пяти минут назад.

– Почему же вы не остановили его?

– У нас система разрешений на вход и выход, но мы можем только советовать пациентам. В конце дня они могут поступать так, как им хочется.

Я кивнула:

– Кэйд сказал, куда идет?

– Нет, но он свернул в ту сторону. – Охранник указал направо, по направлению к городу. Мое сердце едва не остановилось.

Я подъехала к дому после десяти. Я побывала везде, где, по моим предположениям, мог бы находиться Кэйд. Но на этот раз он исчез. Райан тоже. Его машины не было перед домом. А когда я зашла внутрь, то ощутила полное одиночество, как будто закончилась целая эпоха. Просто

взяла и закончилась, хотя я не знала и не просила об этом. Закончилась, и все.

Я прошла на кухню и почему-то поняла, что утром я не увижу Райана за завтраком. Я не смогла даже вспомнить, когда я в последний раз готовила ему омлет. В воскресенье? В позапрошлый вторник? Он был со шпинатом и луком-пореєм или с грибами? Я думала обо всем, что происходило между нами в последний раз. Наши последние поцелуи. Последний раз, когда Райан танцевал со мной в гостиной, занимался со мной любовью утром в субботу, когда птицы щебетали за окном спальни. Последний раз, когда мы держались за руки или смеялись вместе. Я хотела запомнить детали и оплакивала их.

И все-таки я продолжала раздумывать: не из-за Райана ли ушел Кэйд? Может, Райан его напугал? Мог ли он причинить ему вред? Нет, это невозможно. Или возможно? Мир казался жестоким и печальным, он сбивал с толку, как будто все то, что я любила, вдруг превратилось в маленькую горсточку песка. А я изо всех сил пыталась удержать ее в руках, приходя в ужас от того, что песчинки по одной проскальзывают между пальцами.

Я вздрогнула, когда в дверь постучали, и испугалась еще больше, когда, открыв дверь, увидела на пороге Джеймса. Начался дождь, вернее, ливень, и волосы у Джеймса были мокрыми. Пряди прилипли ко лбу. Он выглядел растрепанным и встревоженным.

– Прости, что беспокою тебя дома, – заговорил он. – Ты говорила, что живешь в Уоллингфорде, да и потом, было нетрудно найти твой адрес в Интернете.

– Не знаю, что и сказать.

– Кайли, нам нужно поговорить. – Глаза Джеймса смотрели печально и умоляюще.

Сначала я хотела его прогнать. Я ему не доверяла и не была уверена, что мы могли что-то еще сказать друг другу. Но выражение его глаз подсказывало, что мне надо пригласить его. Так я и сделала.

– Садись. – Я указала на диван.

Джеймс грузно сел и ссутулился, словно на его плечах лежал тяжелый груз. Под его глазами залегли темные тени, и в первый раз вечно молодой Джеймс выглядел усталым и постаревшим. Время все-таки его не пощадило. Он уткнулся лицом в ладони и пробормотал:

– Даже не пойму, с чего начать.

Мое сердце забилось быстрее. Я не знала наверняка, о чем он хочет мне рассказать, но догадывалась, что история будет долгой и печальной.

– Джеймс, прошу тебя, просто скажи мне то, что должен сказать.

Он посмотрел на меня и кивнул.

– У нас с Кэйдом всегда были непростые отношения. Ты об этом знаешь.

– Знаю.

Джеймс набрал в легкие побольше воздуха.

– «Стихия Рекордс» стала нашим общим ребенком. Мы оба гордились ею, вкладывали силы в компанию.

Он с ностальгией посмотрел на потолок. Я взяла тяжелый стакан и налила ему виски. Джеймс взял его в руки.

– У Кэйда был дар, удивительная способность распознавать талант. Я всегда говорил ему, что это похоже на шестое чувство. Он мог войти в зал и понять, что перед ним новая Nirvana. Долгое время казалось, что все, к чему он прикасается, превращается в золото. Я наивно считал, что так будет продолжаться вечно. Но это была глупая надежда. У всего есть свой цикл, взлеты и падения. Талант начал подводить Кэйда. Сначала промахи случались редко. Он заключил контракт с группой, выплатил музыкантам огромный аванс, а они продали десять тысяч альбомов, а не сто тысяч, как мы планировали. Мы потратили пятьдесят штук на раскрутку одной певицы, а продали всего две тысячи дисков. – Джеймс вздохнул. – Такое повторялось снова и снова. Но Кэйд хотел вкладывать новые деньги. Он никак не мог остановиться, все время обещал, что мы на пороге нового открытия, что мне надо верить ему и прекратить волноваться.

– И ты перестал ему верить.

– Да, перестал, – продолжал Джеймс. – Казалось, Кэйд потерял чутье. Но дело не только в этом. Он все больше и больше пил. Спиртное, таблетки. Он пошел вразнос, Кайли.

– Я знаю, все это было при мне, – сказала я. – Но действительно ли все было так плохо, как ты описываешь?

– И да и нет, – ответил он. – Я должен сказать тебе то, что слишком долго носил в себе.

– Что же?

Джеймс потер лоб:

– Я мог бы помочь ему. Я был его лучшим другом. Но я позволил своим личным страхам взять верх.

– Страхам?

– Я боялся потерять Алексис. Она любила Кэйда.

– Что?

Он кивнул:

– Ты не знала. Никто не знал. Кроме меня. Я чувствовал это каждый раз, когда она была со мной. Ей нужен был только Кэйд. Все всегда хотели Кэйда. Через какое-то время я уже не мог этого выносить. Я все время чувствовал себя вторым. – Джеймс вздохнул. – Поэтому, когда Кэйд покатился по наклонной, я решил, что пришло мое время блеснуть. Я подумал, что теперь-то я поднимусь в глазах Алексис. И тогда она и все остальные увидят, чего я стою. – Он посмотрел на свои колени. – Я был дураком.

– Вот как... – Я вспомнила, как Алексис смотрела на Кэйда. Я приняла любовь за восхищение. Ответил ли он на ее чувства? Я вздрогнула. – Не знаю, что сказать.

– Мы с тобой оба знали, что Кэйд был сам не свой в те дни, – продолжал Джеймс. – Выпивка. Сумасбродство. Смог бы он из этого выбраться? Возможно. Я не знаю. – Он вздохнул. – Но я должен был что-то предпринять. Поэтому я изменил вектор компании, подписывал контракты с поп-исполнителями, немного сместил фокус. Когда мы уволили Кэйда из компании, я не думал, что это его разрушит. Я предполагал, что он возьмет передышку, соберется с силами и откроет собственную фирму. Но последствия оказались катастрофическими. Если ты думаешь, что я не испытывал чувство вины все эти годы, то ты ошибаешься.

Я наклонилась к нему:

– Джеймс, ты же знаешь, что с ним произошло, верно?

Он кивнул. Лицо его оставалось серьезным.

– После ухода Кэйда дела пошли на лад. Я подписал контракты с несколькими группами, которые казались многообещающими. Год мы предполагали закончить с прибылью, или нам так казалось. Это был август, и тогда на свои сбережения я купил яхту «Стелла Мэй».

– Первого августа я видела Кэйда в последний раз. Потом мы увиделись уже этой осенью, – сказала я, судорожно глотнув. В тот день я хотела рассказать ему о ребенке. – Ты, возможно, почувствовал облегчение, а я была опустошена.

– Знаю, поэтому вторую часть истории мне рассказывать еще тяжелее. – Джеймс немного помолчал. – Мы с Алексис хотели, чтобы первое плавание на нашей яхте стало особенным, поэтому наняли полную команду и официантов в смокингах и бабочках. Мы как раз собирались отплыть, когда появился Кэйд. Он был пьян, настроение у него было воинственным. Лучше бы он не приходил. Кэйд был зол, наговорил кучу гадостей Алексис. Не уверен, что она когда-нибудь сможет это забыть.

Джеймс опять замолчал, на этот раз надолго.

– Я попытался успокоить его, но мы поссорились, и скандал набирал обороты. Не помню, кто ударил первым, но мы сцепились и начали драться на яхте, которая все еще стояла у причала. Мы оба были в крови. Последний удар оказался моим. Я рассек ему лоб.

– Шрам, – сообразила я. – Вот он откуда.

Джеймс кивнул.

– Было столько крови... Алексис умоляла нас прекратить драку. Она всегда говорила, что мы как братья, которые с детства не любят друг друга. Но на этот раз мы оба заупрямились и не смогли отступить, извиниться друг перед другом за наши ошибки. Все зашло слишком далеко.

– Почему ты не позвал на помощь?

– Лучше бы я это сделал, Кайли. – Его голос дрогнул.

– Но ты никого не позвал, и что-то произошло.

– Вот в этом-то все и дело, – со вздохом ответил Джеймс. – Я приказал Кэйдду убираться с яхты. Мы с официантом вытащили его на пристань, потом мы вышли в море.

– И ты бросил его истекать кровью?

– Я поступил, как трус, но тогда я считал, что у меня есть причины для этого, – пробормотал Джеймс. – Алексис была беременна, Кайли. Я узнал об этом накануне. Что, если бы меня обвинили в нападении? Мне предстояло стать отцом, я не мог рисковать этим. Я должен был защитить свою семью. – Он опять вздохнул. – Послушай, Кэйд явился на яхту и испортил мне праздник. Да и потом, я не думал, что у него настолько серьезная травма.

Джеймс посмотрел на свои руки так, словно на них все еще была кровь Кэйда.

– Ты сказал, что у него была лишь глубокая ссадина на лбу. – Я внимательно посмотрела на Джеймса. – Но в медицинской карте Кэйда 1998 года указано, что он поступил с черепно-мозговой травмой. Как ты можешь это объяснить?

Он покачал головой:

– Не знаю, Кайли. Должно быть, в тот вечер с ним случилось что-то еще. Я так долго жил с чувством вины... Когда ты пришла в мой офис и сообщила, что Кэйд жив, я был потрясен до глубины души. Мой лучший друг был не из тех, кто исчезает. Он всегда был рядом. Когда он пропал, я предположил худшее.

Я покачала головой:

– Не знаю, что и сказать, Джеймс.

– Это был не я, Кайли.

Мои глаза расширились:

– Если не ты, то кто тогда?

– Мне и самому хотелось бы это знать.

– А как насчет денег, Джеймс? Ты взял все средства Кэйда? Я наняла адвоката и специалиста по судебно-бухгалтерской экспертизе. Они попытаются вернуть все то, что по праву принадлежит Кэйд.

– Этого и следовало ожидать. – Джеймс с силой выдохнул. – Ох, Кайли, я слишком глубоко увяз.

– Ты сейчас о чем?

Он потер лоб:

– Деньги никуда не пропали. Они вложены в дело. И я, разумеется, готов к сотрудничеству.

– Джеймс, прошу тебя, подумай: кто мог бы желать Кэйд зло?

Он задумался, потом в его глазах неожиданно вспыхнула тревога:

– Где Кэйд сейчас?

– Не знаю. Райан, мой жених, сегодня вечером выяснял отношения со мной по поводу моих чувств к Кэйд, потом разорвал нашу помолвку. Кэйд все слышал и... ушел.

– Мы должны найти его. – На лице Джеймса появилось озабоченное, тревожное выражение.

Глава 29

22 декабря 2008 года

– Как думаешь, где он может быть? – спросила я Джеймса, когда мы бежали к его машине. – Я уже проверила центр города, его бывшую квартиру, обычные для него места.

– У меня есть идея, – встрепнулся Джеймс. – Едем в центр.

Я пристегнула ремень безопасности, потом набрала номер доктора Брэнсон.

– Здравствуйте, это Кайли.

– Что-то случилось?

– Да. Кэйд пропал. – Я рассказала врачу о том, как он испугался того, что его кто-то преследует.

– Это может испугать любого. Но едва ли кто-то гнался за Кэйдом. Такие приступы острой тревоги часто бывают у тех, кто выжил после черепно-мозговой травмы. Когда мозг выздоравливает, он напоминает заезженную пластинку, когда игла пытается перейти на новую мелодию, но вместо этого снова и снова повторяет один и тот же такт предыдущей. События, предшествующие травме, повторяются в памяти снова и снова.

– То есть вы считаете, что Кэйду это показалось?

– В каком-то смысле, – продолжала доктор Брэнсон. – Но не сомневайтесь, для него это все реально.

– Я найду его и привезу в ваш центр, – пообещала я.

– Кайли, ваша любовь к нему не знает границ.

По моим рукам побежали мурашки. Мы никогда не говорили о моей любви к Кэйду, но врач знала о ней. Конечно же, она знала.

– Вы правы, – ответила я после долгой паузы.

Вдавив педаль газа, Джеймс мчался по автостраде. Мое сердце с каждой секундой билось все быстрее. Он свернул к Стюарт-стрит и снова прибавил скорость.

– Едем на рынок, – сказал Джеймс. – Он должен быть там.

– Пайк-плейс?

– Да. Кэйд любил Пайк-плейс.

Ну разумеется. Рынок на Пайк-плейс.

Воспоминания хлынули сплошным потоком. Наши вечерние прогулки по рынку. Маленький винный магазин, куда Кэйд обязательно заглядывал. Торговец рыбой, с которым Кэйд подружился на почве любви к палтусу.

Уличный скрипач, которому он давал двадцать долларов каждую пятницу...

Мы с Джеймсом переглянулись и хором произнесли:

– Телефонная будка!

Подъехав к рынку, Джеймс припарковал машину около канонической фигуры медной свиньи у входа. Было темно, но брусчатка, политая недавним дождем, блестела в свете уличных фонарей. У входа выстроились рождественские елки, украшенные гирляндами фонариков. Вывеску рынка украшал рождественский венок.

Мы с Джеймсом выскочили из машины и побежали. Мы смотрели то налево, то направо. Я давно не была в этом месте, и я знала почему. Слишком много воспоминаний.

– Куда дальше? – спросила я Джеймса. Обычно заполненный бурлящей толпой, в этот час рынок был похож на город-призрак. На крышах у нас над головой сонно ворковали голуби.

– Вниз по лестнице.

И тут я вспомнила. Спуститься на несколько пролетов, пройти по тускло освещенному проходу мимо старой таверны, которую когда-то так любил Кэйд, и лавки со специями, наполнявшей воздух ароматом корицы и карри... И вот она, телефонная будка, вишнево-красная, с надписью ТЕЛЕФОН черными буквами, привезенная из Лондона.

Ну конечно же, телефонная будка. Кэйд клялся, что в ней ему лучше думается, поэтому он приобрел точную ее копию для своей квартиры на площади Пионеров в 1998 году.

Мы увидели телефонную будку и, хотя было темно, разглядели фигуру внутри. Человек скорчился и как будто спал.

– Кэйд! – крикнула я, подбегая ближе. Я положила руку на маленькую железную ручку, и он поднял глаза. Когда наши взгляды встретились, его глаза засияли, но потом он увидел Джеймса, и появившаяся было улыбка исчезла.

– Не бойся, Кэйд, – сказала я. – Я поговорила с Джеймсом. Мы здесь, чтобы помочь тебе.

Он осторожно встал, вышел из телефонной будки и остановился перед нами.

– Прости, дружище. – Джеймс шагнул к ему. – Мне бы очень хотелось, чтобы все сложилось иначе. Я буду жить с этим до конца моих дней.

Кэйд кивнул.

– Я все помню.

– Я знаю, что ты помнишь. Прости, прости меня за все то, что я сделал и чего не сделал. Я все устрою, все верну, обещаю.

Джеймс замолчал, когда позади нас раздались шаги. Мы обернулись и увидели полицейского, который направлялся к нам.

– У вас все в порядке? – спросил офицер, глядя на меня.

– Это примирение, – объяснила я. Полицейский кивнул и продолжил обход. Мне хотелось верить, что я не обманула его.

Кэйд открыл рот. Я поняла, что он хочет сказать что-то еще.

– Я вспомнил, что случилось в тот вечер после того, как мы подрались.

Мы с Джеймсом впитывали каждое его слово.

– Каким-то образом я добрался до дома, – продолжал Кэйд. – Потом я сидел на скамейке со стариком Айвеном.

– Бездомный, который жил возле тебя! – воскликнула я. – Ты всегда был добр к нему. Как-то раз ты дал ему одеяло, а в канун Нового года подарил ему свою кожаную куртку.

Кэйд кивнул.

– К нам подошел какой-то мужчина. Ему нужны были деньги, но у меня в карманах было пусто. Старый Айвен испугался. Я сказал, чтобы он шел со мной, что я отведу его в безопасное место. Мы пошли, и больше я ничего не помню.

– Ты, как всегда, пытался кому-то помочь, – улыбнулась я сквозь слезы. – Узнаю настоящего Кэйда.

– Я не святой, – возразил он. – И я должен нести ответственность за свои действия. Я сбился с пути. – Кэйд посмотрел на меня. – Я потерял свою любовь.

Мои глаза наполнились слезами.

– Я хочу вернуться в свою жизнь, – продолжал он, его глаза блестели от волнения. – Я хочу наверстать упущенное время.

– Мы так и сделаем, – пообещала я.

Джеймс сунул руки в карманы и взволнованно смотрел на нас.

– А я предал моего лучшего друга, – он с трудом говорил, – прибрал к рукам деньги, компанию. Я верну все, что по праву принадлежит тебе, дружище. Даю слово.

Кэйд кивнул. Он выглядел измученным, но в глазах бушевал тот же огонь, которого я не видела с 1998 года. Он окреп духом? Он хочет вернуться в жизнь? Я надеялась на это.

– Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня? – прерывающимся голосом спросил Джеймс.

– Уже простил, – ответил Кэйд и шагнул к нему. Они обнялись, я смахнула слезы.

– Давайте-ка в знак начала новой жизни я доставлю вас обоих домой в

целости и сохранности. Идет?

Я посмотрела на Кэйда, потом на Джеймса.

– Да, пожалуйста. Начнем все сначала.

У поста охраны в Харборвью Джеймс попрощался с нами. Кэйд взял меня за руку. Когда мы вошли в лифт, я почувствовала себя одновременно потерянной и отыскавшейся, испуганной и находящейся в безопасности.

– Останься у меня на ночь, – прошептал Кэйд мне на ухо, когда мы переступили порог его студии. Его прикосновение настолько взволновало меня, что я едва не отступила. Но когда он прижал меня к себе, я ему уступила.

И вот мы снова вместе. Его больничная квартира – это не дом, не особняк в Уоллингфорде, которым я владею вместе с женщиной, за которого собиралась выйти замуж. Но я понимаю, что дом там, где Кэйд. Возможно, я всегда это знала.

Квартиру заполняла темнота, лишь городские огни, проникающие в окна, слегка освещали пространство. Наш Сиэтл. Кто-то в небоскребе напротив больницы украсил окна рождественскими гирляндами с лампочками. И я улыбнулась, вспоминая тот год, когда мы с Кэйдом много лет назад украшали лампочками лестницу в его квартире.

Хотя мы не слышали звуков музыки, но нас переполняла мелодия, наша мелодия. Мы покачивались в такт, а я думала о том, что Кэйд все-таки многого добился. Это была неравная битва, и, возможно, ему придется преодолевать немало препятствий в дальнейшем. Два шага вперед, шаг назад. Воспоминания будут держать его в заложниках. Туман разума, потерянные годы, невысказанные слова, растерянность. Я обо всем этом знала и принимала. Потому что я любила этого мужчину каждой клеточкой своего существа.

– Кэйд, – сказала я, – мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

В ответ он лишь легко коснулся моей щеки.

– Я написала о тебе статью для «Сиэтл Геральд», статью о тебе, о твоей истории. Но это больше, чем просто твоя история. Это история каждого, кто живет на улице, о тех, кому не повезло. Она – для любого человека, жизнь которого сложилась не так, как он планировал. – Я немного помолчала. – Я не обязана ее публиковать. Я...

– Публикуй, – ответил он. – Это не только моя история, но и твоя.

Он поцеловал меня в шею, его губы поднялись к подбородку, к щеке. Кэйд прижал меня к себе, как делал это раньше – одна рука на талии, другая в волосах.

– Кэйд, – прошептала я. – Есть кое-что еще. Я так долго хотела поделиться этим с тобой...

Слезы потекли по моим щекам.

– В тот день, когда я видела тебя в последний раз, я хотела рассказать тебе, что...

– Что, любовь моя? – спросил он, разговаривая так, как делал это в далеком прошлом. Его лицо прижималось к моей шее между плечом и подбородком.

– В тот день, когда мы расстались в твоей квартире на площади Пионеров, я собиралась сказать тебе кое-что важное.

– Что же?

– Я была беременна. Я только об этом узнала и хотела рассказать тебе. Хотела, но потом... – Я вытерла слезы. – Но потом мы поссорились, и ты исчез.

Кэйд взял меня за руку.

– У меня случился выкидыш. Это было ужасно, но страшнее всего было то, что тебя не было рядом.

Кэйд шумно вздохнул, заглянул мне в глаза и крепко обнял. Это объятие сказало мне все. *Прости меня. Я тебя люблю. Мне бы хотелось повернуть время вспять и прожить с тобой ту жизнь, которую у нас украли.*

Мы не разговаривали. Слова были не нужны. Не было подходящих слов. Была только любовь, та сила, которая соединяла нас все эти годы, хотя мы и прожили их порознь.

Я выгнула спину, когда Кэйд снова поцеловал меня в шею, я плотнее прижалась к нему. Мне все равно казалось, что я далеко от него, от моего мужчины.

Я думала об этом, когда Кэйд стянул с меня блузку, открывая выбитое краской слово «*Toujours*» на моем плече. Я вспомнила обо всех своих мечтах. Дети, которых мы бы растили. Цветы, которые мы бы выращивали в нашем саду у моря. Семейные фото, для которых мы бы позировали, строя забавные рожицы или нежно глядя друг на друга, крепко обнявшись. Вечеринки, смех и музыка, обязательно музыка.

Кэйд опустил на колени, завозился с пуговицей моих джинсов. Когда его губы коснулись моей кожи, по моему телу пробежала дрожь.

– Я никогда не переставала любить тебя, – прошептала я.

– Я всегда любил тебя, – ответил он.

Всегда. Мои глаза наполнились слезами.

Кэйд подхватил меня на руки, его обнаженное тело прижималось к

моему. Когда он опустил меня на кровать, мы целовались так, словно это был наш последний день на земле. Возможно, так оно и было. Что мы или любой из людей знаем о завтрашнем дне? Если я что-то и узнала, так только то, что завтра может вообще не наступить. И хуже того, солнце взойдет, а человек, которому принадлежит твое сердце, исчезнет, унеся частичку тебя с собой. Сегодня здесь, завтра исчез, словно корабль в Бермудском треугольнике. И ваши пути разошлись навсегда.

Но теперь Кэйд был рядом со мной. Со мной была моя любовь, и я вдыхала его дыхание, запах его кожи. Его руки скользили по моему телу, вспоминая каждый его дюйм. Я задохнулась и вскрикнула.

Когда наши тела соединились, я поняла, что хочу только одного – чтобы так было всегда, до конца моей жизни. Мне нужна была только его любовь. Чтобы она была со мной каждый день, утром и вечером. Я хотела дышать ею. Я хотела утонуть в ней. Меня поразило то, сколько красоты и трагизма в том, что в море людей, среди тысячи лиц, только один человек может затронуть тебя по-настоящему сильно.

Тело Кэйда поднималось и опускалось в унисон с моим. Я зажмурилась и молилась о том, чтобы он никогда больше не покидал меня. Я молилась о том, чтобы его любовь, такая драгоценная и истинная, оставалась со мной навсегда.

Глава 30

Полтора года спустя

– Ты только посмотри на это. – Я указала на пейзаж за окном поезда. Французская провинция была удивительно красива, точно такая, какой я запомнила ее в детстве, когда путешествовала с бабушкой и дедушкой. – В Америке ничего подобного не увидишь.

Кэйд улыбнулся и сжал мою руку, когда мы проезжали мимо пастбища, на котором паслись пушистые белые овцы. Позади поля высились руины особняка, но даже руины выглядели достойно, как будто в этом доме не раз за его историю накрывали банкетные столы и пили выдержанное вино.

Франция. Трудно было поверить в то, что мы здесь оказались. И вместе. Вскоре мы будем в Нормандии, сойдем с поезда и поедem на машине в маленький каменный домик у моря, который станет нашим домом.

Незадолго до того, как я уволилась в прошлом году из «Сиэтл Геральд», я опубликовала заключительную статью из серии, посвященной площади Пионеров. Мне понравилось, что эта статья оказалась одновременно личной историей и мощным общественным рычагом. В ней я во всех подробностях рассказала историю Кэйда. Но и свою историю тоже. Статья не была номинирована ни на одну из премий, но Джен она понравилась. Кэйд тоже. Как и сотням читателей, которые написали свои отклики. Райану так и не удалось завершить сделку по созданию совместного предприятия. Помешала рецессия. Но он способствовал тому, чтобы на площади Пионеров в Портленде в срок открылась студия 8-го новостного канала ««Кей-Джи-Дабл Ю». Приют для бездомных возле прежнего дома Кэйда остался на месте. Мы вместе спасли его.

Брюс Баррет, наш адвокат, при сотрудничестве Джеймса и Алексис успешно вернул Кэйдe более десяти миллионов долларов. Когда вся сумма оказалась на его банковском счете, мы решили уехать из Сиэтла и начать новую жизнь.

Слово «Нормандия» мы произнесли вместе, как только дела Кэйда устроились. Так и было решено.

– Принести тебе чего-нибудь? – спросил Кэйд, вставая. – Я подумал, что неплохо перекусить. Как насчет воды?

Он говорил медленнее, чем раньше. Жизнь вообще стала протекать

для него медленнее, но я не могу не улыбаться, видя, чего он добился. Доктор Брэнсон уверена, что при продолжении лечения нас ждут серьезные улучшения.

– Да, пожалуйста. Я бы съела круассан, – с улыбкой ответила я. Приятно видеть, что Кэйд становится все более независимым, но все же немного страшно. С одной стороны, ему необходима независимость, чтобы жить полной жизнью. С другой стороны, я волнуюсь. Вдруг он уйдет и потеряется? Вдруг он обо всем забудет?

Кэйд отправился в вагон-ресторан, а я стала думать о нашей будущей жизни во Франции. Я буду готовить вкусные блюда в нашей маленькой кухне. В открытые окна полетит воздух, наполненный запахом моря и пряных трав, растущих в нашем саду. Каждые две недели по средам я буду сопровождать Кэйда на прием к неврологу в Париже, лучшему во Франции, если верить доктору Брэнсон. И – я положила руку на живот, в котором жила новая жизнь, – мы будем вместе растить ребенка. Нашего ребенка. Я только недавно узнала, что беременна. Я хотела рассказать Кэйду сразу, как только увидела положительный результат теста, но решила подождать и удивить его этой новостью, как только мы обустроимся в нашем новом доме. Мне не хотелось, чтобы он переживал за меня во время переезда.

Я потрогала обручальное кольцо на безымянном пальце. Платина и чередующиеся сапфиры и бриллианты. Оно когда-то принадлежало бабушке Кэйда. Простое, во всяком случае, если сравнивать с тем «булыжником», который подарил мне Райан, но оно мне очень нравилось. Джеймс нашел его в ящике письменного стола Кэйда в офисе «Стихия Рекордс» и хранил все эти годы.

Необходимость сказать Райану, что я выхожу замуж за Кэйда, едва не разорвала мое сердце пополам. Он заслуживал того, чтобы узнать об этом от меня, а не от наших общих друзей. Поэтому я поехала в дом в Уоллингфорде в четверг вечером. Райан сидел на переднем крыльце со стаканом виски со льдом в руке. Большой кубик льда был из того контейнера, которую я ему подарила на прошлое Рождество. Розы, которые мы с ним посадили перед домом, давно зачахли без должного ухода. Райан выглядел постаревшим. Видеть его таким было просто невыносимо.

– Привет, – поздоровалась я, делая несколько осторожных шагов по направлению к нему.

– Привет, – ответил он, и его глаза на мгновение вспыхнули, но потом снова уперлись в стакан с виски. Райан отпил глоток. Позвякивание льда в бокале наполняло гулкую пустоту между нами.

– Я просто хотела заехать и сказать тебе кое-что.

– Я знаю, – прервал меня Райан. – Тебе незачем мне что-то говорить. Ты выходишь за него замуж.

Он кивнул и снова отпил большой глоток виски.

– Райан, мне жаль, – прошептала я сквозь слезы.

Он выдержал мой взгляд, и на мгновение передо мной открылась та жизнь, которая была бы у меня с ним. Радость. Дети. Обеды и ужины, партнерские отношения. Это была бы замечательная жизнь, но это была бы жизнь без Кэйда.

– Дело в том, Кайли, – язык у Райана слегка заплетался, – что я не знаю, сумею ли когда-нибудь забыть тебя.

Он вздохнул.

– Я буду всегда любить тебя, и только эта любовь позволяет мне жить, хотя ты от меня уходишь.

– О Райан... – Я инстинктивно шагнула вперед, но быстро спохватилась, не успев обнять его за шею, как это всегда бывало раньше.

– Я должен тебя отпустить, – продолжал Райан, вставая. – Уходи.

Я молча смотрела на него.

– Уходи, – взмолился Райан сквозь слезы. – Уйди, пожалуйста, пока я не начал умолять тебя остаться.

Затуманившимся взглядом я смотрела на французскую провинцию, пролетающую за окном. Но, помимо печали из-за расставания с Райаном, я испытывала радость от того, что моя жизнь соединилась с жизнью Кэйда. Наша свадебная церемония была быстрой и простой. Трэйси и ее бойфренд присоединились к нам в маленькой часовне на острове Бейнбридж. Бабушка тоже приехала. Хотя Фэй, тетя Кэйда, не дожила до этого дня, она незримо была рядом с нами. Мы это чувствовали.

Кэйд был так красив в своем костюме, так же красив, как и прежде. Я надела простое белое атласное платье с перекрещивающимися на спине бретелями. В руках я держала букет лилий. Идеальная церемония во всех отношениях. Ну почти.

Когда мы выходили из церкви, я увидела Райана. Он стоял на улице, прислонившись к своему белому «БМВ» – когда-то близкий человек, а теперь призрак из моего прошлого. *Зачем он приехал? Когда наши глаза встретились, мое сердце сжалось. Он простоял так всю церемонию? Или он наблюдал из задних рядов и слушал клятвы, которыми мы обменялись с Кэйдом?*

– Иди и поговори с ним, – сказал Кэйд. Его лицо сияло от той уверенности, которую дает только настоящая любовь. – Все в порядке.

Я чуть не расплакалась, заглянув в глаза мужа:

– Правда?

– Разумеется. Он заботился о тебе, когда я не мог.

Это было правдой. Райан искренне любил меня, любил всем сердцем. Я кивнула, отпустила руку Кэйда и пошла по усыпанной гравием парковке к Райану.

– Привет, – поздоровалась я, подходя к нему в моем скромном свадебном платье, ничуть не похожем на творение Веры Вонг, которое я собиралась надеть на свадьбу с Райаном. Я по-прежнему держала в руках букет лилий. Думаю, что Райану было больно видеть меня в образе новобрачной. Чужая невеста.

– Ты выглядишь потрясающе, – сказал Райан. – Я всегда знал, что ты будешь самой красивой невестой. – Он вздохнул. – Я знал это, но все же должен был увидеть своими глазами.

Я опустила голову, борясь со слезами. Мне захотелось коснуться рукой его щеки, провести по ней, как я делала когда-то. Но эти дни остались в прошлом. Райан знал об этом. И я знала.

И я просто улыбнулась и сказала, что сожалею.

Райан кивнул, еще раз посмотрел на меня и сел в машину.

– Надеюсь, что он любит тебя так же, как люблю я, – произнес он.

Райан уехал, у меня на душе остался неприятный осадок.

– Спасибо, – поблагодарил меня Кэйд, когда я подошла к машине.

– За что ты благодаришь меня? – спросила я, укладывая букет на заднее сиденье.

– Спасибо за то, что ты выбрала меня, – добавил Кэйд. Звук отъезжающей машины Райана задержался в воздухе.

Я задумалась обо всех тех людях, которых мы встретили на нашем пути. Песня Beatles In My Life^[45] идеально подводила черту под прожитым. Дело в том, что в своей жизни я больше любила Кэйда. И буду всегда любить его больше, вот так просто...

Кэйд вернулся из вагона-ресторана и сел напротив меня. Он принес кофе и круассан, и я почувствовала прилив благодарности за то, как повернулась жизнь, за тот долгий и извилистый путь, который снова привел нас друг к другу.

Мы сошли с поезда в маленьком городке. Сложив чемоданы на тележку, мы вышли с вокзала и остановили такси. Нам надо было доехать до маленького домика, который мы купили, но еще ни разу не видели.

– Езды минут двадцать, – сказал Кэйд, показывая карту на своем телефоне таксисту. Тот что-то пробурчал по-французски. Я попыталась понять, но мой французский, который я пыталась учить в старших классах

школы, мне не помог.

Солнце клонилось к закату, но если поторопиться, то мы могли бы увидеть наш новый дом на закате. В открытые окна такси врвался теплый воздух. Мы ехали по извилистой дороге вдоль берега, проехали маленький городок. За долгие мили нам встретилось всего лишь несколько каменных домов. У них был такой вид, будто они не одряхлели, а приобрели мудрость за долгие столетия у моря.

Когда мы въехали на обсаженную кипарисами дорогу, мое сердце забилось быстрее. Это была наша дорога. Мы повернули направо, потом налево и выехали к дому. Его стены из песчаника выглядели одновременно надежными и приветливыми. Дверь, выкрашенная в насыщенный фиолетовый цвет, гармонировала с кустами лаванды, посаженными по обе стороны от входа.

Мы расплатились с таксистом и покатали чемоданы по каменной дорожке, потом остановились рука в руке перед нашим новым домом.

– Мы дома, – прошептал мне Кэйд, взял меня за руку и повел к двери. Открыв дверь ключом, он подхватил меня на руки и перенес через порог, как делали, должно быть, наши дедушки и бабушки много лет назад.

– О Кэйд, – выдохнула я, когда он опустил меня на пол. – Это великолепно.

Мы вместе осматривали маленький дом, открывали окна, чтобы впустить морской воздух. В уютной гостиной главенствовал камин. Он же согревал и кухню. Я провела рукой по поверхности кухонных столов и едва могла дождаться, когда можно будет зажечь старую медную плиту. Я подумала обо всех тех простых и сытных блюдах, которые готовили тут на протяжении столетий.

В большей из двух спален с легкостью поместились бы несколько кроватей для наших детей и детей наших друзей. Можно было бы поставить и двухъярусные кровати. А пока она будет ждать нашего малыша. У меня внутри все затрепетало, когда я представила, как Кэйд держит на руках нашего ребенка. Я вспомнила Трэйси. На прошлой неделе она сообщила мне две новости: она помолвлена с Трентом и беременна близнецами. Я улыбнулась. Жизнь... Какой радостной и замечательной она может быть.

В другой спальне, очаровательной, но меньшего размера, большие окна смотрели на океан.

– Пусть эта спальня будет нашей, – попросила я Кэйда. Он кивнул и улегся на кровати, чтобы опробовать ее. Я последовала его примеру.

– Неплохо, – оценила я. Разумеется, над домом придется немного

поработать. Покрасить заново стены. Купить новую мебель. И занавески, желательно льняные. Но Кэйд был прав, я уже чувствовала себя дома.

Потом мы вышли во двор. Дом стоял так близко к морю, что из-за ветра по краю сада собрались небольшие холмики песка.

– Смотри. – Я указала на терракотовый горшок рядом со столом и стульями из тика. – Маленькое лимонное дерево.

Волны мягко разбивались о берег. Солнце садилось, угасающий свет был теплым, оранжевым. Я смотрела на Кэйда. Он как будто не мог оторвать взгляд от океана. Казалось, волны притягивают его. Я нервно схватила его за руку.

– Ты должен быть осторожен, – предупредила я. – Пусть ты и был чемпионом по плаванию в старших классах, но не забывай, что ты давно не тренировался.

Я понимала, что говорю, как его мать, а не как любимая женщина, но после всего случившегося я не могла не волноваться за него.

Он улыбнулся:

– Детка, есть миллион вещей, которым мне придется учиться заново. Добавлю в этот список плавание.

Я улыбнулась ему в ответ.

– Всему свое время, – добавил Кэйд.

– Согласна, – сказала я. И все же я хотела защитить его от жестокости мира.

– Как ты думаешь, далеко отсюда тот самый пляж?

– Какой пляж? – Я не поняла вопроса.

Кэйд коснулся медальона на золотой цепочке, висевшего у меня на груди.

– Тот самый, где твой дедушка нашел раковину.

Я указала направо:

– Думаю, до него одна-две мили в этом направлении. Но не беспокойся об этом. Мы обязательно найдем его, как только устроимся.

Кэйд кивнул. Мы сидели на скамье с видом на океан. Я положила голову на плечо Кэйда. Не бывает идеальной любви. Я подозревала, что в моей любви к Кэйду всегда будет присутствовать некоторая доля одиночества. Будут сожаления и даже печаль. Боль, которую не унять. В конце концов, мы немало преодолели, чтобы оказаться здесь. Мы добрались до вершины горы вместе.

– Мы сделали это, – сказала я, устраиваясь поудобнее и обнимая любимого.

– Да, – с улыбкой ответил он, не отводя глаз от океана.

Он мой. Я – его. И если вы спросите меня, как долго я буду любить
Кэйда, я отвечу: пока звезды светят на небе, пока волны ложатся на песок.
Toujours. Вечно.

От автора

Дорогой читатель!

В 1994 году я была шестнадцатилетней девушкой с короткими платиновыми волосами, ключами от «Фольксвагена-жука» (его я купила за девятьсот долларов, которые заработала как приходящая няня) и коробкой кассет. Я жила в сонном, промокшем от дождя пригороде Сиэтла. По выходным вместе с друзьями я переправлялась на пароме в Сиэтл, который посещали такие музыканты, как Курт Кобейн и Эдди Веддер. Мы сидели в кофейнях, зависали в музыкальных магазинах или – если нам позволял домашний комендантский час или после звонка за двадцать пять центов со слезными мольбами родителям – отправлялись на Капитолийский холм, чтобы послушать музыкальные группы. Вдохновленные фильмом «Одиночки»^[46], мы носили одежду из магазина секонд-хенд (деньги от продажи которой шли на благотворительность) – фланелевые рубашки, винтажные платья, кардиганы, встречались с музыкантами и пили слишком много латте. Главными для нас были музыка, кофе и свобода. Это была наша нирвана.

Но время шло. Я поступила в колледж и получила степень по журналистике. Я отдала свои ботинки «Док Мартенс», обменяла гитару (я так и не научилась хорошо играть на ней) на ноутбук. Я вышла замуж, родила детей, пережила болезненный развод. Но я всегда оглядывалась на то время. Музыка. Кафе. Дождливые дни, наполненные кофе и плохой поэзией. Увитое плющом кирпичное здание на площади Пионеров, которое я так хорошо помню. Я стала совершеннолетней в 1990-х.

Сегодня я сижу в своем офисе в Сиэтле. День солнечный. Я написала семь романов (десять, если считать те, которые я выбросила) и думаю о восьмом романе под названием «Среди тысячи лиц». Когда я начинала работать над этой книгой, я мгновенно почувствовала, что фоном повествования должен быть Сиэтл в зените его музыкальной славы. Мне захотелось, чтобы история разворачивалась на улицах, в кафе и с теми людьми, которых я знала и так сильно любила (и люблю до сих пор). Сиэтл 1990-х годов всегда будет жить в моем сердце, и я надеюсь, что мне удалось отдать ему должное.

Но если фон этой истории родился из ландшафта моего отрочества, то вдохновило меня еще кое-что. Как-то раз два года назад я выезжала из

гаража в центре Сиэтла. Уклон к Седьмой авеню был крутым. Я заметила, что дорогу переходит бородатый бездомный, и сразу нажала на тормоз.

Наши глаза встретились, и я мгновенно поняла, что откуда-то его знаю. У меня было такое чувство, что мы встречались много лет назад в колледже. Но как такое могло случиться? Как мог человек, получивший образование, оказаться на улице? Как мог парень, душа любой компании, сменить дорогую одежду и симпатичную квартиру в кондоминиуме на лохмотья и спальный мешок?

Он свернул за угол, прежде чем я успела спустить окно и окликнуть его по имени. И потом, со мной были дети... Тот момент, когда наши глаза встретились, долго преследовал меня, и в моем сердце начал зарождаться сюжет, история Кэйда и Кайли.

Как бы я поступила на месте Кайли? Как бы я повела себя перед таким трудным, разрывающим сердце выбором? Что бы сделал каждый из нас? Я с удовольствием рассматривала эти сложные темы в моем романе и поняла, что, несмотря на все беды, с которыми я столкнулась в собственной жизни, я все-таки верю в любовь и буду верить в нее всегда.

Счастливого чтения!

С любовью, Сара

Слова благодарности

Я написала эту историю после одного из самых трагических периодов в моей жизни. Мой мир перевернулся с ног на голову во всех отношениях. Я изо всех сил пыталась понять смысл происходящего и найти хотя бы подобие радости, чтобы двигаться вперед. Я особенно благодарна моим друзьям и родственникам за то, что они были терпеливы со мной, верили в меня и напоминали, что всему свое время, да и солнце обязательно взойдет снова.

От всего сердца благодарю команду издателей. Они терпели меня, пока я разбиралась со своей жизнью и писала этот роман. Спасибо вам, Элизабет Уид и Дженни Мейер, давние мои агенты, за то, что вы верили в меня с самого первого дня, несмотря ни на что. Я благодарю замечательных людей в издательстве «Рэндом Хауз и Бэллантайн». Спасибо вам, Шона Саммерс, Дженнифер Херши и всей вашей команде за терпение, доброту и за то, что вы взялись за эту книгу.

Спасибо вам, Дениз Рой, Кэти Ханджер, Джейн Грин, Джейн Портер и многие, многие другие. Ваша мудрость, ваша поддержка, ваши советы и ваше одобрение помогали мне в пути.

Спасибо вам, мама и папа, мои замечательные родственники, единственная и неповторимая Клэр Бидвелл Смит и моя команда подруг, которые смеялись и плакали вместе со мной, держали меня за руку в непростые времена.

И я благодарна трем моим мальчикам, Карсону, Расселу и Колби. Я желаю вам найти настоящую любовь, которая будет красивой и яркой, и не отступать, пока вы ее не найдете. Брэндон, спасибо тебе за то, что ты любишь меня и за то, что показываешь мне, как прекрасно любить снова.

notes

СНОСКИ

Mazzy Star – американская музыкальная группа, исполняющая дрим-поп, психоделический рок, фолк-музыку и шугейзинг, один из жанров альтернативного рока. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

«Растворяюсь в тебе» (*англ.*).

Soundgarden – американская рок-группа из Сиэтла, образованная в 1984 году, играющая в стиле гранж. Распалась в 1997 году, воссоединилась в 2010-м.

Эдди Веддер (Эдвард Луис Северсон III) – музыкант, лидер, вокалист и гитарист группы Pearl Jam.

Nirvana – американская рок-группа, созданная вокалистом и гитаристом Куртом Кобейном и басистом Крестом Новоселичем в 1987 году. Недолгая, но яркая история группы прервалась в связи со смертью Кобейна в апреле 1994 года. Он злоупотреблял героином и застрелился из дробовика.

«Серенада лунного света» (англ.).

Биг-Сур – малонаселенный район побережья центральной Калифорнии, где горный хребет Санта-Лусия резко повышается от Тихого океана. Виды этой местности очень живописны, что делает Биг-Сур популярным среди туристов.

«С днем рождения» (*англ.*).

Стиви Никс – американская певица и автор песен, наиболее известная как лицо и голос группы Fleetwood Mac.

Fleetwood Mac – влиятельная и коммерчески успешная британо-американская группа. Жанры – блюз, блюз-рок, рок, поп-рок, софт-рок. Работает до сих пор.

«Цыганка» (*англ.*).

Grateful Dead – американская рок-группа с фронтменом Джерри Гарсией, основанная в 1965 году в Сан-Франциско. Группа известна своим уникальным и эклектичным стилем и длительными импровизациями на концертах. В 2015 году группа отыграла прощальный концерт.

«Летней порой» (англ.)

Тише, малыш... (англ.)

Не плачь (*англ.*).

NASDAQ – американская биржа, специализирующаяся на акциях высокотехнологичных компаний. Одна из трех основных фондовых бирж США.

Guns N'Roses – американская хард-рок-группа из Лос-Анджелеса, сформированная в 1985 году.

The Mamas & the Papas – американский музыкальный коллектив второй половины 1960-х годов, состоявший из двух певцов и двух певиц, просуществовавший около трех лет и создавший за это время несколько хитов.

Crosby, Stills, Nash & Young – музыкальный коллектив из числа супергрупп, работающий преимущественно в стиле фолк-рок.

«Счастливы вместе» (англ.).

The Turtles – американская поп-рок-группа, образовавшаяся в Калифорнии в 1963 году. Исполняла мелодичные песни с элементами фолк-рока и мягкой психоделики. Международную известность группе принес хит Happy Together, возглавивший американские списки в 1967 году.

Pearl Jam – одна из четырех ключевых групп музыкального движения гранж. Под этим названием выступает с 1991 года. Группа до сих пор продолжает выпускать альбомы. В 2017 году попала в Зал славы рок-н-ролла.

The Breeders – американская группа альтернативного рока, образованная в 1988 году в Бостоне, штат Массачусетс. За 20 лет группа много раз меняла состав и выпустила всего 4 альбома.

Кимберли Энн Дил – американская певица и музыкант, наиболее известная как бас-гитаристка альтернативной рок-группы Pixies и гитаристка и вокалистка в девичьей инди-группе The Breeders.

The Pixies – американская альтернативная рок-группа, образовавшаяся в Бостоне, штат Массачусетс, в 1986 году. В США группа никогда не была сверхуспешной и первые годы даже не издавалась на родине, однако получила восторженный прием в Великобритании и в целом по Европе. Группа распалась в 1993 году из-за сильных внутренних разногласий, но воссоединилась в 2004 году.

Такой группы на самом деле не существует.

«Поцелуй, чтобы можно было помечтать» (*англ.*).

Роберт Ли Фрост (1874–1963) – один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулитцеровской премии.

«Я пойду за тобой» (англ.).

Американская рок-группа, основанная в 1987 году. Существует до сих пор.

Такой группы на самом деле не существует.

Spice Girls – женская поп-группа из Великобритании, образованная в Лондоне в 1994 году. Распалась в 2008-м. 12 августа 2012 года группа в полном составе воссоединилась на один день и выступила на церемонии закрытия Олимпийских игр в Лондоне.

«От начала до конца» (англ.).

Рождественская елка, которая является нежелательной для выбора с точки зрения традиционных стандартов. Выражение вошло в силу после выхода в свет мультфильма «Рождество Чарли Брауна», в котором главный персонаж выбирает непривлекательную елку. Данный выбор символизирует протест против коммерциализации Рождества.

U2 – рок-группа из Дублина, Ирландия. Была сформирована в 1976 году, одна из самых популярных, успешных и влиятельных групп в мире за всю историю.

The Beach Boys – американская рок-группа. На становление музыкального стиля группы повлияли ранний рок-н-ролл и вокальные группы 1950-х гг. Успех группе принесли гармоничные песни в жанре сёрф-рока.

«Я до сих пор не нашел того, что ищу» (англ.).

Death Cab for Cutie (часто сокращают до Death Cab) – американская инди-рок группа, основанная в 1997 году.

Дейл Патрик Чихули – американский художник-стекловар, знаменитый своими сложными с технической точки зрения инсталляциями из стекла в стиле энвайронмент.

Такой группы на самом деле не существует.

«Сегодня я могу это увидеть» (*англ.*).

Foo Fighters – американская рок-группа (1994 – наши дни), образованная бывшим участником Nirvana Дэйвом Гролом. Жанры: постгранж, альтернативный рок, хард-рок, альтернативный метал.

«Белое Рождество» (*англ.*).

Всю меня, почему не взять всю меня? *(англ.)*

«В моей жизни» (англ.).

«Одиночки» – американский фильм 1992 г. режиссера К. Кроу. В главных ролях – Б. Фонда, К. Скотт, К. Седжвик.